

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ

къ сужденію о силѣ доказательствъ и мысли изъ рѣ-
чей Предсѣдательствующаго по уголовнымъ дѣламъ.

Пособіе для юристовъ-практиковъ и присяжныхъ
засѣдателей.

СОСТАВИЛЪ

Н. А. ТЕРНОВСКІЙ,

Членъ Окружнаго Суда.

ТУЛА.

Типографія Влад. Ник. Соколова.

1901.

15-216

150

+

Рус

Тер

Дозволено цензурою. Москва 11 Апрѣля 1891 г.

JUL 2 1931

Несмотря на настоятельную необходимость знанія правилъ для оцѣнки силы доказательствъ, въ нашей юридической литературѣ почти нѣтъ такихъ сочиненій, которыя имѣли бы своимъ предметомъ специально этотъ вопросъ, за исключеніемъ весьма немногихъ переводныхъ сочиненій, какъ, напр. „Трактатъ о судебныхъ доказательствахъ“ Бентама. Но и эти послѣднія во 1) не объемлютъ собою, каждое въ отдѣльности, всѣхъ наиболѣе употребительныхъ на судѣ уголовныхъ доказательствъ, во 2) представляютъ собою въ настоящее время большую рѣдкость и въ 3) доступны лишь для немногихъ по своему строго научному плану, большому объему и дороговизнѣ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого даже и въ судебныхъ засѣданіяхъ весьма рѣдко слышится оцѣнка доказательствъ по правиламъ, установленнымъ авторитетными юристами.

Не имѣя претензіи на научную разработку ученія о доказательствахъ, а имѣя въ виду лишь удовлетворить неотложнымъ практическимъ потребностямъ, я рѣшился собрать болѣе необходимые мысли о доказательствахъ, высказанныя въ разнообразныхъ сочиненіяхъ, * систематически сгруппировать ихъ, дополнить нѣкоторыми другими мыслями и изложить въ небольшой книжкѣ кратко и, по возможности, словами самихъ авторовъ, съ цѣлію сохранять наибольшую точность, сдѣлавъ, такимъ образомъ, пользование этими мыслями легко доступнымъ для каждого.

Въ концѣ книги я изложилъ мысли авторитетныхъ юристовъ, имѣющія тѣсную связь съ цѣлями настоящей книги и могущія быть пособіемъ для рѣчей Предсѣдательствующаго по уголовнымъ дѣламъ. Въ этомъ приложеніи изложены и нѣкоторыя права и обязанности Предсѣдательствующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ. Съ этими мыслями, полагаю, во многихъ случаяхъ бываетъ полезно ознакомить присяжныхъ засѣдателей, дабы въ нихъ не закралось подозрѣніе въ стѣсненіи правъ сторонъ на судѣ.

Единственная попытка въ этомъ направленіи въ нашей оригинальной юридической литературѣ и цѣль ея позволяютъ мнѣ на дѣяться на снисходительное къ ней отношеніе критики и самихъ авторовъ, мыслями которыхъ я воспользовался.

* Трактатъ о судебныхъ доказательствахъ Бентама; Теорія косвенныхъ уликъ Уильза; судебныя рѣчи Кони; учебникъ Уголовнаго процесса Случевского; ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ Владимірова; О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствахъ... Спасовича; Русское Уголовное Судопроизводство Тальберга и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Необходимость процессуальных правил	1— 2
2. Устность процесса	2— 3
3. Публичность процесса.	3— 8
4. Понятіе и необходимость теоріи доказательствъ.	8— 13
5. Законы юридическаго мышленія.	13— 14
6. Изсѣдованіе истины по законамъ логики.	15— 17
7. Наблюденіе и опытъ	17— 19
8. Гипотезы, примѣры и предположенія.	19— 22
9. Сомнѣніе	22— 26
10. Достоверность	26— 28
11. Вѣроятность	28— 29
12. Внутреннее убѣжденіе	29— 33
13. Вліяніе чувства на убѣжденіе	33— 35
14. Вліяніе алкаголя на дѣятельность мозга и нервъ	35— 37
15. Аффекты	37— 38
16. Страсти.	38— 39
17. Сочетаніе идеальнаго и чувственнаго элементовъ	40— 42
18. Интеллектуальныя, или привычныя связи идей.	42—
19. Критерій силы судейскаго убѣжденія.	42— 43
20. Понятіе о доказательствахъ	43— 44
21. Теорія формальныхъ доказательствъ.	44— 49
22. Прямые доказательства.	49—
23. Косвенныя доказательства	49— 53
24. Доказательная сила косвенныхъ доказательствъ.	53— 57
25. Предметы доказыванія на судѣ.	57— 58
26. Ордаліи.	59— 62
27. Дуэль.	62— 63
28. Присяга	63— 65
29. Лжеприсяга.	65— 66
30. Показаніе свидѣтелей	67— 70
31. Причины невольнаго уклон. свидѣтелей отъ истины	70— 73
32. Показаніе потерпѣвшаго отъ преступленія лица.	74— 75
33. Показаніе родственниковъ сторонъ	75— 76
34. Причины и формы проявленія лжесвидѣтельства.	76— 82
35. Производныя доказательства: а) свидѣтельство по слуху, б) др. производныя доказательства.	82— 87
36. Свидѣтели—очевидцы преступленія.	87— 88
37. Противорѣчія и пропуски въ свидѣтельск. показан.	88— 90
38. Нѣкоторыя особыя причины правдивости и лживости свидѣтельскихъ показаній.	90— 91
39. Число свидѣтелей.	91— 92
40. Показаніе умирающаго свидѣтеля	92— 93
41. Показаніе дѣтей.	93—
42. Показаніе слѣпыхъ	93— 94
43. Показаніе нѣмыхъ и глухонѣмыхъ	94—
44. Показаніе тупоумныхъ	94— 96

45. Показаніе слабоумныхъ.	96—98
46. Показаніе идіотовъ.	98—99
47. Показаніе истеричныхъ.	99—103
48. Показаніе сумашедшихъ и эксцентричныхъ.. . . .	104—
49. Мнѣнія и впечатлѣнія свидѣтелей.	104—105
50. Доказательства тождества лица.	105—106
51. Письменные свидѣтельства	106—107
52. Перекрестный допросъ	107—109
53. Очная ставка.	109—110
54. Наводящіе вопросы.	110—111
55. Нѣкоторыя общія положенія для оцѣнки достовѣрн. свидѣтельскихъ показаній.	111—115
56. Сообщенія публичныхъ установленій и частн. лицъ.	115—116
57. Экспертиза.	116—122
58. Показаніе обвиняемаго	122—
59. Причины свидѣтельства противъ себя и внѣсудебн. признанія.	122—126
60. Сознаніе на судѣ.	126—131
61. Уловки обвиняемыхъ.	131—133
62. Обстоятельства, уличающія обвиняемаго	133—135
63. Прошлое обвиняемаго	135—137
64. Предѣлы изслѣдованія личности обвиняемаго.	137—140
65. Признаки душевнаго волненія подсудимаго и сис- тема защиты не всегда свидѣлствуютъ о виновн.	140—143
66. Доказательная сила душевн. свойствъ, какъ причина преступленія.	143—144
67. Мотивы преступленія	144—147
68. Рѣшимость.	147—
69. Воля	147—148
70. Нѣкоторыя условія, огранич. и уничт. нравст. свободу.	148—149
71. Меланхолія.	149—
72. Вынужденныя представленія	149—150
73. Невмѣняемость истеричныхъ.	150—151
74. Эксцентричность, безнравст., психическія слабости.	151—152
75. Сонъ	152—154
76. Дневникъ.	154—155
77. Оговоръ.	155—
78. Вещественныя доказательства	155—158
79. Письменные вещественныя доказательства.. . . .	158—165
80. Копіи	165—166
81. Анонимныя сообщенія	
82. Разница между производствомъ дѣлъ о подлогахъ въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ.	167—170 170—171
83. Слѣды преступленія	171—172
84. Личный осмотръ	172—173
85. Аналогія	173—174
86. Отрицательныя доказательства	174—
87. Права и обязанности присяжныхъ засѣдателей	175—185
88. Руководящее напутствіе Предсѣдателя.	185—200

Необходимость процессуальных правилъ.

Самые неразвитые умы сознаютъ необходимость правосудія для общественной безопасности. Правосудіе, по латинскому изреченію, есть основа царства.

Уголовный судъ имѣетъ своимъ предметомъ интересы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества, государства. Задача его — осудить, по доказательствамъ обнаруженнымъ на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, виновнаго и оправдать невиннаго, обнаружить матеріальную истину, подъ которою разумѣется полное соотвѣтствіе между нашими идеями, съ одной стороны, и фактами съ другой, совершеннѣйшее, по возможности, тождество нашихъ представленій о предметѣ съ самимъ предметомъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, вѣрное отраженіе дѣйствительности въ человѣческомъ сознаніи. Онъ охраняетъ законъ тѣмъ, что наказываетъ его нарушителей.

Государство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ судебную власть, охраняя при помощи репрессивной дѣятельности уголовныхъ судовъ правовой порядокъ, правовыя нормы, заинтересовано не только въ томъ, чтобы судебное рѣшеніе было правосудно, но и въ томъ, чтобы оно признавалось за таковое и въ общественномъ сознаніи, потому что отъ отсутствія довѣрія въ обществѣ къ правдивости постановленныхъ судомъ приговоровъ существенно страдаетъ государственный интересъ, парализуется сила уголовной репрессіи судовъ.

Необходимо поэтому, чтобы основанія, по которымъ судъ сдѣлалъ ту или другую оцѣнку доказательствамъ противъ виновнаго, были не только для всѣхъ понятны и ясны, но и устанавливались съ соблюденіемъ тѣхъ процессуальныхъ принциповъ, формъ, правилъ, обрядовъ, которые установлены законодателемъ въ видахъ регламентаціи дѣятельности судовъ. Необходимо, чтобы были приняты соотвѣтствующія мѣры для доказательства факта преступленія и виновности лица, совершившаго его.

При изслѣдованіи истины необходимо руководиться извѣстными законами и слѣдовать строго по опредѣленнымъ путямъ. Истина должна добываться на судѣ при соблюденіи предписанныхъ закономъ на этотъ предметъ правилъ, которыя, оправдываясь разумомъ и опытомъ, оказываются наиболѣе вѣрными и гарантируютъ отъ опасныхъ ошибокъ, ибо государство не есть семья, гдѣ несправедливый поступокъ заглаживается ласкою.

Принятіе этихъ мѣръ входитъ въ сферу процессуальной дѣятельности судовъ, въ которой цѣлесообразность дѣйствій приобретаетъ такимъ образомъ значеніе руководящаго принципа.

Для осуществленія своего назначенія уголовные суды должны озаботиться правильною постановкою преслѣдуемой цѣли, придать всѣмъ своимъ процессуальнымъ дѣйствіямъ характеръ дѣйствій цѣлесообразныхъ, въ которыхъ всѣ частныя цѣли процесса, отдѣльные его моменты, находились бы въ строгомъ соотвѣтствіи съ главною, или общею его цѣлю—обнаруженіемъ матеріальной истины и примѣненіемъ уголовно-матеріальнаго закона къ виновнику совершеннаго преступленія. Оставаясь легальною, дѣятельность уголовныхъ судовъ должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи процессуальномъ дѣятельностью цѣлесообразною.

Но форма составляетъ лишь средство для достиженія цѣлей правосудія, а не цѣль саму по себѣ. Безцѣльный формализмъ—не правосудіе. Лишать, напр., изъ-за пустой формальности цѣлаго состоянія было бы верхомъ неправосудія.

Въ достиженіи цѣлей правосудія имѣютъ весьма важное значеніе устность и публичность, или гласность, уголовного процесса.

Устность процесса.

Устность, или непосредственность, ускоряетъ процедуру производства, устраняетъ посредствующіе элементы, излишнихъ посредниковъ, вторженіе субъективныхъ элементовъ стоящихъ, между судьей и изслѣдуемымъ событіемъ; она даетъ возможность суду, насколько то возможно, встрѣтиться съ преступленіемъ лицомъ къ лицу, провѣрить своими чувствами достоинства и недостатки уголовныхъ доказательствъ, прочувствовать подлежащій его обсужденію случай во всѣхъ его фактическихъ отношеніяхъ, предохраняя судъ отъ одного изъ главныхъ заблужденій.

Чѣмъ болѣе, говоритъ Гейеръ, существуетъ субъектовъ между судьей и судимыми дѣйствіями, тѣмъ болѣе существуетъ источни-

ковъ для ошибочнаго ихъ познанія. Судья въ интересахъ образованія въ немъ внутренняго убѣжденія долженъ испытать на себѣ убѣжденіе, которое производятъ на него, напр., показаніе свидѣтеля и объясненія сторонъ, принимая во вниманіе всѣ индивидуальныя особенности, всѣ мельчайшія подробности дѣла. Благодаря устному допросу свидѣтеля суду представляется возможность извлечь изъ его показанія все то, что въ состояніи только дать свидѣтель, выяснитъ значеніе обнаружившейся неясности или противорѣчія въ его показаніи, а также опредѣлить, насколько личность его заслуживаетъ довѣрія и, слѣдовательно, какою степенью достовѣрности и доказательной силы обладаетъ его показаніе.

Но провести начало устности въ его чистомъ, идеальномъ видѣ невозможно. Событіе преступленія совершается не на глазахъ суда, а принадлежитъ прошлому времени. Безъ помощи свидѣтелей судъ обойтись не можетъ; свидѣтель можетъ умереть, слѣдъ преступленія можетъ уничтожиться, и по этому является необходимость для суда пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который собранъ слѣдователемъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ протоколахъ его, т. е. пользоваться посредственно.

Публичность процесса.

Публичность есть основа, душа правосудія, одна изъ самыхъ лучшихъ гарантій правильности судебного производства.

Гласность имѣетъ великое воспитательное значеніе, которое проявляется во 1) въ видѣ воздѣйствія аудиторіи на судей и ничѣмъ незамѣнимаго контроля печати надъ судебскими дѣйствіями и во 2) въ видѣ вліянія формы и содержанія судебного разсужденія на непосредственную аудиторію и чрезъ посредство печати на отсутствующую публику.

Она дисциплинируетъ судей, побуждаетъ ихъ, а также и всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, къ наиболѣе строгому и добросовѣстному исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей.

Судья не рѣшится на глазахъ публики отдаваться своему нетерпѣливому и раздражительному характеру, тому деспотическому поведенію, которое путаетъ адвокатовъ и свидѣтелей, тому различію въ обращеніи—льстивомъ по отношенію къ однимъ, унижительномъ по отношенію къ другимъ.

На глазахъ публики самыйъ деспотическій чиновникъ становится умѣреннѣе, самый смѣлый—болѣе осторожнымъ; на глазахъ публики судья будетъ держаться съ достоинствомъ безъ высокомерія и соблюдать равенство безъ униженія. Еслибы даже въ сердце его была несправедливость, онъ, все-таки, противъ воли будетъ справедливъ, не рѣшится употребить уловокъ, потому что все, что онъ дѣлаетъ, можетъ послужить доказательствомъ противъ него; онъ будетъ чувствовать, что не можетъ произнести никакого рѣшенія безъ того, чтобы самому не подвергнуться свободной оцѣнкѣ и критикѣ, суду и карѣ общественнаго мнѣнія.

Дайте мнѣ, говорилъ Мирабо, въ законодательномъ собраніи какого хотите судью—пристрастнаго, корыстолюбиваго, даже моего врага, лишь бы только онъ дѣйствовалъ въ виду публики... Но общественное мнѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ Цахаріе, только до извѣстной степени является контролемъ судейской дѣятельности, и если требованія общественнаго мнѣнія расходятся съ требованіями закона или не мирятся съ судейскою совѣстью, то судья безусловно долженъ приносить первыя въ жертву послѣднимъ.

Судя неизмѣнно долженъ нести обществу вѣдѣнія закона и правды. Судебныя дѣятели должны ставить честное исполненіе своего долга внѣ и выше всякихъ преходящихъ вѣяній и при томъ выработать себѣ такую ясную и прямую точку зрѣнія на свое общественное мѣсто, которая отвѣчала бы ихъ высокому и независимому призванію, ибо судъ учрежденъ для общественного блага, судебныя чины дѣйствуютъ въ публичныхъ интересахъ. Не популярность, а одно лишь уваженіе имѣетъ цѣнность съ этой точки зрѣнія; не тревожная чуткость къ общественному мнѣнію, а твердая невозмутимость высшаго служенія ей свойственна.

Если нельзя отрицать или игнорировать взаимодѣйствія суда и общественнаго самосознанія, общественнаго мнѣнія, столкновенія суда съ окружающими явленіями и даже съ настроеніемъ и теченіемъ среды, то не слѣдуетъ и поддаваться этому взаимодѣйствию или преувеличивать его.

Благодаря публичности производства, юстиція не теряетъ связи съ ~~миреніемъ~~ ^{жизнью} и уваженія къ ея требованіямъ. Публичные споры входятъ въ обыкновенный кругъ идей и общество привыкаетъ болѣе интересоваться результатами судебныхъ дѣлъ. Она создаетъ и развиваетъ общественный духъ.

Судебное зрѣлище даетъ воспитаніе столь же легкое, какъ и интересное. То, что узнаютъ здѣсь, никогда не забывается. Настав-

леніе закона остается запечатлѣннымъ въ умѣ при помощи проишествія, съ которымъ оно связано. Даже театральныя средства, соединяющія все, что можетъ поддержать иллюзію, не прочны и слабы, какъ тѣни въ сравненіи съ тѣми дѣйствительными драмами, въ которыхъ видны во всей мельчайшей подробности, во всей легальной правдѣ результаты преступленія, униженіе виновныхъ, мученія отъ угрызенія совѣсти и катастрофа отъ осужденія.

Гласность служить примѣромъ и поученіемъ; но она ни въ какомъ случаѣ не должна превращаться въ источникъ сильныхъ впечатлѣній, вырождаться въ безпорядочное или соблазнительное зрѣлище, удовлетворяющее лишь праздному любопытству, или вреднымъ вождѣлѣніямъ толпы, отчего ее оберегаютъ и судебныя формы, не представляющія пороковъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли возбуждать воображеніе или способствовать развращенію.

Пороки на судѣ открываются не иначе, какъ окрашенные всею обстановкою безчестія, которымъ клеймить ихъ публичность. Самые развращенные изъ зрителей вынесутъ изъ суда не иное, что, какъ страхъ самому подвергнуться безчестящему слѣдствію.

Предсѣдательствующій обязывается бдительно и энергически оберегать порядокъ въ засѣданіи, рѣшительно пресѣкая его нарушеніе и безъ стѣсненія примѣняя къ нарушителямъ мѣры воздѣйствія. По этому и судъ не имѣетъ основанія колебаться въ пользованіи своимъ правомъ ограниченія судебной гласности, когда она можетъ явно вредить кореннымъ устоямъ государственной и общественной жизни, которые далеко превосходятъ полезное значеніе публичности. Если, напр., въ печальныхъ обстоятельствахъ семейнаго процесса, въ особенности, въ процессахъ о прелюбодѣніяхъ и тайнахъ супружескаго ложа правосудіе исцѣляетъ рану, то публичность растравляетъ другую рану, столь же болѣзненную, какъ и неизлѣчимую.

Въ особенности честь женщины до такой степени деликатнаго свойства, что слѣдуетъ всегда прикрывать отъ публичнаго злословія легкомысленныя ошибки, которыя могутъ унижить или привести въ отчаяніе молодыхъ особъ хорошаго происхожденія, хорошаго воспитанія, возвышенныхъ чувствъ.

Или, если напр., отецъ совершить проступокъ по отношенію къ своему сыну не столь важный, чтобы лишить его авторитета, то публичное разсмотрѣніе его проступка можетъ повредить его репутаціи, его родительской власти; тогда какъ критика его злоупотребленія въ закрытомъ засѣданіи и даже тайный выговоръ

ему, не ослабляя его власть въ принципѣ, не унижая его въ глазахъ сына, можетъ быть прикрытъ видомъ добровольнаго примиренія.

Если суды слѣдуетъ разсматривать какъ школы добродѣтели и нравственности, то надо удалять изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, женщинъ и дѣтей въ такихъ дѣлахъ, которыя могутъ оскорблять порядочность и стыдливость.

Публичность укрѣпляетъ довѣріе къ юстиціи, содѣйствуетъ развитію въ обществѣ увѣренности въ правдивости постановляемыхъ судомъ приговоровъ.

„Когда, говоритъ Миттермайеръ, публика видитъ, что какъ бы ни были скрытны свидѣтели, какъ бы ни было замаскировано преступленіе, все-таки оно открывается и виновный не избѣгаетъ заслуженнаго наказанія, тогда производится на публику огромное нравственное вліяніе.

Съ довѣріемъ народа къ юстиціи выигрываетъ дѣйствительность уголовной санкціи, такъ какъ въ обществѣ усиливается общее убѣжденіе въ строгости и силѣ уголовного наказанія.

Для дѣйствительно виновныхъ публичность усиливаетъ репрессию состоявшагося обвинительнаго приговора.

Наоборотъ, для невиннаго она даетъ возможность употребить всѣ средства къ возстановленію своей поруганной чести и общественнаго положенія, даетъ нравственное удовлетвореніе за напрасно причиненныя судебнымъ производствомъ страданія. Одинъ французскій криминалистъ замѣчаетъ: „на негласномъ судѣ невинный никогда не будетъ вполне оправданъ“.

Гласность даетъ подсудимымъ большія гарантіи въ томъ, что имъ даны будутъ всѣ средства защиты. Ложь можетъ быть смѣла при секретномъ допросѣ; но трудно допустить, чтобы она была смѣла передъ публикою; это даже невѣроятно для человѣка, еще несовсѣмъ развращеннаго.

Всѣ взоры, направленные на свидѣтеля, смущаютъ его, если онъ имѣетъ планъ обмануть. Часто случалось, что находившіеся въ публикѣ лица знали факты, относящіеся къ показаніямъ, и доставляли судьямъ полезныя указанія.

Если предсѣдатель обставитъ свидѣтеля вниманіемъ, сообразнымъ его воспитанію, если торжественность и форма преній напомнятъ ему въ тоже время, что обвиняемый не остается безъ защиты, что общество требуетъ повинности свидѣтельства и, зная его показаніе, будетъ наилучшимъ его защитникомъ отъ несправедливыхъ обидъ со стороны обвиненія или защиты и неліце-

приятнымъ его судьей и что всякій зритель можетъ быть жертвою злодѣя, избѣжавшаго правосудія, то свидѣтель будетъ болѣе ободренъ и пораженъ мыслию объ обязанности его все открыть.

Если нравственная санкція сильно содѣйствуетъ въ опредѣленіи отношеній людей между собою въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, то она еще сильнѣе примѣняется къ судебнымъ показаніямъ. Она пропорціональна важности дѣла, торжественности случая, размышленію, котораго вправѣ общество ожидать отъ того, кто призывается вліять на рѣшеніе судей и на важнѣйшіе общественные интересы.

О силѣ нравственной санкціи въ этомъ отношеніи можно судить по презрѣнію, которое повсемѣстно связано съ названіемъ лжеца. Извѣстно, что упрекъ во лжи заключаетъ въ себѣ самое вызывающее изъ всѣхъ оскорбленій. Это обвиненіе, какъ и всѣ другія, тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ болѣе оно заслужено.

Бываютъ храбры противъ осужденія, но не противъ презрѣнія. поэтому часто встрѣчаются люди, соединяющіе въ себѣ характеръ бретера и лжеца: одно помогаетъ другому.

„Ежели, говоритъ Глазеръ, въ уголовномъ правосудіи должно содержаться нравственное противодѣйствіе преступленію, то необходимо, чтобы дѣятельность судовъ не представлялась обществу таинственною, загадочною, неопредѣленною и неизвѣстною“.

Бентамъ признаетъ начало гласности столь важнымъ, что предлагаетъ даже назначать по наряду въ залъ засѣданія, если бы охотниковъ на это не оказалось.

Когда судебное дѣйствіе производится втайнѣ, то легко создается подозрѣніе, что за стѣнами судебного засѣданія скрывается несправедливость и произволъ.

Тайна производства порождаетъ неувѣренность въ правильности приговора и состраданіе, ибо публика, по естественному чувству, всегда сочувствуетъ угнетенному, сочувствуетъ участи подсудимаго, на котораго смотрять, какъ на жертву тираніи и котораго хотятъ спасти отъ слишкомъ суроваго наказанія, въ особенности, когда дѣло идетъ о законахъ, несогласныхъ съ общественнымъ мнѣніемъ.

Негласное разбирательство допускаетъ большую долю небрежности и торопливости; оно позволяетъ относиться безцеремоннѣе и къ сторонамъ и къ присяжнымъ.

Главнѣйшіе пороки, развѣдавшіе юстицію, совпадали съ тѣми историческими эпохами, когда отправление правосудія пряталось

въ четырехъ стѣнахъ. Чѣмъ болѣе суды были тайны, тѣмъ болѣе они были ненавистны. Средневѣковой тайный судъ, инквизиція, совѣтъ десяти опозорили тѣ правительства, которыя ихъ установили. Имъ приписали, можетъ быть, въ сто разъ болѣе преступленій, чѣмъ сколько они ихъ совершили.

Если судамъ нечего бояться взглядовъ публики, то имъ нѣтъ надобности замыкаться въ кругъ сумерекъ. Тайною стремится прикрыться угнетеніе во всѣхъ формахъ. Оно всего болѣе боится публичности. Кто прячется, тотъ на-половину изобличенъ.

Понятіе и необходимость теоріи доказательствъ.

Едва ли въ наукѣ права есть ученіе, которое имѣло бы такую благородную и человѣческую цѣль, какъ часть теоріи доказательствъ, занимающаяся установленіемъ правилъ, ограждающихъ невиннаго человѣка отъ напраснаго уголовного преслѣдованія.

Свободная научная теорія доказательствъ есть ничто иное, какъ сводъ, совокупность практическихъ правилъ, составляющихъ продуктъ многовѣковаго человѣческаго опыта, созданныхъ непроизвольнымъ измышленіемъ, а выработанныхъ чрезъ изученіе логическихъ и психологическихъ законовъ, управляющихъ дѣйствіями человѣка, законовѣдѣніемъ, философскимъ мышленіемъ и судебною практикою и приведенныхъ въ систему цѣлымъ рядомъ мыслителей.

Онѣ выведены изъ природы человѣка, какъ нравственно разумнаго существа, и основываются на началахъ любви къ ближнему, естественной философіи, здоровомъ смыслѣ, историческихъ истинахъ и ежедневномъ наблюденіи и опытѣ, а потому и должны быть главнѣйшимъ источникомъ для общихъ руководящихъ правилъ о силѣ доказательствъ.

Теорія доказательствъ не ограничивается установленіемъ правилъ о собираніи, разработкѣ и пользованіи, эксплуатаціи, доказательствами, но и выработкою правилъ о доказываніи на судѣ истины, матеріаловъ, изъ которыхъ можно построить и то и другое зданіе.

Въ дѣлѣ обнаруженія истины существеннымъ элементомъ представляются рядомъ мысли изслѣдователя и логическій путь ихъ развитія.

При установленіи путей изслѣдованія наука можетъ дать и положительныя правила, показывающія, какъ именно слѣдуетъ

вести доказываніе, выясняя, въ какія ошибки не слѣдуетъ впадать, какіе приемы, опасные для истины, должны быть избѣгаемы.

Истина, найденная такимъ путемъ, опирается на извѣстныя основанія, производящія одинаковыя впечатлѣнія на каждого судью, хотя на него вліяютъ при этомъ и всѣ его индивидуальныя особенности. Индивидуальность въ изслѣдованіи фактической истины, въ дѣлѣ нравственной достовѣрности даетъ свой отпечатокъ всему изслѣдованію.

Но наука, замѣчаетъ Савиньи, не можетъ дать законодателю всеобщихъ и всеисчерпывающихъ правилъ доказательствъ, такъ какъ достовѣрность опирается на такое множество отдѣльныхъ, въ своей совокупности только индивидуальному случаю принадлежащихъ, элементовъ, что для нея вовсе нельзя установить общихъ научныхъ законовъ. Конечно, данный фактъ былъ послѣдствіемъ опредѣленной причины; но причина эта является въ томъ видѣ, какъ ее изслѣдуютъ, индивидуальною.

Конечно, и уголовный случай, какъ и историческій фактъ, можетъ служить матеріаломъ для выводовъ, обобщеній. Но эта индуктивная дѣятельность имѣетъ уже цѣль, лежащую внѣ процессуальной задачи,—возстановить прошлое событіе въ его конкретной формѣ.

Прошрое индивидуальное событіе единично, не повторяется и не можетъ быть разсматриваемо какъ представитель цѣлаго класса подобныхъ явленій.

Преступленіе подобно тому, какъ и вся исторія, есть ничто иное, какъ преданіе, нуждающееся еще въ большей степени въ критикѣ, нежели чувственный опытъ, потому что истина, передаваемая преданіемъ, часто искажается, переходя сквозь призму чужого убѣжденія, и окрашивается свойственнымъ этой призмѣ цвѣтомъ. Очевидецъ, передающій свои личныя впечатлѣнія, можетъ или самъ ошибаться или умышленно ее измѣнить, изукрасить, выдумать. Шансы ошибки удваиваются, когда истина пройдетъ черезъ двѣ такія среды, учетверяется, когда-черезъ четыре и т.д.

Наконецъ, изъ двадцатыхъ устъ слышится безобразный мифъ, уродливое сказаніе, въ которомъ безконечно малая доля правды исчезаетъ совершенно въ растворѣ обмана, выдумки и лжи. Такъ, между прочимъ, истина ускользаетъ и отъ суда, остается скрытою, являются судебныя ошибки—эти неизбѣжные спутники человеческого правосудія.

Прошлый индивидуальный фактъ возстановляется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

Преступленіе можетъ быть возстановлено только на основаніи тѣхъ историческихъ единичныхъ фактовъ, которые подарены правосудію случаемъ.

Не слѣдуетъ забывать, что всѣ преступления вообще, а въ особенности самыя важныя изъ нихъ, совершаются по обдуманному плану въ потемкахъ, въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, гдѣ присутствіе свидѣтелей исключено заранѣе, хотя въ большинствѣ случаевъ, несмотря иногда на самую заботливую предусмотрительность виновнаго, оставляютъ за собою какіе-нибудь слѣды, повидимому, ничтожныя, которые даютъ возможность найти виновника преступления, какъ охотникъ розыскиваетъ свою добычу, или сопровождаются такими обстоятельствами, которыя ведутъ къ открытію и наказанію преступника. „На всякаго мудреца довольно простоты“,—и почти всегда какая-нибудь мелкая оплошность преступника ниспровергаетъ самый хитрый расчетъ. Невсегда виновный владѣетъ собою, не всегда онъ бываетъ въ состояніи взвѣсить каждый свой шагъ.

Одинъ историкъ говоритъ: фактъ почти всѣмъ извѣстный, что нѣтъ того событія, какъ бы оно ни было тайно задумано, чтобы о немъ не говорилъ народъ за два дня. Задумавшій не въ обыкновенное время, напр., завтракаетъ, не на тѣ предметы обращаетъ вниманіе, на какіе обыкновенно обращалъ, задумавшись, какъ-нибудь бросить взглядъ на оружіе, швырнуть книгой... Изъ минутныхъ явленій окружающіе выносятъ такое впечатлѣніе, что что-то такое имъ задумано, что-то готовится... Вглядѣвшись въ личность, опредѣляютъ, въ какомъ духѣ она должна дѣйствовать. Точно также и въ явленіяхъ частной жизни... Одинъ старый Кавказскій генералъ рассказываетъ, что когда, бывало, онъ назначаетъ экспедицію въ строжайшей тайнѣ, всѣ начальники молчатъ, а уже за два дня всѣ кашевары знаютъ, что будетъ экспедиція.

Общечеловѣческая природная ограниченность усугубляется еще въ дѣлѣ правосудія особою, специально-судебною ограниченностью, которая необходимо вытекаетъ изъ особенной специальной задачи, преслѣдуемой и осуществляемой процессуальными средствами, особенностями каждаго обсуждаемаго случая и тѣмъ, въ какой степени легко представленіе объясненій или опроверженій.

Въ судебныхъ изслѣдованіяхъ число фактовъ, подлежащихъ судебной оцѣнкѣ, ограничивается существенными обстоятельствами

даннаго случая и тѣми средствами изслѣдованія, которыми судъ располагаетъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время.

Практическія цѣли судебного изслѣдованія ставятъ ему узкіе пространственные и временныя предѣлы. Въ судебномъ изслѣдованіи въ видахъ насущныхъ интересовъ жизни, въ видахъ возможно скораго примѣненія уголовной кары къ виновнику совершеннаго преступленія обязательна извѣстная скорость въ рѣшеніи дѣлъ.

При бѣдности средствъ раскрытія истины юстиціи при составленіи выводовъ, или заключеній приходится создавать гипотезы, такъ какъ большею частію дѣло идетъ только о вѣроятности, ибо почти всѣ дѣла въ нашей жизни основываются на вѣроятностяхъ, и мы обыкновенно удовлетворяемся болѣе или менѣе высокою ея степенью, постепенно привыкаемъ пренебрегать тѣми сомнѣніями, которыя вытекаютъ изъ дѣйствительнаго положенія вещей, если они основаны на предположеніи хотя и возможнаго, но при обыкновенномъ ходѣ вещей невѣроятнаго. Подобныя сомнѣнія не препятствуютъ намъ признать истиннымъ обстоятельство по поводу котораго они возникаютъ.

Судебное изслѣдованіе не есть научное изслѣдованіе. Стремленіе къ отвлеченной истинѣ имѣетъ передъ собою безконечность во времени и пространствѣ. Въ научномъ изслѣдованіи число существенныхъ для дѣла фактовъ можетъ быть увеличено посредствомъ экспериментовъ.

Ученый не обязанъ давать непремѣнно рѣшительные отвѣты на предложенные ему вопросы и въ своей дѣятельности не связанъ какими-либо сроками, можетъ продолжать свое изслѣдованіе столько времени, сколько это нужно для полученія несомнѣнныхъ результатовъ. Наука достигаетъ своихъ задачъ, пользуясь всѣми средствами изслѣдованія, какія только доступны человѣчеству.

Въ дѣлѣ правосудія нельзя безусловно слѣдовать самостоятельному построенію убѣжденія, несмотря на общеобязательность законовъ мышленія, потому что люди въ различной степени одарены способностью какъ вообще правильно судить о событіяхъ, такъ и познавать обстоятельства извѣстнаго рода.

Только оперирующій уголовными доказательствами судья, ставящій отъ нихъ въ зависимость образованіе своего убѣжденія по дѣлу, въ состояніи быть безпристрастнымъ судьей и добросовѣстнымъ служителемъ правосудія, не превращающимся ни въ друга, ни въ недруга подсудимаго.

Знакомство съ научною теоріею доказательствъ обязательно для всякаго образованнаго юриста и судьи. При этомъ недостаточно еще знать методъ изслѣдованія, а надо практиковать его, чтобы онъ вошелъ въ привычку.

Какъ бы серьезно стороны не отнеслись къ оцѣнкѣ доказательствъ, къ приступу къ составленію сужденія о дѣйствительности даннаго обстоятельства, тѣмъ не менѣе истина, полученная такимъ путемъ есть истина субъективная, такъ какъ ихъ личный опытъ и личное разумѣніе не въ состояніи обойтись безъ помощи тѣхъ правилъ о доказательствахъ, которыя вырабатывались въ теченіи вѣковъ многочисленными юристами и заключаютъ въ себѣ много указаній въ пользованіи и оцѣнкѣ уголовныхъ доказательствъ.

Если бы отъ судей не требовать, чтобы они указали на основанія выведенной ими достовѣрности, если безусловно положиться на ихъ личныя знанія, на ихъ тактъ, на ихъ чутье, на ихъ инстинктъ, на ихъ вдохновеніе, то нельзя было бы отличить въ ихъ приговорѣ ихъ убѣжденія отъ ихъ предубѣжденія, правду отъ неправды, того, что приговоры ихъ основаны не на слухахъ или на другихъ худшихъ доказательствахъ... Опасно быть преданнымъ на ихъ милость или немилость, будь они самые безукоризненные люди, опасно дѣлать шагъ отъ несовершеннаго устройства къ органическому хаосу и отъ избытка формъ искать убѣжища въ отсутствіи всякихъ формъ, въ судѣ Шемякиномъ, въ судѣ восточнаго када, гдѣ правосудіе тоже, что вѣтеръ, что волна, гдѣ правда—счастливая случайность, гдѣ безсознательное бытіе, гдѣ безусловная зависимость человѣка отъ человѣка съ его судомъ по прихоти, о которомъ нельзя сказать справедливъ ли онъ или несправедливъ, потому что сущность его составляетъ отсутствіе логическихъ основаній въ приговорѣ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что положенія, совершенно умѣстныя въ ученomъ трактатѣ, иногда въ наставленіи судьи присяжнымъ засѣдателямъ въ лучшемъ смыслѣ не безопасны, слишкомъ смѣлы и могутъ гораздо болѣе запутывать и сбивать ихъ, чѣмъ помогать имъ. Гораздо легче выхватить для защиты или нападенія первое попавшееся подъ руку оружіе изъ богатаго стараго арсенала, устарѣвшіе и притупившіеся доводы принципиальнаго характера, не заботясь о томъ по рукѣ ли оно и для той ли цѣли приготовлено, чѣмъ останавливаться на кропотливой работѣ изученія дѣйствительности.

Безчисленное множество истинъ, знаніе которыхъ необходимо для человѣческаго счастья, если не для самаго существованія, познаются посредствомъ не математической достовѣрности и не допускаютъ иныхъ руководителей, кромѣ нашего собственнаго сознанія и свидѣтельства подобныхъ намъ людей.

Законы юридическаго мышленія.

Законы юридическаго мышленія ничѣмъ не отличаются отъ, логическихъ законовъ, составляющихъ содержаніе логики, какъ науки. Лучшимъ пробнымъ камнемъ для достовѣрности въ общественной смыслѣ всегда останется убѣжденіе такихъ лицъ, которыя составляютъ свое мнѣніе нелегкомысленно, но подчиняются при этомъ общепризнаннымъ законамъ мышленія, являющимся послѣдствіемъ оцѣнки доказательнаго матеріала.

Лицо юридическое, судъ, убѣждается точно такимъ же образомъ какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Оно почерпаетъ свое познаніе изъ тѣхъ же источниковъ, онъ употребляетъ тѣ же приемы, оно тѣми же путями стремится къ раскрытію истины, какъ и всякое другое лицо, какъ натуралистъ, изъ опыта надъ веществомъ выводящій законы природы, какъ философъ, изъ глубины сознанія извлекающій отвлеченныя начала разума—идеи. Онъ еще болѣе похожъ на историка: усвоивающаго себѣ убѣжденія другихъ лицъ, пытающагося возстановить совершившееся событіе, давно минувшее и извѣстное только по слѣдамъ, которые оно оставило въ мірѣ виѣшнемъ. Всѣ они дѣйствуютъ по логическимъ, необходимымъ, неизмѣннымъ законамъ всякаго человѣческаго мышленія.

Умственные процессы при рѣшеніи какъ труднѣйшихъ вопросовъ въ исторіи человѣчества, какъ для осужденія виновнаго, такъ и важнѣйшихъ и заурядныхъ домашнихъ дѣлъ, представляющихся человѣку ежеминутно на каждомъ шагѣ дни и тѣ же.

Гексли замѣчаетъ: „величайшіе результаты, полученные наукою, добыты не какою-нибудь таинственною способностью, а обыкновеннымъ умственнымъ процессомъ, примѣняемымъ каждымъ изъ насъ въ самыхъ скромныхъ дѣлахъ. Въ дѣйствительности ученый только сознательно и съ точностію примѣняетъ тѣ же методы, которые мы механически, не давая себѣ отчета, по простой привычкѣ прилагаемъ къ жизни по каждому ничтожнѣйшему поводу“.

Великій изслѣдователь истины Декартъ говоритъ, что онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ руководствовался слѣдующими правилами, 1) никогда ничего не признавать достовѣрнымъ, пока достовѣрность эта не сдѣлается очевидностію, т. е. старательно избѣгать предвзятости и поспѣшности въ заключеніяхъ и основывать свои сужденія только на томъ, что представляется уму настолько ясно и отчетливо, что не возникаетъ повода для сомнѣнія; 2) всякую трудную задачу дробить настолько частей, насколько это возможно и потребно для наилучшаго ея разрѣшенія, ибо при такомъ дѣленіи отчетливѣе отдѣляются трудныя задачи въ дѣлѣ; 3) изслѣдованіе вести въ извѣстномъ порядкѣ, начиная съ вещей самыхъ простыхъ и наиболѣе удобныхъ для познаванія, чтобы мало-по-малу (какъ бы по ступенямъ) достигъ познанія вещей наиболѣе сложныхъ, предполагая связь даже между такими предметами, которые какъ бы не слѣдуютъ одинъ за другимъ въ естественномъ порядкѣ; 4) вести всѣмъ фактамъ счетъ и дѣлать обзоръ ихъ настолько исчерпывающими, чтобы можно было быть увѣреннымъ, что ничего не пропущено.

Отсюда нельзя не вывести заключенія, что законы логики ¹⁾ оказываютъ на уголовного судью, дѣйствующаго при помощи уголовныхъ доказательствъ, такое же рѣшительное вліяніе, какое оказываютъ они на всякаго при отправленіи имъ его житейскихъ дѣлъ, что по этому индуктивный ²⁾ и дедуктивный ³⁾ методы изслѣдованія должны находить себѣ полное примѣненіе къ дѣлу судебного изслѣдованія и что всякая логическая ошибка, допущенная при образованіи внутренняго судебскаго убѣжденія, лишаетъ это убѣжденіе его судебного значенія.

¹⁾ Логика есть наука, въ обыкновенномъ разговорѣ, о точности языка и отчетливости классификаціи, наука о законахъ и приѣмахъ правильнаго мышленія, объ умозаключеніяхъ или выводахъ какого-нибудь положенія, признаваемаго за вѣрное, объ отправленіяхъ ума, служащихъ въ уголовномъ правѣ указаніемъ способа собиранія, пользованія, эксплуатаціи и оцѣнки доказательствъ съ цѣлю вѣрнѣйшимъ путемъ достигъ истины въ дѣлѣ изслѣдованія прошедшаго факта, наука о процессѣ восхожденія отъ истинъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ, а равно и о всѣхъ другихъ умственныхъ операціяхъ, насколько они содѣйствуютъ этому процессу.

²⁾ Индукція, наведеніе, есть заключеніе, дѣлаемое отъ извѣстнаго факта къ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему.

³⁾ Дедукція есть примѣненіе общаго начала къ отдѣльному случаю, умозаключеніе, или силогизмъ отъ общаго къ частному.

Исслѣдованіе истины по законамъ логики.

По законамъ логики истина познается: 1) непосредственнымъ усмотрѣніемъ, интуитивно, чувственною очевидностію, прямою сознательностію, безъ посредствующихъ доказательствъ, напр., я голоденъ, я слышу звукъ, я говорю и т. п.—черезъ тѣлесное ощущеніе, радость, огорченіе, страхъ и т. п.—черезъ душевныя чувства. Часто соотвѣтствіе нашихъ идей съ дѣйствительностію замѣчается нами мгновенно, повидимому, безъ всякаго посредствующаго процесса мышленія, который, между тѣмъ, совершается такъ быстро, что часто трудно и даже невозможно прослѣдить связь между составившимся мнѣніемъ и рядомъ умозаключеній, изъ которыхъ оно вытекаетъ, какъ громъ слѣдуетъ за молніею. Это сужденіе наглядное. Оно имѣетъ предметомъ только необходимую и непреложную истину; 2) въ другихъ случаяхъ соотвѣтствіе нашихъ идей съ дѣйствительностію ооредѣляется посредствомъ другихъ фактовъ, логическою и эмпирическою достовѣрностію, когда одна вещь познается посредствомъ другой, ибо человѣкъ съ этими фактами привыкъ связывать извѣстные выводы, строить извѣстныя умозаключенія, посредствомъ другихъ извѣстныхъ истинъ, изъ которыхъ выводятся всѣ остальные, чрезъ событія, записанныя напр. историкомъ, удостовѣренныя свидѣтелями или слѣдами. Такимъ путемъ познается все прошлое, непосредственное наблюденіе котораго невозможно, будущее, что совершается внѣ насъ въ нашемъ отсутствіи. Цѣль тѣхъ и другихъ отправленій въ примѣненіи къ доказательствамъ должна состоять въ обобщеніи, въ классификаціи, въ расположеніи ихъ по замѣченнымъ въ нихъ сходствамъ и различіямъ, въ выводахъ заключеній отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ фактовъ доказанныхъ къ неизвѣстному факту съ наименьшею вѣроятностію ошибки.

Устанавливаемая логикою правила для посредствующихъ процессовъ мышленія, выводовъ и умозаключеній изъ обстоятельствъ дѣла, процессовъ болѣею частію сложныхъ и трудныхъ, предостерегаютъ отъ ошибокъ, свойственныхъ самой природѣ человѣка, который всегда находитъ удовольствіе въ прилаживаніи, одного обстоятельства къ другому и готовъ даже дѣлать маленькія натяжки, если это нужно, для того, чтобы связать ихъ въ одно стройное цѣлое, прибавить какое-либо недостающее звено въ цѣпи доказательствъ и обмануть самого себя.

Есть два рода истинъ: истина является или 1) отвлеченною, несомнѣнною, или 2) вѣроятною и случайною, и для открытія каждаго изъ этихъ видовъ истины требуются особаго рода доказательства (средства, удостовѣренія). Какъ на руководящія правила при судебномъ изслѣдованіи можно указать на индукцію и дедукцію. Оба эти метода, или пути познания, врождены уму и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ преимуществъ передъ другимъ. Огромное большинство нашихъ познаній проистекаетъ этого источника.

Индукція и дедукція предполагаютъ однообразіе основъ природы, выражающееся въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій.

Дедукція сводится къ закону причинности, при помощи котораго факты могутъ быть найдены стоящими другъ къ другу въ отношеніяхъ причины и слѣдствія. Принципъ дедукціи выражается въ двухъ положеніяхъ: а) вещи, сосуществующія съ какою-либо вещію, сосуществуютъ и между собою, и б), что вѣрно относительно цѣлаго класса явленій, вѣрно и относительно всякаго отдѣльнаго случая, подходящаго подъ этотъ классъ.

Сила этого метода зависитъ отъ достовѣрности общаго положенія, составляющаго большую посылку въ силлогизмѣ, которою можетъ быть и законъ природы, и эмпирическій законъ, и какое-либо приблизительное обобщеніе, на каковыхъ законахъ основывается и связь между фактами; напр. „честные люди даютъ правдивыя свидѣтельскія показанія“ есть обобщеніе, которое ставится во главѣ силлогизма, провѣряющаго достовѣрность даннаго свидѣтеля.

Если большая посылка въ силлогизмѣ будетъ законъ природы, то связь достовѣрна; если же эмпирическое правило или приблизительное обобщеніе, то связь будетъ только вѣроятная.

Невозможно физически въ одно и то же время быть въ двухъ мѣстахъ. Поэтому доказанное *alibi* есть несомнѣнное доказательство невинности. Найденное на платьѣ подсудимаго кровавое пятно можетъ находиться въ связи съ совершеннымъ въ домѣ убійствомъ; но это одна только вѣроятность, а недостовѣрность.

Еще слабѣе будетъ вѣроятность въ случаѣ, напр., когда лицо подозрѣвается въ убійствѣ потому только, что оно, вслѣдствіе существованія мотива, могло желать смерти лица, ибо эта вѣроятность зависитъ отъ того, что она основана не на законѣ природы, а только на приблизительномъ обобщеніи цѣлаго ряда явленій, доказывающихъ, что личный интересъ составляетъ иногда частый

мотивъ тяжкихъ преступленій. Но это приблизительное обобщеніе допускаетъ однако, какъ показываетъ опытъ, много исключеній, указывающихъ, на то, что личный интересъ иногда подавляется другими соображеніями и чувствами болѣе высокаго достоинства.

Наблюденіе и опытъ.

Въ каждое научное изслѣдованіе входятъ триумфенныя операци, а именно: наблюденіе, гипотеза и провѣрка гипотезы.

Прежде всего въ процессѣ нашего убѣжденія мы ставимъ вопросъ объ общей возможности изслѣдуемаго событія, дѣлаемъ наблюденіе, прибѣгаемъ къ аналогіи, строимъ гипотезу и провѣряемъ принятую гипотезу имѣющимися фактами.¹⁾

Наблюденіе есть попытка объяснить фактъ, ближайшую причину явленій, о которой я составилъ понятіе, какъ имѣвшій мѣсто внѣ меня, есть результатъ произвольной дѣятельности нашего духа, т. е. вниманія, обращеннаго на какіе-нибудь внѣшніе предметы или внутреннія явленія нашего духа. Оно, само по себѣ, не творить, а только констатируетъ. Мы ищемъ причинной связи логи-

¹⁾ Слово фактъ употребляется въ разныхъ значеніяхъ: иногда какъ извѣстное обобщеніе, напр., естественно—научные факты, какъ результаты сравненія цѣлаго ряда отдѣльныхъ наблюденій; иногда какъ индивидуальное событіе, какъ отдѣльный источникъ достоверности, какъ, напр., историческое событіе, преступленіе. Подъ понятіе факта подходитъ лицо, всякая вещь, состояніе вещей, словомъ, всякое явленіе, которое можетъ быть воспринято нашими чувствами (физич. факты), всякое психическое состояніе, могущее быть предметомъ нашей сознательности (психическіе факты). Что существуютъ предметы въ извѣстномъ порядкѣ—есть фактъ, что человекъ видѣлъ или слышалъ что—нибудь есть фактъ, что человекъ держится извѣстнаго мнѣнія, имѣетъ извѣстное намѣреніе, дѣйствуетъ добросовѣстно, любить, ненавидѣть, имѣть такую-то репутацію—все это есть фактъ. Непосредственный фактъ есть доказательство того факта, который мы познаемъ путемъ заключенія. Всѣ подобныя заключенія предполагаютъ соотношеніе между различными явленіями, извѣстную связь. Чтобы убѣдиться въ этой связи, нужно пройти чрезъ извѣстные процессы, чрезъ наблюденіе, дедукцію и индукцію, совершая которые, мы можемъ надѣлать много ошибокъ, отъ которыхъ могутъ предостеречь правила, составляющія содержаніе логики.

чески необходимаго соотвѣтствія фактовъ и явленій прежде всего чрезъ наблюденіе. Чѣмъ возможнѣе, по нашимъ понятіямъ, данное явленіе, тѣмъ легче мы убѣждаемся въ немъ на основаніи собранныхъ доказательствъ; чѣмъ болѣе противорѣчитъ оно нашему житейскому опыту, т. е. фактамъ, понятіе о которыхъ мы составили въ своемъ умѣ, нашимъ понятіямъ о предѣлахъ возможнаго, нашимъ представленіямъ объ обычномъ ходѣ вещей въ мірѣ нравственномъ, тѣмъ болѣе мы будемъ требовать доказательствъ, тѣмъ труднѣе намъ убѣдиться. Наконецъ, могутъ быть и такіе случаи, когда самыя сильныя доказательства не увѣряютъ насъ въ томъ, что противорѣчитъ нашимъ понятіямъ и опыту.¹⁾

При одинаковомъ количествѣ доказательствъ въ одномъ случаѣ мы вѣримъ, въ другомъ не вѣримъ, смотря потому совмѣстенъ онъ или не совмѣстенъ съ установленными индукціями.

Если событіе, утвержденное напр., свидѣтелями, противно такимъ приёмамъ индукціи, какъ законъ причинности и тяготѣнія, то оно не заслуживаетъ никакой вѣры. Если же оно прекословитъ только приблизительнымъ обобщеніямъ, то единственнымъ послѣдствіемъ будетъ требованіе болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда событіе не противорѣчитъ нашему опыту. Если воръ по профессіи будетъ обвиняться въ кражѣ, то мы удовлетворимся гораздо болѣе слабыми доказательствами, чѣмъ въ томъ случаѣ, гдѣ почтенный и состоятельный обыватель будетъ уличаема въ кражѣ платка изъ кармана сосѣда въ театрѣ. Мы считаемъ такое дѣйствіе послѣдняго болѣе необычайнымъ, чѣмъ перваго.

Крайняя необычайность преступленія, напр., крайняя жестокость, важность его естественно возбуждаетъ въ насъ желаніе имѣть, по возможности, болѣе убѣдительныя и болѣе сильныя доказательства утверждаемаго факта, ибо его необычайность представляется намъ невѣроятной.

Съ самаго дѣтства и до самой старости мы накаплиемъ опытъ, богатый матеріалъ, о степени возможности довѣрія къ человѣческимъ свидѣтельствамъ, къ фактамъ, явленіямъ міра фи-

¹⁾ Подъ невѣроятнымъ психологическимъ или нравственнымъ разумѣютъ дѣйствія, приписываемыя субъекту, не соотвѣтствующія его намѣреніямъ, извѣстнымъ по другимъ дѣйствіямъ, его привычкамъ, предрасположеніямъ, которыя обнаружались въ обыкновенномъ ходѣ его жизни.

зическаго и нравственнаго, достигаемъ приблизительныхъ обобщеній (которыя только „обыкновенно“, большею частію, вообще вѣрны и всегда допускаютъ массу исключеній, какъ, напр., пословицы), выводовъ, общихъ болѣе или менѣе признанныхъ наблюденій надъ природою челоуѣка, надъ степенью достовѣрности какъ этихъ явленій, такъ и показаній людей различныхъ профессій, классовъ, возрастовъ, характеровъ. Такимъ образомъ, накаплиются познанія, факты и выводы, общія начала въ каждую эпоху, въ каждомъ обществѣ всего челоуѣчества.

Въ общемъ, опытъ или прямое наблюденіе людей познаваемого имѣютъ много сходнаго, тождественнаго.

Этотъ богатѣйшій личный опытъ не составляетъ однако чисто субъективнаго состоянія отдѣльной личности. Было бы нелѣпо не давать вѣры рассказамъ о событіяхъ и отвергать ихъ на томъ основаніи, что эти факты не принадлежать къ числу явленій, подтверждаемыхъ нашимъ личнымъ опытомъ, подобно одному Сіамскому королю, не повѣрившему разсказу Голландскаго посланника о томъ, что въ Европѣ въ извѣстное время года вода превращается въ ледъ, который можетъ сдержать на себѣ слона.

Довѣріе къ факту соотвѣтствуетъ состоянію нашего ума и нашихъ настоящихъ познаній. Понятіе о возможномъ и невозможномъ, о вѣроятномъ и вѣрномъ не суть свойства, существующія въ самыхъ фактахъ, а только наклонности нашего ума, такъ что одинъ и тотъ же фактъ, кажущійся необходимо вѣроятнымъ одному, другому кажется неизбѣжно невѣроятнымъ, что невѣроятно, напр., для академика, то готтентоту покажется возможнымъ.

Гипотезы, примѣры, предположенія.

Правиль искусственно создавать гипотезы быть не можетъ. Это есть даръ природы, который коренится въ личныхъ свойствахъ изслѣдователя. Творить способенъ только возвышенный характеръ. Сильный умъ, руководимый низкою душою, обыкновенно торжествуетъ въ разрушительной, а не созидающей работѣ.

При изслѣдованіи причинной связи фактовъ и явленій мы дѣлаемъ предположеніе, съ большею или меньшею доказательностію, согласное съ дѣйствительными фактами (какое согласіе и есть доказательство), съ цѣлію извлечь изъ него выгоду, совершая эти умственныя операціи ежедневно.

Обоснованное предположеніе, или гипотеза, и разумныя догадки суть не что иное, какъ результаты нашихъ наблюденій, обращенныхъ въ правила, подобно пословицамъ и поговоркамъ; напр. людскіе толки—не совсѣмъ выдумки; подозрѣніе—не доказательство; свидѣтельство послуху — наполовину враки; эта вина стоитъ полведра вина; пути ясны, да очи слѣпы; судъ прямой, да судья кривой; судья праведный—ограда каменная.

Обоснованное предположеніе есть вѣроятный или логически-последовательный, необходимый выводъ, или заключеніе, дѣлаемое, благодаря естественнымъ свойствамъ мысли, проницательностью или благоразуміемъ судьи изъ фактовъ или обстоятельствъ дѣла (т. е. изъ того, что имѣетъ тѣсную связь съ рассматриваемымъ дѣломъ) доказанныхъ посредствомъ прямого свидѣтельства относительно дѣйствительности главнаго факта или нѣсколькихъ обстоятельствъ, которыя по опыту, являющемуся явнымъ или подозрѣваемымъ мѣриломъ нашего довѣрія, удостовѣряютъ насъ въ дѣйствительности другого недоказаннаго обстоятельства, которое однако неподтверждено какимъ-либо прямымъ доказательствомъ, увѣренность въ томъ, что между этими фактами и выводами существуетъ извѣстное отношеніе въ виду согласія этихъ предположеній съ естественнымъ ходомъ вещей. Иначе говоря, предположеніе есть заключеніе о фактѣ или нравственномъ явленіи на основаніи другихъ извѣстныхъ фактовъ.

Предположенія, равно какъ и выводы, или заключенія, не слѣдуетъ смѣшивать съ обстоятельствами или совокупностью обстоятельствъ, изъ которыхъ они выводятся, потому что они не возстановляютъ прошлаго событія. Такъ, напр., знаніе Соломономъ всемогущей силы материнской любви дало непогрѣшимый критерій (предположеніе) для открытія истины. Изъ слѣда на пескѣ можно сдѣлать выводъ, что на этомъ мѣстѣ былъ подозрѣваемый.

Юридическая презумпція представляется обобщеніемъ, примѣняемымъ ко всѣмъ подходящимъ подъ его смыслъ обстоятельствамъ, независимо отъ ихъ индивидуальных особенностей и отъ связи, въ которой состоятъ онѣ со всею совокупностію обстоятельствъ даннаго дѣла; она создаетъ, независимо отъ нихъ, сама по себѣ, положенія, обладающія степенью вѣроятности, исключающей сомнѣніе въ истинности ея.

Судъ можетъ предполагать существованіе фактовъ, которые онъ считаетъ вѣроятными, на основаніи обыкновеннаго хода физи-

ческихъ явленій, человѣческаго поведенія, общественныхъ и частныхъ дѣлъ.

Современное право признаетъ несомнѣстимость законныхъ презумпцій, напр., о существованіи умысла, о предумышленности дѣтубійства при сокрытіи беременности, родовъ и смерти новорожденнаго и т. п. съ господствующимъ нынѣ началомъ свободной оцѣнки уголовныхъ доказательствъ тѣмъ, что на основаніи послѣднихъ истина обнаруживается какъ результатъ оцѣнки обстоятельствъ даннаго дѣла. Предположеніе въ уголовномъ процессѣ признается косвеннымъ доказательствомъ за неимѣніемъ болѣе совершенныхъ доказательствъ и всегда можетъ быть опровергаемо посредствомъ доказательствъ противнаго. Предположенія должны быть подвергаемы тщательному обсужденію. Предположенія и сомнѣнія, какъ бы правдоподобны они не были, безъ фактической опоры,—непрочный матеріалъ для вѣрнаго рѣшенія.

Съ примѣрами, аналогіями, поговорками и пословицами, которыя постоянно на языкѣ у юристовъ, какъ приблизительными обобщеніями, когда они направлены къ подкрѣпленію доказательствъ факта прошлаго событія, надо обращаться съ разборчивостію, ибо они къ дѣлу не относятся и ничего не доказываютъ, потому что совершившееся преступленіе есть событіе единичное, индивидуальное, которое только и можетъ быть доказываемо ему свойственными индивидуальными доказательствами.

• Процессъ доказыванія гипотезы есть провѣрка гипотезы, которая ведетъ къ подтвержденію или къ опроверженію ея. Гипотеза не должна противорѣчить началамъ, очевидность которыхъ несомнѣнна. Изъ двухъ предположеній, одинаково удовлетворяющихъ фактамъ, наиболѣе простое должно быть предпочитаемо: объяснять таинственными и сложными цѣлями дѣйствія людей, предполагать искусно веденныя интриги нѣтъ нужды тамъ, гдѣ дѣйствіе можно объяснить ближайшими практическими цѣлями.

Если предположеніе, по логической необходимости, вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла, представляетъ, по тѣсной связи всѣхъ обстоятельствъ дѣла между собою и съ главнымъ фактомъ, единственно разумное заключеніе (какъ слѣдствіе извѣстной причины), основано на естественной справедливости, на здоровомъ разсудкѣ и долголѣтнемъ опытѣ, который признается лучшимъ способомъ къ открытію истины, на знаніи природы и человѣка, инстинктовъ, страстей, желаній, нравственныхъ способностей, на нравственномъ внутреннемъ убѣжденіи, если оно вѣроятно, сильно

и убѣдительно, ведетъ къ полному убѣжденію или имѣетъ такую степень достовѣрности, которую человѣкъ можетъ считать достаточною для того, чтобы приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ своихъ собственныхъ важныхъ дѣлахъ, то оно называется естественнымъ или общечеловѣческимъ и есть ни болѣе, ни менѣе какъ особая форма строгой справедливости.

Такое предположеніе часто бываетъ болѣе убѣдительно и вѣрно, нежели всякія другія улики, потому что человѣкъ не можетъ и не способенъ выдумать цѣлый рядъ такихъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ имѣла бы значеніе несомнѣннаго доказательства виновности.

Имѣя въ виду косвенныя улики и исчерпавъ всевозможныя, вѣроятныя, правдоподобныя предположенія, мы должны избрать одно изъ двухъ: или заключить, что подсудимый виновенъ, или отказаться отъ всѣхъ данныхъ, выведенныхъ изъ опыта и сознанія, отъ всѣхъ умозаключеній, отъ всего умственного процесса, отъ вѣры въ непреложность законовъ внѣшняго міра, естественнаго порядка вещей и нравственной и физической природы человѣка, въ существованіе нравственныхъ причинъ, дѣйствующихъ съ неизбѣжнымъ однообразіемъ, въ неизбѣжность нравственныхъ явленій въ законы нашего нравственного и умственного бытія, въ голосъ внутренней совѣсти, внутренняго убѣжденія, которое подчиняется безусловной достовѣрности, въ способность ума къ отысканію истины, къ сужденію и мысленію, къ сравненію результатовъ наблюденій въ подобныхъ или аналогичныхъ обстоятельствахъ, посредствомъ которыхъ одинъ предметъ познается и подтверждается другимъ, которыя заставляютъ человѣка съ здравымъ смысломъ дѣйствовать рѣшительно, признавая все это ложнымъ и не заслуживающимъ довѣрія.

С о м н ѣ н і е .

При установленіи нравственной достовѣрности, при необходимости исключенія разныхъ гипотезъ особыми процессами разсужденія, когда сужденіе колеблется между утвержденіемъ и отрицаніемъ, все-таки, можетъ остаться сомнѣніе—нѣтъ-ли еще какой—либо гипотезы, даже лишь отчасти совмѣстной съ обстоятельствами дѣла, на которую не дано отвѣта. Въ области судебного изслѣдованія о полной несомнѣнности не можетъ быть и рѣчи. Въ этой области всегда существуетъ возможность теоретическаго сомнѣнія въ отношеніи принимаемыхъ судьей фактическихъ положеній.

Такое сомнѣніе не должно оказывать на судью никакого вліянія. Сомнѣніе, возникающее а priori, какъ логическая возможность, должно быть отличаемо отъ сомнѣнія практическаго, вытекающаго на судѣ изъ обстоятельствъ даннаго конкретнаго случая.

Удержатъ отъ осужденія должно не инстинктивное сомнѣніе, не тотъ вычурный скептицизмъ, который является слѣдствіемъ теоритическаго остроумія, не возможность, предположеніе или догадка, но добросовѣстное, разумное сомнѣніе, которое можетъ родиться въ головѣ разумаго человѣка, знакомаго съ дѣйствительною жизнію, сомнѣніе строго продуманное и оставшееся такимъ въ судебной совѣсти послѣ тщательнаго разбора, сравненія, осужденія и оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ, которое вытекаетъ на извѣстныхъ основаніяхъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ доказательствъ, разсмотрѣнныхъ на судѣ, изъ долгой, точной, внимательной и серьезной оцѣнки нравственной личности подсудимаго, когда судьи не чувствуютъ, что они имѣютъ прочное убѣжденіе, восходящее до нравственной достовѣрности, что обвиненіе достовѣрно несправедливо, когда сомнѣніе равносильно убѣжденію въ невинности. Но если оно является только отъ того, что не употреблено всѣхъ усилій ума и вниманія, совѣсти и воли, чтобы сгруппировать всѣ впечатлѣнія, сдѣлать одинъ общій выводъ, тогда это сомнѣніе фальшиво, тогда это плодъ умственной разслабленности, которое нужно побороть. Надъ сомнѣніемъ надо поработать. Его нужно или совсѣмъ побѣдить или совсѣмъ ему покориться, но сдѣлать это во всякомъ случаѣ серьезно.

Задача суда была бы очень безцвѣтна, очень ограниченна скучна, еслибы при первомъ сомнѣніи, возникающемъ у него, онъ отказался бы отъ своей цѣли добиться въ дѣлѣ возможной истины. Задача суда состоитъ въ томъ, чтобы выслушать разныя объясненія, провѣрить ихъ другими обстоятельствами, сопоставить ихъ съ свидѣтельскими показаніями, съ цѣлымъ рядомъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, и съ указаніями опыта и жизни.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить границу между нравственною достовѣрностію и сомнѣніемъ. Многія улики, кажущіяся достовѣрными, могутъ быть опровергнуты однимъ обстоятельствомъ. Коль скоро есть малѣйшее сомнѣніе на счетъ устойчивости и прочности доказательствъ, то онѣ сами должны быть провѣрены. Обстоятельства, изъ которыхъ выводится заключеніе, должны быть не только вѣроятны, но достовѣрны. Провѣрка ихъ производится чрезъ чувственный опытъ,

преданіе и наведеніе, ибо вся дѣятельность судьи главнымъ образомъ направлена къ тому, чтобы изъ частныхъ слѣдовъ, изъ послѣдствій выставить ихъ причины, причемъ способъ внутренняго самосозерцанія не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ уголовное правосудіе занимается не явленіями внутри души изслѣдователя, но событіями въ мірѣ внѣшнемъ.

Этотъ процессъ критической провѣрки оканчивается только тогда, когда мы дойдемъ до такихъ простыхъ положеній, которыя сами по себѣ очевидны, носятъ характеръ неопровержимой достовѣрности. Ни одного самага ничтожнаго обстоятельства въ дѣлѣ судья не долженъ оставлять необъясненнымъ: оно можетъ указать на совѣзмъ не предполагаемый, а между тѣмъ дѣйствительный ходъ событія. Подробности имѣютъ важное значеніе. Нерѣдко человѣка опредѣляютъ безразличные факты, а мелочи съ виду ничтожныя иногда разоблачаютъ его цѣликомъ.

Были примѣры, что человѣкъ, 20 лѣтъ, перерѣзавшій горло своему другу и своей матери, забавлялся въ дѣтствѣ и юношествѣ мученіемъ собакъ и вырываніемъ перьевъ у живыхъ птицъ.

Вслѣдствіе безконечнаго разнообразія обстоятельствъ жизни ихъ комбинацій и индивидуальнаго различія между людьми, нѣтъ возможности точно, математически, опредѣлить всѣ тонкіе отбѣнки и безчисленныя комбинаціи сокровенныхъ человѣческихъ побужденій и дѣйствій, таинственныхъ и запутанныхъ происшествій.

Дѣла человѣческія отличаются такою сложностію, стеченіе обстоятельствъ бываетъ такъ необозримо разнообразно, что самая вѣроятная гипотеза, могущая вполне объяснить всѣ на видъ противорѣчащія обстоятельства, можетъ ускользнуть отъ самага пронищательнаго взгляда.

Бываетъ на свѣтѣ игра обстоятельствъ, въ которую не вѣрится, пока не встрѣтимся съ примѣрами ея въ жизни.

Самое старательное и осторожное изслѣдованіе можетъ иногда привести къ ошибкѣ, если въ дѣлѣ было такое необыкновенное стеченіе обстоятельствъ, которое не могло быть предположено даже осторожнымъ судьей, когда подозрѣніе, павшее на невиннаго человѣка, имѣетъ какую-то фатальную правдоподобность.

Бываютъ событія, истинный ходъ которыхъ такъ страненъ, такъ отклоняется отъ всевозможныхъ предположеній, построенныхъ свидѣтелями на основаніи обыкновеннаго теченія человѣческихъ дѣлъ, что люди совершенно невинные несли голову на

плаху, благодаря только тому, что на возможность другого предположенія, кромѣ кажущейся виновности этихъ несчастныхъ, не было обращено должнаго вниманія.

Старый Англіійскій судья Эдуардъ Кокъ рассказываетъ слѣдующій чрезвычайно интересный случай по теоріи доказательствъ: одному дядѣ поручено было воспитаніе племянницы, имѣвшей право на кусокъ земли по завѣщанію отца. Наслѣдникомъ послѣ нея долженъ былъ быть дядя. Владѣлицей земли она должна была сдѣлаться по наступленіи шестнадцатилѣтняго возраста.

Однажды, когда ей было лѣтъ 8 или 9, дядя наказалъ ее за какой-то проступокъ. Свидѣтели слышали ея крики: „дяденька, дяденька! не убивай меня“. Послѣ этого дѣвочка исчезла. Несмотря на всѣ старанія, ее не могли найти. Дядю привлекли къ суду по подозрѣнію въ убійствѣ, и судьи потребовали отъ него, чтобы онъ нашелъ дѣвочку къ ближайшей сессіи. Будучи не въ состояніи отыскать ее, онъ досталъ другую дѣвочку и выдалъ ее на судѣ за племянницу. Обманъ былъ однако раскрытъ; подсудимый изобличенъ въ немъ, осужденъ по обвиненію въ убійствѣ и затѣмъ казненъ. Впослѣдствіи открылось, что послѣ домашняго наказанія племянница сбѣжала отъ дяди, скрылась въ сосѣдней мѣстности, а по наступленіи 16 лѣтъ явилась за полученіемъ наслѣдства.

Профессоръ Московскаго Университета С. И. Баршевъ въ 1870 году рассказывалъ на лекціи, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ на Тверской въ Богословскомъ переулкѣ часовъ въ 10 вечера мясникъ рѣзалъ теленка. Услыхавъ раздирующій душу крикъ, онъ выскочилъ изъ лавки на улицу съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ и увидалъ на мостовой еще неостывшій трупъ человѣка съ разрѣзаннымъ животомъ.

Въ недоумѣніи и ужасѣ онъ остановился надъ трупомъ и въ это время задержанъ полиціею. Ни изслѣдованіе крови на его ножѣ, ни другія представленныя имъ въ свое оправданіе доказательства не спасли его отъ каторги.

Спустя лѣтъ пять послѣ того, судившійся въ Московскомъ Окружномъ Судѣ за нѣсколько преступленій преступникъ сознался и въ совершеніи этого убійства. Былъ осужденъ за совершеніе его, а невинно осужденный мясникъ былъ возвращенъ съ каторжныхъ работъ.

Извѣстно, что сорока хватаетъ все, что попадется, и все это заботливо прячетъ. Одна прирученная сорока собирала монеты въ сундукъ бѣдной служанки, у которой былъ ключъ отъ этого сун-

дука. На основаніи одного этого доказательства служанка была осуждена и понесла тяжкое наказаніе. Но случаи воровства продолжались и птица—воръ была поймана, когда она прятала монеты въ томъ же сундукѣ чрезъ отверстіе, которое не замѣтили прежде.

Но иногда легко растеряться въ безконечныхъ мелочахъ. Посему иногда возможно впечатлѣніе отъ судебного слѣдствія сравнить съ впечатлѣніемъ отъ прочитанной книги или бесѣды. Большая часть прочитаннаго или выслушаннаго забывается прежде, чѣмъ дойдемъ до конца, но общее впечатлѣніе остается. Его то и должны высказать судьи.

Д о с т о в ѣ р н о с т ь .

Изъ несовершенства нашего наблюдательнаго снаряда, изъ недостаточности нашихъ познавательныхъ органовъ въ сферѣ изученія общественныхъ явленій и дѣйствій человѣка, изъ ограниченности способностей человѣка, какъ существа конечнаго, не одареннаго ни всемогуществомъ, ни всевѣдѣніемъ, изъ несовершенства средствъ человѣческаго правосудія слѣдуетъ, что достовѣрность можетъ быть не безусловная, а только относительная, гадательная.

Подъ именемъ безусловной достовѣрности разумѣется высшая степень убѣжденія, когда оно достигаетъ высшей несомнѣнности, когда нѣтъ шансовъ для противоположнаго заключенія.

Юридическая, уголовно-судебная, нравственная очевидность имѣетъ своимъ предметомъ фактическіе вопросы, или вопросы о дѣйствительности такихъ предметовъ и событій, которые, не будучи необходимы безусловно, могутъ и не быть въ дѣйствительности, не внося этимъ въ жизнь никакихъ противорѣчій, а потому въ отношеніи такихъ событій наши сужденія могутъ быть ошибочны. Уголовно-судебная достовѣрность есть состояніе нашего убѣжденія, выведеннаго изъ совокупности представленныхъ и собранныхъ на судѣ доказательствъ. Это есть та высокая степень вѣроятности, при которой благоразумный человѣкъ считаетъ возможнымъ дѣйствовать, есть совокупность оснований, стеченіе вѣроятностей, вытекающихъ изъ представленныхъ доказательствъ, исключаящихъ противоположное предположеніе въ томъ, что прошлое изслѣдуемое событіе имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, есть заключеніе о томъ, что какое

другое предположеніе, кромѣ сдѣланнаго, не оказывается, по убѣжденію нашему, совмѣстнымъ съ обстоятельствами дѣла.

Наше искусство состоитъ въ томъ только, чтобы изъ многихъ золъ выбрать меньшее, изъ многихъ ошибочныхъ путей, ведущихъ къ открытію истины, избрать относительно вѣрнѣйшій путь, относительно меньше уклоняющійся отъ истины, представляющій меньше шансовъ заблужденіямъ.

Уголовно-судебная достовѣрность въ громадномъ большинствѣ случаевъ основывается не на непреложныхъ законахъ природы, даже не на эмпирическихъ правилахъ, или исторической достовѣрности, которая въ большинствѣ случаевъ основывается на приблизительныхъ обобщеніяхъ физической или моральной жизни, вѣрныхъ для даннаго времени и при данныхъ обстоятельствахъ, но не исключających въ тоже время возможности ошибки при самомъ добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи судьи къ дѣлу, почему мы по необходимости должны ограничиваться достиженіемъ въ правосудіи этой исторической достовѣрности, почему общія положенія о человѣческихъ дѣйствіяхъ могутъ считаться только приблизительными и не могутъ имѣть характера математической несомнѣнности, математической аксіомы, подобно тому какъ не можетъ быть математической истины во всякой иной эмпирической области знанія; а потому и выводы въ этой сферѣ могутъ имѣть только значеніе болѣе или менѣе высокой степени вѣроятности, ибо только рѣдко доказательство бываетъ настолько безупречно, чтобы противъ него нельзя было представить никакого возраженія, при которомъ не возможно было бы абсолютно предположеніе противоположнаго результата съ тѣмъ, къ которому пришелъ судья.

Что человѣкъ, извѣстный въ околodкѣ за честнаго гражданина, даетъ правдивое показаніе, что согласныя между собою показанія людей неопороченныхъ указываютъ на то, что утверждаемое ими дѣйствительно совершилось, есть только приблизительное обобщеніе, не имѣющее значенія закона природы, или даже эмпирическаго правила, и даетъ, равно какъ и эмпирическое правило, одну вѣроятность.

Довѣріе къ такимъ обобщеніямъ основывается на самой сущности ихъ и допускаетъ необозримое число исключеній, такъ какъ, неговоря уже о другихъ болѣе дурныхъ побужденіяхъ, сожалѣніе, ложно понятое чувство долга—„благочестивая ложь“—и т. п. мотивы могутъ довести свидѣтелей до стачки и лжи.

Впрочемъ, эта доовѣрность достигаетъ иногда такой несомнѣнности, что равняется аксіомѣ; напр., можно не быть лично въ Америкѣ и безусловно вѣрить ея существованію, ибо подобные случаи доовѣрности констатируются такимъ безконечнымъ числомъ вполне согласныхъ свидѣтельствъ, такую массою вещественныхъ доказательствъ, что для насъ, не бывшихъ въ Америкѣ, не представляется ни одного противоположнаго довода, такъ же какъ и въ томъ случаѣ, когда что-либо совершается при извѣстныхъ условіяхъ постоянно, какъ напр., восходъ солнца. Такія доказательства даютъ доовѣрность, производятъ убѣжденіе, увѣренность въ дѣйствительности извѣстнаго факта.

Вѣ р о я т н о с т ь .

Доказательства, которыя сообщаютъ нашему сознанию только колебательное движеніе, рождаютъ только сомнѣніе, предположеніе, догадку о существованіи извѣстнаго факта, не исключая возможности доказыванія противнаго, даютъ только вѣроятность, подъ именемъ которой разумѣется понятіе о сходствѣ или подобіи съ какою-либо истиною, или событіемъ, или предметомъ, или отвлеченная и внутренняя вѣроятность какого-либо событія, а иногда перевѣсъ доводовъ, подтверждающихъ или отрицающихъ дѣйствительность какого-либо факта, являющійся слѣдствіемъ сравненія и оцѣнки нравственныхъ уликъ, низшая степень силы убѣжденія, низшая степень доовѣрности (средина между доовѣрностію и невозможностію), такое положеніе, которому больше вѣрятъ, чѣмъ противоположному, хотя это послѣднее, все-таки, мыслимо и ничего противорѣчащаго къ себѣ не содержитъ. Она указываетъ на нашъ опытъ, свидѣтельствующій о повтореніи извѣстныхъ явленій съ большимъ или меньшимъ однообразіемъ, на то, что совершается, но не всегда, а только иногда. Такъ, напр., можно предполагать, что свидѣтель говоритъ правду на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ люди говорятъ правду, что правда обыкновеннѣе лжи. Но такъ какъ бываютъ случаи ложныхъ показаній, то и можно сказать, что вѣра въ правдивость показаній людей есть предположеніе вѣроятности.

Степень вѣроятности зависитъ отъ нашего житейскаго опыта, почерпнутаго нами въ различныхъ сферахъ жизни и въ различныхъ положеніяхъ: кого больше обманывали, тотъ будетъ меньше вѣрить. Есть степень вѣроятности близкая къ доовѣрности, а

именно, при чрезвычайно большой невѣроятности противоположнаго.

Человѣчеству, всегда слабому, слѣпому, подверженному ошибкамъ, нужно изучать теорію вѣроятностей съ такою же заботливостію, съ какою мы учимся ариѳметикѣ и геометріи.

До тѣхъ поръ, пока мы не будемъ имѣть новыхъ средствъ для удостовѣренія въ дѣйствіяхъ совершаемыхъ втайнѣ, мы принуждены дѣйствовать на основаніи предположеній, пока противное предположенію не будетъ доказано.

Если бы человѣческіе суды ждали математическихъ доказательствъ, математическихъ аксіомъ, и не рѣшались или рѣдко рѣшались бы дѣйствовать на основаніи тѣхъ указаній, какія допускаются обстоятельствами дѣла, то имъ пришлось бы очень рѣдко рѣшиться на что-либо, а между тѣмъ дѣйствовать нужно и не слѣпо, то важнѣйшія преступленія оставались бы безнаказанными, то общество не могло бы существовать.

Внутреннее убѣжденіе.

Чрезвычайно трудно установить съ точностію различныя степени убѣжденія, т. е. увѣренности въ отношеніи наблюдаемыхъ фактовъ, формы проявленія активности. Эта увѣренность (внутреннее убѣжденіе) можетъ быть различна: она можетъ заключаться въ вѣроятности, но можетъ перейти и въ полную несомнѣнность. Соответственно влеченію судьи вѣрить въ дѣйствительность или, наоборотъ, въ недѣйствительность факта въ немъ рождаются разныя отгѣнки убѣжденія—сомнѣніе, предположеніе, вѣроятность.

Безконечно разнообразны тѣ обстоятельства, изъ которыхъ умъ можетъ догадываться объ извѣстномъ явленіи.

Внутреннее убѣжденіе, т. е. убѣжденіе по крайнему разумѣнію, по совѣсти, въ томъ смыслѣ, что никакія постороннія побужденія и соображенія не вліяли на судью, свободно безъ всякихъ формальныхъ масштабовъ оцѣнившего силу доказательствъ, должно быть чуждо произвола, должно обладать свойствами, необходимыми для вселенія къ себѣ довѣрія. Оно должно быть основано на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, добытыхъ судебнымъ разбирательствомъ, когда они сплетаются гармонически въ такую сѣть, которая охватываетъ преступника со всѣхъ сторонъ. Оно должно вытекать изъ объективныхъ основаній, порождающихъ въ судѣ субъективную увѣ-

увѣренность (ибо всякая достовѣрность носитъ субъективный характеръ) въ отношеніи и дѣйствительности значенія тѣхъ фактовъ, которые были подвергнуты изслѣдованію средствами уголовного процесса. Значеніе убѣжденія находится въ прямой зависимости отъ того, вытекаетъ ли оно изъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла.

Истина признается обнаруженной тогда, когда выясняется полное соотвѣтствіе между нашими идеями и фактами.

Внутреннее убѣжденіе должно быть сознательнымъ, т. е. такимъ, въ отношеніи котораго судья могъ бы всегда дать себѣ отчетъ, почему оно сложилось у него. Оно не должно основываться на одномъ только безотчетномъ, инстинктивномъ предчувствіи истины, а должно удовлетворять всеобщему значенію законовъ мышленія, представляющихся вообще достаточными, должно быть продуктомъ критическаго отношенія судьи какъ къ наблюдаемымъ имъ фактамъ, такъ и къ тому психологическому процессу, при помощи котораго онъ ихъ воспринялъ и оцѣнилъ.

Всякое убѣжденіе въ жизни каждаго изъ насъ должно имѣть свое логическое основаніе, должно основываться на опредѣленныхъ данныхъ. Увѣренность, вытекающая только изъ однѣхъ субъективныхъ ощущеній судьи, имѣетъ значеніе только мнѣнія или предубѣжденія судьи и не можетъ быть положена по этому въ основаніе судейскаго приговора. Субъективизмъ въ достовѣрности—дѣло совѣсти, личнаго сознанія, убѣжденія, которое вселяется въ насъ не по арифметическому расчету, не посредствомъ сложенія уликъ, но внезапно, по впечатлѣнію, производимому совокупностію всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Это есть только одинъ изъ элементовъ судейскаго убѣжденія, но не единственное его основаніе.

Для отчетливаго пониманія человѣческаго убѣжденія, условій, при которыхъ оно образуется, не достаточно знать логическія правила, нужно еще принять во вниманіе вліяніе, оказываемое на нашъ интеллектъ другими психологическими моментами, какъ напр., субъектидизмомъ.

Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше заключеніе основывается на незыблелыхъ законахъ природы, измѣнчивое настроеніе чувства не вліяетъ на наше убѣжденіе. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не можетъ быть достовѣрности, а бываетъ только вѣроятность, наше убѣжденіе зависитъ не только отъ противорѣчащихъ вѣдѣшнихъ вліяній, феноменовъ, но и отъ измѣнчивыхъ нашихъ настроеній. Кто не знаетъ, что подъ вліяніемъ хорошаго располо-

женія духа мы относимся къ людямъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ въ мрачномъ настроеніи, подѣ вліяніемъ гнѣва, тоски, радости, надежды, страха измѣняются наши воззрѣнія на людей и жизнь.

Старательное обследованіе всѣхъ подобныхъ чувствъ приводитъ къ одному объясненію: когда какое-либо чувство овладѣваетъ нашею душою, всѣ предметы, находящіеся въ гармоніи съ нимъ, имѣются въ виду, всѣ противорѣчащіе предметы отгоняются прочь, или просто игнорируются, оставляются въ сторонѣ и рѣшеніе постановляется въ ихъ отсутствіе. Страсть просто не допускаетъ соображеній ей противорѣчащихъ, подобно тому какъ виновный не допуститъ свидѣтелей, которые могутъ изобличить его.

Есть случай, когда доказательства такъ сильны, такъ могучи, что каждый въ положеніи судьи признаетъ ихъ вполне убѣдительными, достаточными. И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что вездѣ, гдѣ только человѣкъ судить объ истинности факта, индивидуальность, субъективность этого человѣка сильнѣйшимъ образомъ вліяетъ на образованіе убѣжденія.

Нѣтъ возможности процессуально заставить судью выдѣлить изъ внутренняго убѣжденія то, что имъ получено не на судѣ.

Довѣріе къ свидѣтелямъ обусловливается нашимъ личнымъ знаніемъ людей и жизни; наши выводы изъ вещественныхъ доказательствъ ограничены предѣлами нашихъ личныхъ знаній; наше общее сужденіе о возможности того или другого событія или какой-либо подробности его зависитъ отъ богатства нашего фактическаго знанія, нашего развитія, широты нашихъ взглядовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судьи соглашаются въ мнѣніи о силѣ доказательствъ, они весьма часто достигаютъ единогласія по совершенно различнымъ соображеніямъ. Конечно, чѣмъ болѣе судей, тѣмъ разностороннѣе будетъ обсужденіе предмета, чѣмъ болѣе разнообразія въ точкахъ зрѣнія, тѣмъ болѣе основаній признать испытаніе полнымъ. Но отъ этого приговоръ не превращается въ совершенно объективную истину. Одинъ судья признаетъ свидѣтеля достовѣрнымъ потому, что считаетъ его человѣкомъ правдивымъ, другой потому, что показаніе его обстоятельно и подтверждается другими данными въ дѣлѣ, третій потому, что свидѣтель своимъ простымъ, прямымъ и яснымъ отвѣтомъ произвелъ на него благоприятное впечатлѣніе и т. д.

Одинъ судья придаетъ значеніе присягѣ, какъ оплоту истины; другой, зная, какъ часто встрѣчаются легкомысленныя клятвы,

не считаетъ ее каменною оградою. Одинъ вѣрить въ темныя стороны челоуѣческой души, видитъ въ людяхъ безпощадныхъ эгоистовъ, когда дѣло касается ихъ личныхъ интересовъ; другой вѣрить, что не мало на свѣтѣ добрыхъ людей, что много вообще свѣтлаго въ челоуѣческой природѣ. Сестра показываетъ противъ брата въ пользу любовника. Какъ важны въ этомъ случаѣ при сужденіи о достовѣрности ея показанія нашъ личный опытъ, наше субъективное пониманіе челоуѣческаго сердца, наши взгляды на челоуѣческую природу, наши собственные психологическія наблюденія, пережитыя впечатлѣнія.

Что убѣжденія наши находятся подъ вліяніемъ нашей индивидуальности, между прочимъ, видно будетъ, если обратить вниманіе на тѣ „ошибочныя тенденціи нашего духа“, которыя вычислены знаменитымъ англійскимъ психологомъ Бэкономъ.

Есть три источника челоуѣческаго убѣжденія, говоритъ онъ: 1) присущая намъ активность—наклонность дѣйствовать въ смыслѣ проявленія энергіи; 2) вліяніе чувства, эмоцій и страстей и 3) интеллектуальныя ассоціаціи, или привычныя, связанныя ряды мыслей. Эти три источника влекутъ за собою ошибки при формированіи убѣжденія, тѣмъ болѣе, что только третій источникъ обезпечиваетъ достовѣрность убѣжденія, т. е. согласія нашего представленія съ его предметомъ.

Обращаясь къ первому источнику психологическихъ ошибокъ, къ активности, мы должны замѣтить, что присущая намъ энергія побуждаетъ насъ къ дѣйствию, къ переходу отъ пассивнаго къ постоянно активному, доколѣ наша энергія не истощена и пока есть свобода отъ препятствій. Препятствія нами не предполагаются, пока дѣйствительно не встрѣтятся. Путь, открытый въ настоящій моментъ, кажется намъ, будетъ всегда открытъ: мы не предусматриваемъ будущаго препятствія. Слѣпое довѣріе есть первоначальное состояніе нашей души. Только путемъ опыта мы научаемся предполагать извѣстные предѣлы и препятствія нашей активности. Состояніе довѣрія характеризуетъ наши раннія убѣжденія; намъ представляется, что то, что дѣйствительно теперь, будетъ дѣйствительно всегда и вездѣ. Мы полагаемъ, что какъ мы чувствуемъ теперь, будемъ такъ чувствовать и всегда. Мы начинаемъ свою жизнь убѣжденіемъ, что какъ мы чувствуемъ, такъ чувствуютъ и всѣ.

Судить о другихъ по себѣ составляетъ нашу наклонность, и только опытъ избавляетъ людей, впрочемъ, не всѣхъ отъ этого предрасположенія. Въ этомъ критеріи—если не единственная, то одна изъ главныхъ причинъ нетерпимости. Съ трудомъ освобождаемся мы отъ наклонности судить во всѣхъ обстоятельствахъ по мѣркѣ, взятой изъ собственной личности и нашихъ личныхъ обстоятельствъ. Люди благоразумные, сдержанные, умѣющие сомнѣваться, склонны къ уменьшенію своего авторитета, а люди менѣе благоразумные наоборотъ. Дѣти особенно любятъ пародировать индукцію; а самые невѣжественные люди проявляютъ наибольшую наклонность къ широкимъ и смѣлымъ обобщеніемъ. Наша увѣренность не находится въ надлежащей пропорціи съ объективными доказательствами. Ошибки молодости въ мышленіи объясняются только что описаннымъ источникомъ заблужденій. Но, замѣтимъ, молодость разума не есть принадлежность молодаго только возраста. Многіе остаются долго, а нѣкоторые навсегда умственно младенцами. Во всякомъ случаѣ не всѣ научаются одному и тому же въ жизни, и не всѣхъ жизнь учить съ одинаковымъ рвеніемъ и успѣхомъ. Ясно, сколько ошибокъ должно проистекать изъ перваго источника человѣческаго заблужденія.

Вліяніе чувства на убѣжденіе.

Что касается до втораго источника ошибокъ, до вліянія чувствъ, душевныхъ волненій и страстей, то извращеніе вліянія этого источника на правильность убѣжденій слишкомъ общезвѣстны, чтобы много объ этомъ распространяться. Что личный интересъ, страхъ, любовь, сомнѣніе, антипатіи, поэтическіе идеалы, религіозныя чувства вліяютъ на нашу умственную дѣятельность—это одно изъ самыхъ распространенныхъ и наименѣе спорныхъ положеній о человѣческой природѣ. Бэконова *idola* большею частію составлена изъ предрасудковъ и страстей. Вліяніе чувства на наше убѣжденіе совершается отчасти чрезъ волю, отчасти чрезъ интеллектъ.

Было бы ошибочно думать, что наше убѣжденіе въ достоверности фактовъ, составляющихъ прошлое событіе, складывается исключительно путемъ логическимъ безъ вліянія чувствъ.

Образованіе убѣжденія уподобляется движенію вѣсовъ, при помощи которыхъ измѣряется тяжесть вещей. Убѣжденіе, предположеніе, сомнѣніе суть состоянія, которыя мы не можемъ выз-

вать произвольно, но которыя возникаютъ съ необходимостію въ каждомъ человѣкѣ по законамъ мышленія и подсказываются голосомъ совѣсти.

Представленіе есть актъ, посредствомъ котораго душа познаетъ внѣшніе предметы, а также способность, при помощи которой совершается этотъ актъ. Философы говорятъ, что оно требуетъ трехъ предварительныхъ условій: 1) впечатлѣнія на внѣшніе органы, передачу этого впечатлѣнія центральному органу—мозгу и 3) произведенное ощущеніе.

Процессъ возникновенія достовѣрности есть тайна, какъ сама жизнь, какъ всякая сила въ природѣ. Съ явленіями жизни мы постоянно имѣемъ дѣло, мы ихъ изслѣдуемъ, изучаемъ; но самый жизненный принципъ, одушевляющій организмъ, остается для насъ навѣки загадкою. Нашей наукѣ станетъ на то, чтобы узнать, изъ какихъ частей составленъ извѣстный организмъ; мы можемъ его разложить химически или аналитически на его составные атомы, но не можемъ создать, сотворить хотя бы саомалѣйшую самопростѣйшую былинку.

Самая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая главная форма психической жизни—это чувство, которое состоитъ изъ двухъ элементовъ—матеріальнаго, или нерва, который воспринимаетъ впечатлѣніе, и психическаго, или самаго чувства, т. е. впечатлѣнія, превращеннаго въ психическую форму. Между этими элементами нѣтъ ничего сходнаго; но тѣмъ не менѣе связь между ними существуетъ самая тѣсная: нѣтъ впечатлѣнія, нѣтъ и чувства.

Органами чувствъ являются нервы, которые доводятъ впечатлѣнія до головного мозга.

Нервы, т. е. группы, пучки волоконъ, или трубочекъ, тѣсно прилегающихъ одна къ другой, берутъ свое начало въ головномъ, а преимущественно въ спинномъ мозгу, отчего всякая точка организма и находится въ связи съ головнымъ мозгомъ, такъ какъ нервы разсыпаны по всеѣмъ частямъ тѣла въ видѣ нитей, въ которомъ и совершается психическій процессъ чувства и возбужденія. Нервы устроены такъ, что каждый изъ нихъ можетъ воспринимать впечатлѣнія извѣстнаго только рода. Нервъ зрѣнія, напр., можетъ воспринимать только свѣтъ. Лучи свѣта, выходящіе отъ того предмета, на который мы смотримъ, доходятъ до глаза, легко проникаютъ чрезъ его прозрачныя ткани и производятъ впечатлѣнія, соотвѣтствующія предмету, на периферическомъ, а не центральномъ, развѣтвленіи зрительнаго нерва, который проводитъ

впечатлѣніе даѣе до слоя сѣраго полушарія готовнаго мозга, гдѣ оно и превращается въ опредѣленное чувство, и человекъ видѣть. Мы думаемъ, напр., о какомъ-нибудь лицѣ или предметѣ, видѣнномъ нами прежде; его образъ рисуется въ нашемъ воображеніи; наша мысль о немъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе онъ окруженъ въ нашемъ воображеніи чувственными атрибутами. Мы не можемъ сказать, что за измѣненія происходятъ въ головномъ мозгу отъ впечатлѣній; но здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о выдѣлкѣ мозгомъ чувства, и намъ остается признать только преемство явленій, какъ непреложный фактъ. Въ головномъ же мозгу зарождаются и самобытныя операціи духа. Но, конечно, не слѣдуетъ думать, чтобы головной мозгъ самъ производить все это своимъ веществомъ. Онъ служитъ лишь органомъ для проявленія сознанія, для психической дѣятельности, какъ музыкальный инструментъ для музыканта: нѣтъ инструмента, нѣтъ и мелодіи.

Само собою разумѣется, чтобы духъ нашъ и чувства проявлялись правильно, необходимо прежде всего, чтобы мозгъ и аппаратъ нервъ не представляли никакихъ аномалій въ своемъ устройствѣ, не были разрушены. У стариковъ потеря памяти и вообще ослабленіе всей функціи происходитъ именно вслѣдствіе разжиженія крови и недостаточнаго питанія мозга.

Вліяніе алкоголя на дѣятельность мозга и нервъ.

Введеніе въ кровь какого-нибудь яда тотчасъ производитъ аномалію въ душевныхъ проявленіяхъ. Всѣмъ извѣстно вліяніе алкоголя на дѣятельность мозга и нервъ. Поступивши въ желудокъ, алкоголь быстро переходитъ въ кровь, а съ нею тотчасъ достигаетъ головного мозга, раздражаетъ его и всю нервную систему. Пока его выпито немного, то отъ этого не только не бываетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, но умѣренное возбужденіе мозга дѣйствуетъ даже благотворно на нашу мысль, усиливая ея энергію. Въ первый моментъ опьяненія человекъ дѣлается веселѣе, чувствуетъ оживленіе; комбинація идей у него совершается быстрѣе и самая мысль гораздо продуктивнѣе обыкновеннаго. Но если на этомъ человекъ не остановится и продолжитъ долѣе раздраженіе мозга, то возбужденіе органа мысли переступаетъ, наконецъ, физическія границы—и тогда открывается рядъ психическихъ аномалій. При этомъ однако субъектъ еще въ со-

стояніи укрощать порывы своихъ страстей. Въ слѣдующій затѣмъ періодъ опьяненія спокойное сужденіе и разсудочная дѣятельность становятся не возможными, ходъ идей безпорядоченъ и вполне подчиненъ ничтожнымъ случайностямъ. Наконецъ, человѣкъ приходитъ какъ бы въ сонное состояніе, ибо его обманываютъ его же собственныя чувства. Теперь достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы воспламенить въ такомъ человѣкѣ бурный аффектъ, подъ вліяніемъ котораго онъ будетъ дѣйствовать какъ бѣшеный. При усиленной дѣятельности мозга происходитъ постоянное подавленіе умственной функціи, которое, наконецъ, разрѣшается параличемъ: пьяный лежитъ безъ движенія погруженный въ неестественный сонъ. Въ это время онъ, разумѣется, человѣкъ безвредный; но за то жизнь его въ опасности. Постепенно въ немъ слабѣетъ свобода произвола и, наконецъ, уничтожается вовсе, и все это происходитъ отъ матеріальныхъ измѣненій въ мозгу. Свобода начинаетъ измѣняться прежде, нежели человѣкъ дойдетъ до безчувственнаго состоянія. Въ иныхъ, еще далекихъ до безчувственнаго состоянія, начинаютъ проявляться порывы звѣрской ярости, въ которой пьяные бьютъ все, что имъ попадаетъ подъ руку, рвутся, если ихъ удерживаютъ, и нерѣдко выпрыгиваютъ изъ оконъ и убиваются. Въ нашъ вѣкъ часто бываютъ случаи самоубійства подъ вліяніемъ опьяненія. И замѣчательно, что всѣ подобные люди, проспавшись, ничего того не помнятъ, что дѣлаютъ въ пьяномъ видѣ, даже не хотятъ вѣрить разсказамъ другихъ объ ихъ поступкахъ. Но еще опаснѣе тѣ люди, когда за опьяненіемъ наступаютъ припадки бѣшенства.

Само собою разумѣется, что всѣ поступки такихъ пьяныхъ ни какъ нельзя смѣшивать съ тѣми, которые хотя совершаются и въ пьяномъ видѣ, но съ сознаніемъ цѣли совершенія ихъ, съ способностью оцѣнивать послѣдствія своего дѣянія, различать добро отъ зла.

Что алкоголь поражаетъ головной мозгъ, то подтвержденіемъ этого служатъ бѣлая горячка и сумасшествіе. Кромѣ того, у пьянаго происходятъ сильныя душевныя движенія—аффекты, которые также съ своей стороны способствуютъ нарушенію нормальныхъ

состояній мозга и вліяють на нервную систему. ¹⁾ Замѣчательно, что когда страсть къ пьянству усиливается, то трудно бывает освободиться отъ нея. Въ одномъ винѣ субъектъ находитъ для себя удовольствіе; вино начинаетъ тиранически вліять на него.

Въ юридическомъ отношеніи въ пьянствѣ представляются три случая: пьяный или виолнѣ владѣетъ произволомъ, или свобода его ограничена, или, наконецъ, онъ вовсе лишенъ способности управлять своими дѣйствіями.

А ф ф е к т ы. ¹⁾.

¹⁾ Душевные волненія, сами по себѣ, —не беззравственны и только при чрезмѣрно сильномъ развитіи они могутъ быть опасны. Они, съ одной стороны,—причина самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ порывовъ души, съ другой,—могутъ подать поводъ и къ самымъ ужаснымъ преступленіемъ. Сюда же относятся и страсти. Душа и тѣло тѣсно соединены между собою, такъ что, все происходящее въ сферѣ психическихъ и органическихъ отношеній находится во взаимодѣйствіи. Всякое душевное движеніе, хотя бы оно имѣло и психическое происхожденіе, поражая органъ представленія, неизбѣжно оказываетъ сильное вліяніе при посредствѣ нервной системы и на матеріальную сторону организма; точно также и органическія измѣненія не остаются безъ всякаго отношенія къ психической жизни. Сильный аффектъ, мгновенно поражая мозгъ, кромѣ того, что уже въ немъ самомъ производитъ измѣненіе органическихъ отношеній, возбуждая, напр., приливъ крови къ мозгу, дѣйствуетъ и на отдаленные органы помощьюъ нервъ, которыми поддерживается непрерывная связь всѣхъ частей съ мозгомъ; такъ напр., страхъ мгновенно производитъ измѣненіе въ кишечномъ каналѣ, кожѣ и мочевыхъ органахъ, производя поносъ, потъ и непроизвольное изверженіе мочи, гнѣвъ имѣетъ отношеніе къ печени, печаль къ желудку и слезнымъ желѣзамъ, ужасъ къ почкамъ, надежда къ органамъ дыханія, тоска отзывается въ сердце и т. д.

Тѣ же самые органы и сами дѣйствуютъ на душу въ определенномъ направленіи, т. е. при ихъ страданіи возбуждаются представленія, аффекты, все равно происходятъ ли они при нормальномъ состояніи органовъ, или развиваются на болѣзненной почвѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, достаточно уже ничтожнаго повода для вызова сильнаго душевнаго движенія.

Въ образованіи аффекта лежитъ элементъ необходимости. Какъ скоро волненіе усиливается, то разрѣшеніе его распространяется на весь организмъ, обхватываетъ все тѣло, и если это будетъ аффектъ подавляющій, то онъ оцѣпѣняетъ организмъ, а если возбуждающій, то раздражаетъ. Степень аффекта не всегда оди-

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя послѣдствія опьяненія со стороны вліянія ихъ на психическую дѣятельность: 1) мало-по-малу пьянство обращается въ страсть, пьяница перерождается нравственно, и перерожденіе это характеризуется главнымъ образомъ притупленіемъ душевныхъ ощущеній, ослабленіемъ сознанія долга и заглушеніемъ совѣсти. Грубыя натуры при этомъ легко увлекаются въ преступленія, сильно же изнеженные—скорѣе посягаютъ на собственную жизнь.

накова и, смотря по свойству мотивовъ и органическимъ особенностямъ самой личности, способность свободнаго самоопредѣленія бываетъ болѣе или менѣе ограничена или вполне уничтожена. Отъ состоянія мозга въ моментъ факта, совершеннаго подъ вліяніемъ аффекта, зависитъ рѣшеніе вопроса относительно степени отвѣтственности за содѣянное—уничтоженіе вѣнлемости или смилженіе вины. Психическая и органическая воспримчивость чрезвычайно неодинакова у различныхъ лицъ, такъ что одинъ и тотъ же мотивъ въ одномъ случаѣ остается совершенно безъ всякаго дѣйствія, тогда какъ въ другомъ онъ вызываетъ бурный аффектъ и уничтожаетъ способность самоопредѣленія. Нельзя однако не сознаться, что опредѣленіе степени бывшаго аффекта чрезвычайно затруднительно, потому что, съ одной стороны, аффектъ есть скоропреходящее явленіе, а слѣдовательно оно уже не существуетъ въ моментъ изслѣдованія, съ другой—какъ открыть, отношеніе психическаго мотива къ психической воспримчивости въ конкретномъ случаѣ? Есть однако общія основанія, которыя могутъ служить руководствомъ при обсужденіи вопроса, въ какой мѣрѣ извѣстный мотивъ могъ вызвать аффективное состояніе и ограничить нравственную свободу: 1) темпераментъ; чѣмъ раздражительнѣе, чѣмъ нервнѣе, а въ особенности при аномаліи въ нервной системѣ, человекъ, тѣмъ легче возбужденіе, тѣмъ болѣе предрасположенія къ душевнымъ волненіямъ; 2) органическое страданіе органовъ, въ силу естественнаго закона, нерѣдко дѣйствуетъ неблагоприятно на всю нервную систему или, по крайней мѣрѣ, усиливаетъ раздражительность; гнѣвъ—нерѣдко явленіе при болѣзняхъ сердца, злость, недовольство—при страданіяхъ печени, при подагрѣ и падучей болѣзни, мрачное расположеніе и ипохондрія—при аномаліяхъ кишечнаго канала и т. д. Аффекты принадлежатъ къ мимолетнымъ состояніямъ. Но нельзя отвергать и того, что они могутъ продолжаться и долгое время, и это много зависитъ отъ индивидуальности субъекта. По нашему закону аффекты не исключаютъ отвѣтственности.

Страсти.

Страсти отличаются отъ аффектовъ тѣмъ, что онѣ держатся, главнымъ образомъ, въ психической области и вначалѣ не разстра-

Пьяный понимает недозволенные поступки и может удержаться от них. 2) Пьяница может сдѣлаться запойнымъ, хотя запой и нельзя смѣшивать съ пьянствомъ, а скорѣе съ параксизмами болѣзни, которая характеризуется тѣмъ, что больной страдаетъ безсонницею, тошнотою, меланхолическимъ настроеніемъ и начинаетъ пить и иногда доходить до галлюцинацій. Въ параксизма онъ владѣетъ свободою и произволомъ и потому способность вмѣненія у него не уничтожена.

иваютъ организма, но за то въ послѣдствіи онѣ производятъ измѣненія во всемъ тѣлѣ.

Аффектъ, подобно бурнымъ волнамъ, внезапно прорываетъ плотину, а страсти, какъ рѣка, все глубже и глубже прокапываютъ себѣ ложе. Вотъ причина, почему страсти долго не оставляютъ человѣка и, наконецъ, переходятъ въ сумасшествіе. На этомъ основаніи страсти не требуютъ вмѣшательства судебной медицины, исключая только тѣхъ случаевъ, когда продолжительная страсть успѣла разстроить весь организмъ и довести человѣка до сумасшествія. Собственные интересы, интересы другихъ, цоложеніе въ обществѣ—все приносится въ жертву одному идолу. Но понятно, что все это не уничтожаетъ въ человѣкѣ сознанія несправедливости поступковъ и ему всегда есть возможность уклониться отъ роковаго пути. Страсть многое объясняетъ, но ничего не оправдываетъ. Кто не признаетъ ничего выше своей страсти, похоти, побряжки своей чувственности, хищныхъ инстинктовъ, тотъ попираетъ идею права.

Страсть нерѣдко переходитъ въ душевную болѣзнь. Но нужно строго отличать ее отъ сумасшествія. Нельзя не замѣтить при этомъ, что сдѣлать подобное отличіе трудно. Смѣшивать заблужденіе и порочныя страсти съ невиннымъ бредомъ сумасшедшаго значитъ находить оправданіе безнравственности и уничтожать социальныя условія жизни. Но лишь только страсть произвела дѣйствительное разстройство въ головномъ мозгу, то, разумѣется, мы имѣемъ дѣло уже не съ страстнымъ человѣкомъ, а съ больнымъ. Бываютъ, впрочемъ, промежуточныя состоянія и у такихъ людей; но и тутъ, по совершеніи ими преступленія, степень виновности уменьшается и именно настолько, насколько болѣзнь имѣла вліяніе на ихъ волю.

На основаніи того, что аффектъ многократно производитъ измѣненіе въ мозгу, а страсть медленно, послѣднія менѣе извиняють преступленіе, совершенное подъ ихъ вліяніемъ. Притомъ, здѣсь имѣетъ большое значеніе и нравственный характеръ мотива. Не все равно,—посягнетъ ли кто на жизнь другого изъ ревности или изъ мести.

Сочетане идеального и чувственного элементовъ.

Человѣкъ способенъ наблюдать не только то, что происходитъ въ мірѣ внѣшнемъ, посредствомъ чувствъ, но и то, что происходитъ въ его душѣ, посредствомъ внутренняго самознанія. Этимъ послѣднимъ путемъ мы можемъ слѣдить за каждымъ движеніемъ нашей мысли, за каждымъ волненіемъ нашего чувства, за каждымъ толчкомъ нашей воли съ полною отчетливостію.

Все, что доставляетъ намъ удовольствіе, побуждаетъ волю къ преслѣдованію какой-либо цѣли, и наша активность, въ какомъ бы направленіи она не совершалась, влечетъ за собою убѣжденіе.

То, что мы любимъ, мы считаемъ хорошимъ, по крайнѣй мѣрѣ, не дурнымъ. Результатъ симпатіи заключается въ томъ, что наша активность стремится въ извѣстномъ направленіи, а это даетъ силу убѣженію, способную преодолѣть противорѣчащее доказательство. Другой способъ вліянія чувствъ есть вліяніе чрезъ интеллектъ. Сильное чувство возбуждаетъ насъ; мы обращаемъ вниманіе только на то, что согласно съ нашимъ чувствомъ. Удовольствіе, нами испытываемое, направляетъ наше вниманіе только на факты для насъ пріятные; страхъ указываетъ намъ только тѣ обстоятельства, которыя угрожаютъ опасностію.

Чувства сильно измѣняютъ ходъ нашихъ логическихъ операцій, нашъ взглядъ на силу доказательствъ. Не говоря уже о сильныхъ страстяхъ, извращающихъ наше мнѣніе, обратимъ вниманіе на то, что даже такое чувство, какъ чувстволичнаго достоинства, видоизмѣняетъ въ значительной степени наши мнѣнія и убѣжденія. Чувство, самая элементарная форма психическаго бытія, не имѣло бы никакого значенія, если бы духъ нашъ собственной энергіею не придавалъ ему никакого значенія; оно было бы бессодержательно, какъ и бываетъ у поворожденнаго, до котораго достигаютъ всѣ впечатлѣнія, но всѣ воспринимаются въ сознаніе въ формѣ неопредѣленнаго чувства. И только мало-по-малу духъ нашъ начинаетъ придавать впечатлѣніямъ опредѣленное значеніе а отсюда мало-по-малу и образуются идеи. Можно чувствовать

Гражданскіе акты, совершенные въ порывахъ сильныхъ душевныхъ движеній, когда страсть или аффектъ уничтожили въ совершающемъ всякое сознаніе, не дѣйствительны. Советамъ другое дѣло, если актъ составленъ хотя и подъ вліяніемъ страсти, но съ полнымъ пониманіемъ дѣла.

Не одно и тоже, можно чувствовать, не имѣя опредѣленной идеи, и воспринимать впечатлѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ не сознавать впечатлѣнія. Такъ, въ моментъ внутренней сосредоточенности человѣкъ смотритъ на какой-нибудь предметъ; онъ, конечно, видитъ его; но онъ вовсе не сознаетъ этого предмета. Хотя въ силу ассоціаціи идей духъ нашъ производитъ цѣлый рядъ новыхъ идей, не имѣющихъ, повидимому никакой связи съ чувствомъ, но въ концѣ концовъ и онъ имѣютъ чувственный характеръ. Если у новорожденного ребенка, который не имѣетъ никакихъ понятій, никакихъ идей, уничтожить всѣ естественные пути психическаго развитія, то ему будетъ предстоять печальная жизнь животнаго. Но это было бы совершенно немыслимо, если бы дѣйствительно существовали такъ называемыя врожденныя идеи.

Однако эти виды эмпирическаго познанія допускаютъ ошибки—чувственный опытъ, чувственное ощущеніе потому, что наше пониманіе не проникаетъ въ существо познаваемыхъ предметовъ міра внѣшняго, а скользитъ только по ихъ поверхности; наши чувства отражаютъ только внѣшнія формы этихъ предметовъ. Эти впечатлѣнія передаются мозгу и усваиваются познаніемъ. При этомъ процессѣ возможны ошибки, самообольщенія, галлюцинаціи. Впрочемъ, чувственный обманъ случается рѣдко; свидѣтельство чувствъ оправдывается ежеминутно на дѣлѣ, и потому мы привыкли вѣрить ему безусловно и называть добытое этимъ путемъ убѣжденіе очевидностію по преимуществу.

Ошибки случаются и при наблюденіи чрезъ внутреннее самосознаніе. Какъ часто наше сознаніе долга сбивается на корысть, наша дружба на самолюбіе или тщеславіе; какъ часто оказывается, что наша любовь чистая, безпредѣльная, проникавшая все существо наше и долженствовавшая, повидимому, наполнить всю будущую жизнь, была просто мгновенною прихотью, преходящимъ волненіемъ крови, отразившемся въ игрѣ воображенія.

Но область человѣческаго духа не исчерпывается однѣми первоначальными идеями, которыя воспринимаются чувствомъ.

Въ силу своей собственной энергіи духъ нашъ имѣетъ способность воспроизводить впечатлѣнія безъ непосредственнаго внѣшняго раздраженія, какъ память, которая есть не что иное, какъ воспроизведеніе идей по собственной инициативѣ духа безъ всякаго чувственнаго мотива. Но чувственный элементъ, все-таки, имѣетъ значеніе и здѣсь. Такъ напр., чтобы составить понятіе о растеніи, необходимо прежде почувствовать всѣ физическія его

свойства. Потомъ, когда такимъ образомъ идея растенія уже получила, достаточно одного взгляда, чтобы полная идея растенія тотчасъ же воспроизводилась вновь; но вмѣстѣ появляется вновь воспоминаніе и о всѣхъ чувственныхъ атрибутахъ растенія, возникаетъ знакомое впечатлѣніе растенія.

Въ этомъ сочетаніи элементовъ идеальнаго и чувственнаго и выражается та физиологическая связь, которая положена Творцемъ между духовной и чувственной природою человѣка.

Интеллектуальныя, или привычныя связи идей.

Третій источникъ ошибокъ въ нашихъ убѣжденіяхъ заключается въ привычныхъ связяхъ идей, въ привычныхъ умственныхъ ассоціаціяхъ. Умственныя привычки оказываютъ громадное вліяніе на наши мнѣнія и убѣжденія. Если двѣ вещи были долго связаны въ нашемъ представленіи, то приобретенная быстрота перехода отъ одной къ другой даетъ силу извѣстному убѣжденію. Повтореніе одной и той же идеи, сентенціи, вызываетъ, наконецъ, вѣру въ нихъ. Вліяніе повторенія есть одно изъ важныхъ основаній человѣческаго убѣжденія. Какъ трудно сохранить самостоятельное мнѣніе, когда всѣ кругомъ хоромъ утверждаютъ что-либо. Сила „моде́йхъ идей“, охватившихъ общество, для среднихъ людей не преодолима! Обыкновенный человѣкъ подъ вліяніемъ всеобщаго внушенія какой-либо идеи какъ бы гипнотизируется.

Значительная доля вліянія воспитанія и господствующихъ мнѣній объясняется интеллектуальными ассоціаціями, которыя могутъ быть уничтожены только продолжительнымъ повтореніемъ противоположныхъ идей.

Выраженіе „человѣкъ состарившійся въ своихъ убѣжденіяхъ“ указываетъ на трудность перемѣны убѣжденій, долгое время руководившихъ человѣкомъ, а такая трудность можетъ быть объяснена только вліяніемъ продолжительной привычки вѣрить извѣстнымъ положеніямъ. Замѣчено было, что теорія кровообращенія Гарвея не была принята ни однимъ медикомъ старше 40 лѣтъ.

Критерій силы судейскаго убѣжденія.

Психологическимъ критеріемъ силы судейскаго убѣжденія въ достовѣрности является готовность серьезнаго, благоразумнаго и добросовѣстнаго человѣка дѣйствовать, руководясь житейскимъ

опытомъ, сообразно убѣжденію какъ въ своихъ собственныхъ важныхъ дѣлахъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ нужно только составить себѣ убѣжденіе, увѣренность въ правильности своего вывода, когда въ душѣ нашей сложился сильный мотивъ, подвигающій насъ принять опредѣленное рѣшеніе по крайнему разумѣнію и чистому побужденію, высокой степени вѣроятности, которою обыкновенно удовлетворяется не предубѣжденный умъ и совѣсть обыкновеннаго человѣка и при которой неразумно было бы сомнѣваться и слѣдовать противоположному заключенію, такъ какъ правильность этого послѣдняго имѣла бы своимъ основаніемъ предположеніе въ высшей степени невѣроятнаго исключенія изъ обыкновеннаго хода вещей, индукціями констатированнаго.

Конечно, не всѣ наши вѣрованія или убѣжденія отличаются такою силою. Но дѣло въ томъ что у насъ много кажущихся убѣжденій, которыя вовсе не имѣютъ силы или которыя составляются не серьезно, такъ какъ не представляется дѣйствительной надобности выработать себѣ настоящее убѣжденіе по данному вопросу. Для того, чтобы замѣтить различіе между истиннымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ, составленнымъ безъ опредѣленной цѣли, достаточно обратить вниманіе на два состоянія нашего ума—состояніе, когда мы обсуждаемъ уголовный случай въ качествѣ любопытствующаго изъ публики, и состояніе, когда мы дѣйствуемъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Въ первомъ случаѣ мы не такъ старательно взвѣшиваемъ дѣло, мы не находимся подъ давленіемъ чувства нравственной отвѣтственности, не видимъ непосредственныхъ послѣдствій нашего мнѣнія для подсудимаго: праздное наблюденіе не возбуждаетъ такъ нашихъ умственныхъ силъ, не напрягаетъ такъ чувствъ. Во второмъ же случаѣ мы составляемъ убѣжденіе такъ, какъ еслибы мы рѣшали собственное дѣло. Мы сознаемъ, что это убѣжденіе серьезное: оно должно повлечь послѣдствія важныя для подсудимаго, важныя для общества.

Понятіе о доказательствахъ.

Для того, чтобы доставить правосудію возможность дѣйствовать, ему необходимы доказательства.

Вопросъ о доказательствахъ — самый трудный отвлеченный вопросъ. Это собственно не юридическій вопросъ. Онъ принадлежитъ къ области логики и антропологии, а корнями своими упи-

рается на почвѣ философской. Умъ человѣческій, руководствуясь присущими ему законами мышленія, стремится отыскать отношенія между двумя, обыкновенно возникающими вмѣстѣ, явленіями и заключаетъ отъ бытія одного изъ нихъ въ дѣйствительности другого, когда уличающее обстоятельство представляется причиною или слѣдствіемъ искомаго, условіемъ или обусловленнымъ ею или же произведеніемъ той самой причины, отъ коей предполагается происшедшимъ искомое.

Доказательство въ смыслѣ уголовного судопроизводства есть общее названіе, даваемое каждому факту или совокупности фактовъ, когда они представляются на разсмотрѣніе судьи съ цѣлію вызвать въ немъ увѣренность, убѣжденіе въ существованіи другого факта, долженствующаго послужить основаніемъ, удовлетворяющимъ всеобщимъ законамъ мышленія, для судебного приговора, устои, на которыхъ покоится судебское убѣжденіе, все то, что приводитъ разумъ судьи, или тому содѣйствуетъ, къ правильному, а иногда и неправильному, убѣжденію въ истинности или ложности какого-либо факта или положенія, утверждаемаго или отрицаемаго, а также и способъ представленія ихъ, развитіе основаній справедливости сужденія, разъясненіе значенія ихъ—развитіе доводовъ, дедукція.

Исторія судебныхъ доказательствъ есть исторія народной мысли. Система судебныхъ доказательствъ данной эпохи есть вѣрнѣйшій масштабъ умственного развитія народа въ данный моментъ, признакъ его младенчества и немощи или его возмужалости и зрѣлости въ дѣлѣ изслѣдованія важнѣйшаго вида правды, правды юридической.

Въ исторіи уголовного процесса, въ каждомъ процессуальномъ кодексѣ, существуетъ методъ изслѣдованія, извѣстная теорія доказательствъ, извѣстная система оцѣнки судебныхъ доказательствъ.

Процессуальный законъ или 1) даетъ теорію формальныхъ доказательствъ, систему законныхъ доказательствъ или во 2) устанавливаетъ систему внутреннего убѣжденія.

Теорія формальныхъ доказательствъ.

Основная идея, сущность теоріи формальныхъ доказательствъ состоитъ въ томъ, что законъ самъ опредѣляетъ силу доказательствъ, дѣлая это опредѣленіе обязательнымъ для судьи. Судья,

при наличности указанных въ законѣ правилъ, обязанъ вынести рѣшеніе, удовлетворяющее законнымъ признакамъ виновности или невиновности лица. Въ основаніи этой теоріи лежитъ мысль о возможности достигнуть въ уголовномъ правосудіи чисто объективной достовѣрности, что судейскій приговоръ долженъ опираться на общепризнанныя объективныя основанія. Съ этою цѣлю законодатель признавалъ необходимымъ опредѣлить а priori силу каждаго доказательства, дать судѣ болѣе или менѣе подробныя обязательныя правила относительно силы доказательствъ. Такъ, напр., признаніе обвиняемаго, показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей признавались совершенными доказательствами, а показаніе одного свидѣтеля не совершеннымъ или половиннымъ; въ случаѣ противорѣчія свидѣтелей давалось преимущество мужчинѣ передъ женщиной, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ и т. д. Правила эти, по мнѣнію защитниковъ теоріи формальныхъ доказательствъ, имѣютъ то достоинство, что устраняютъ субъективность судебного рѣшенія, всякую, возможность произвола и личнаго усмотрѣнія со стороны судей, дѣйствія на ошупь, неувѣренность въ ихъ дѣятельности.

Неужели, говорятъ защитники теоріи формальныхъ доказательствъ, отбросить безъ ущерба для дѣла опытъ длиннаго ряда столѣтій объ условіяхъ достовѣрности судебныхъ доказательствъ, о гарантіяхъ правильности приговора въ дѣлѣ фактической достовѣрности.

Предустановленныя доказательства—въ сущности нечто иное, какъ устное показаніе, представленное при посредствѣ письма; но показаніе, облеченное всѣми качествами, которыя сообщаютъ ему высшую силу достовѣрности, какъ, напр., составленные должностными лицами протоколы.

Теорія формальныхъ доказательствъ весьма древняго происхожденія. Правила о силѣ доказательствъ мы находимъ еще въ сборникѣ законовъ Ману, Наради и др. древнихъ памятникахъ. Заключая въ себѣ, дѣйствительно, правила, выработанныя вѣками, имѣя за собою многолѣтній судебный опытъ, теорія эта господствовала въ теченіе долгаго времени въ законодательствѣ и пользовалась высокимъ авторитетомъ. Она имѣла одно безспорное достоинство для своего времени: она устанавливала до извѣстной степени предѣлы судейскому произволу; но этимъ далеко не окупались крупныя ея погрѣшности.

Сама по себѣ мысль—достигнуть объективной достовѣрности путемъ обязательныхъ для судей правилъ оцѣнки доказательствъ представляется въ высшей степени ложной.

Субъективность, или индивидуальность дѣйствій лежитъ въ природѣ человѣка, и всякое стремленіе избѣжать въ правосудіи неизбѣжныхъ послѣдствій этого основнаго свойства человѣческой дѣятельности составляетъ, сама по себѣ, непосильную бесплодную задачу. Теорія формальныхъ доказательствъ, заставляя судью признавать фактъ достовѣрнымъ при наличности извѣстныхъ, въ законѣ установленныхъ, предположеній, вноситъ величайшій формализмъ въ живое дѣло правосудія, обращаетъ судью въ орудіе чисто механическаго подведенія конкретныхъ случаевъ дѣйствительной жизни подъ эти правила; между тѣмъ жизнь представляетъ намъ безконечное разнообразіе, и никакой самый совершенный законъ не можетъ всего объять и предусмотрѣть; судья часто можетъ познать истину на основаніи правилъ, хотя и не указанныхъ въ законѣ, но несомнѣнно вытекающихъ изъ высшаго закона нашихъ познаній—разума, логики вещей. Убѣжденіе не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ указаній разума и совѣсти—этого невидимаго знамени, невидимаго оратора въ глубинѣ сердца, не способнаго ошибаться и чуждаго увлеченій, этого нравственнаго наставника сердца на хорошіе поступки, на хорошія мысли, на истинную вѣру, полагающаго въ основаніе своихъ рѣшеній факты очевидные, безспорные, непререкаемые, истину доказанную. Совѣсть являясь мѣриломъ при оцѣнкѣ доказательствъ, не должна служить основаніемъ приговора, но при помощи ея судья, придавая значеніе каждому, имѣющемуся въ дѣлѣ, доказательству, долженъ притти къ тому или другому убѣжденію и на основаніи его постановить свой приговоръ, не противорѣчащій ни указаніямъ разума, ни всестороннему житейскому опыту.

Многолѣтній, вѣковой опытъ указываетъ, что теорія формальныхъ доказательствъ, ложная въ принципѣ, далеко не обезпечиваетъ интересовъ правосудія на практикѣ. Весьма часто она вела къ безнаказанности преступленій, такъ какъ болѣе ловкіе и свѣдущіе въ законахъ преступники, противъ которыхъ нельзя было обнаружить формальныхъ доказательствъ, умѣли пользоваться благоприятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и достигали полного оправданія или оставленія въ подозрѣніи, несмотря на внутреннее убѣжденіе судьи въ ихъ виновности.

Неоднократные примѣры сего рода поколебали и уничтожили въ народѣ довѣріе и уваженіе къ уголовному суду.

Теорія формальныхъ доказательствъ, какъ выражено въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ, требуетъ для осужденія виновныхъ совершеннаго доказательства, которое исключало бы всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго. Такое условіе не согласно съ свойствомъ уголовно-юридической достовѣрности, почти не исполнимо и крайне стѣснительно для совѣсти судей.

Теорія эта при опредѣленіи силы доказательствъ вовсе не принимаетъ въ расчетъ личнаго убѣжденія судьи и на семъ основаніи оцѣниваетъ доказательства не столько по ихъ убѣдительности, сколько по ихъ внѣшнимъ качествамъ, и почитаетъ совершенными лишь нѣкоторые роды доказательствъ, какъ-то: осмотръ и удостовѣреніе свѣдущихъ людей, признаніе подсудимаго, письменные документы и показанія свидѣтелей. Между тѣмъ преступники рѣдко признаются въ своей винѣ, злодѣянія совершаются обыкновенно тайно—безъ свидѣтелей или, покрайней мѣрѣ, безъ свидѣтелей датовѣрныхъ, письменныя доказательства составляютъ еще болѣе рѣдкое явленіе въ дѣлахъ уголовныхъ, личные осмотры и мнѣнія свѣдущихъ людей вообще ведутъ къ удостовѣренію одного событія, и въ большей части дѣлъ однѣ только улики составляютъ единственно возможное и, въ нерѣдкихъ случаяхъ, весьма убѣдительное доказательство.

Ученіе о доказательствахъ современнаго судопроизводства, господствующее воззрѣніе, основывается на признаніи рѣшительнаго, исключительнаго значенія личнаго внутренняго убѣжденія, личной оцѣнки судьи, которая хотя и не знаетъ правилъ, которыя бы не оставляли мѣста самостоятельному обсужденію каждаго отдѣльнаго случая, но въ тоже время требуетъ, чтобы такое обсужденіе подчинялось обязательнымъ законамъ мышленія, было сформировано съ соблюденіемъ правилъ, съ результатами вѣковаго опыта и изслѣдованія, установившаго правильные способы дѣйствія, приемы собиранія и эксплуатаціи доказательствъ, каковыя результаты содержатся въ законодательствѣ, въ литературѣ и въ судебныхъ преданіяхъ, содержало бы въ себѣ ручательство въ томъ, что утверждаемые факты основаны не на исключительно личныхъ впечатлѣніяхъ и мнѣніяхъ.

Съ принятіемъ въ современномъ законодательствѣ единственнаго рациональнаго основанія при оцѣнкѣ доказательствъ —

системы внутренняго обѣжденія—теорія доказательствъ далеко не упраздняется.

Въ англійскомъ судопроизводствѣ, имѣющемъ всемірноисторическое значеніе, сложилась весьма подробная теорія доказательствъ, выработкѣ которой содѣйствовали и законодательная власть, а главное—законовѣды и практика.

Наше законодательство съ полнымъ основаніемъ отвергло объективную мѣрку и отказалось отъ созданной ею искусственной юридической достовѣрности, но при этомъ не отвергло той потребности, для служенія которой правила эти созданы... Выдвинувъ въ замѣнъ теоріи формальныхъ доказательствъ субъективныя основанія оцѣнки силы доказательствъ, Судебные Уставы до извѣстной степени ограничили это начало, если не прямо, то косвенно устностію и состязательнымъ разбирательствомъ, производящимся въ установленномъ законѣмъ порядкѣ. Эти правила могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе извѣстнаго доказательства, какъ не соотвѣтствующаго устности и состязательному разбирательству и потому не подлежащаго оцѣнкѣ при провѣркѣ общаго результата. Судебные Уставы вовсе не предполагали ввести безотчетное по инстинктивному всевѣдѣнію, по началу произвольности развивающееся, внутреннее судейское убѣжденіе. Вмѣняя въ обязанность судьямъ объяснять присяжнымъ засѣдателямъ общія правила, юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, законодатель нашъ высказалъ увѣренность въ томъ, что съ отмѣною законной, формальной теоріи доказательствъ, на помощь судѣ придутъ наука вообще и юриспруденція въ частности и облегчатъ его призваніе. Такимъ образомъ, Судебные Уставы въ сущности не примкнули ни къ одному изъ двухъ типовъ ученія объ уголовныхъ доказательствахъ. Они далеки и отъ французскаго права, по которому судьи, „молча и углубясь въ свои мысли, искали бы въ глубинѣ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумъ доказательства“.

Они рассчитывали на то, что предсѣдатели судовъ въ состояніи будутъ дать присяжнымъ засѣдателямъ объясненія о томъ, съ какою осмотрительностію надлежитъ опредѣлять силу каждаго изъ приведенныхъ по дѣлу доказательствъ и въ какихъ отношеніяхъ должны находиться извѣстныя обстоятельства, чтобы отъ однихъ изъ нихъ, не подлежащихъ сомнѣнію, можно было сдѣлать основательное заключеніе къ другимъ менѣе достовѣрнымъ.

Но дѣйствительность не оправдала этихъ надеждъ, и наша судебная практика мало сдѣлала до настоящаго времени для разработки правилъ объ оцѣнкѣ уголовныхъ доказательствъ.

Когда законъ оставляетъ суды безъ надлежащихъ указаній, тогда можно, говорить Глазеръ, съ полною справедливостію предполагать, что лицо, обязанное примѣнять законъ, обязано исполнить то, что оно само признаетъ целесообразнымъ.

Прямые доказательства.

Доказательства раздѣляются на прямые (личные) и косвенные (обстоятельственные, улики). Теперь это дѣленіе потеряло значеніе. Тотъ логическій моментъ (умозаключеніе), который служитъ разграничительнымъ признакомъ этихъ двухъ видовъ доказательствъ, въ дѣйствительности присущъ имъ обоимъ.

Прямые доказательства называются тѣ обстоятельства, изъ которыхъ судья дѣлаетъ прямое, положительное заключеніе о доказываемыхъ положеніяхъ, тѣ, которыми чрезъ чувственные воспріятія, очевидно, прямо и непосредственно удостоверяется дѣйствительность главнаго факта, составляющаго предметъ изслѣдованія, тѣ, которыя влекутъ за собою убѣжденіе въ томъ, что надо было доказать, напр., признаніе подсудимаго въ своей винѣ, показаніе свидѣтелей очевидцевъ, личный осмотръ, экспертиза, письменные документы. Пока фактъ не обособленъ (пока не доказано—гдѣ, когда и т. д. онъ совершенъ), доказательство еще не достигаетъ степени прямого доказательства; оно еще неопредѣленно и имѣетъ значеніе улики. Эти доказательства имѣютъ своимъ объектомъ доказываемыя по дѣлу положенія, заключающіяся въ объективной или субъективной сторонѣ изслѣдуемаго судомъ преступленія. Они въ большей мѣрѣ удовлетворяютъ интересы правосудія, чѣмъ косвенныя доказательства, и не могутъ быть противоположаемы имъ, если не представляютъ взаимнаго противорѣчія. Прямое свидѣтельство о самомъ спорномъ фактѣ производитъ болѣе полное убѣжденіе, чѣмъ косвенныя, какъ бы ни было велико число независимыхъ другъ отъ друга обстоятельствъ. Заблужденіе гораздо вѣроятнѣе въ отношеніи побочныхъ фактовъ и обстоятельствъ, которыя могутъ не обращать на себя особаго вниманія. На практикѣ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ возможности представить неопровержимые доводы, прямые доказательства, которыя составляютъ рѣдкую случайность.

Косвенныя доказательства.

Косвенныя доказательства, будучи въ сущности, по своей природѣ, такими же уликами, какъ и другія, и производя въ насъ извѣстное убѣжденіе лишь другими способами, непрямымъ путемъ, суть тѣ, въ преступнаго дѣйствія лежація, побочныя обстоятельства, факты, случайно получившіе значеніе, которые представляютъ очевидность, удостовѣряютъ дѣйствительность разныхъ второстепенныхъ обстоятельствъ, изъ совокупности, достовѣрности которыхъ можно притти къ заключенію о существованіи или несуществованіи, о дѣйствительности, достовѣрности доказываемаго положенія, главнаго факта, какъ единственно мыслимаго, единственно соответствующаго обыкновенному ходу вещей. Доказываемый ими фактъ долженъ быть доказанъ настолько полно и правильно, какъ если бы онъ самъ былъ предметомъ изслѣдованія и при томъ доказанъ прямыми доказательствами. Они не могутъ убѣждать иначе, какъ при помощи наведенія, индукціи, разсужденія и безъ главнаго факта ничего не значать. Ихъ дѣляютъ иногда на общія, относящіяся ко всѣмъ родамъ преступленій, и спеціальныя, могущія служить при изслѣдованіи нѣкоторыхъ извѣстнаго рода преступленій, на несомнѣнныя и предполагаемыя, или вѣроятныя.

Обстоятельства, указывающія на различныя побужденія къ преступленію и на всякіе слѣды, оставленные имъ въ душѣ преступника, называются нравственными уликами. Онѣ большею частію обнаруживаютъ существованіе только побужденій къ преступленію, вовсе не доказываютъ, чтобы побужденія эти овладѣли волею подсудимаго и произвели въ ней преступную рѣшимость. Одиѣ они не могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ виновности подозрѣваемаго лица. Къ внутреннимъ косвеннымъ доказательствамъ Уильзъ причисляетъ мотивы преступленія, поступки и заявленія, обличающіе преступное намѣреніе или сознаніе вины, приготовленіе и удобный случай для совершенія преступленія, недавнее владѣніе плодами преступленія, подозрительный видъ, ложныя показанія, сокрытіе, уничтоженіе, поддѣлку доказательствъ, ссылку на вымышленныя доказательства, косвенное признаніе вины, а къ внѣшнимъ—опредѣленіе чиселъ и установленіе дождества лицъ, вещей и почерковъ. Косвенныя доказательства настолько разнообразны, что нѣтъ никакой возможности подвести ихъ подъ какія-либо общія формулы и рубрики. Длинный рядъ такихъ до-

казательствъ составляютъ, напр., обстоятельства, свидѣтельствующія о сознаніи собственной вины.

Дореформенное законодательство подробно опредѣляло, какія именно, обстоятельства слѣдуетъ признавать косвенными доказательствами. Такъ, въ судебникъ Карла V (Carolina) уликою служить присутствіе въ опасномъ мѣстѣ, возбуждающемъ подозрѣніе, особыя примѣты извѣстнаго лица, совпадающія съ примѣтами розыскиваемаго преступника, общеніе съ подозрительными людьми, внезапное исчезновеніе вслѣдъ за совершеніемъ преступленія и т. д. По нашему своду законовъ, изд. 1857 года (т. XV, ч. 2, ст. 343), въ которомъ всецѣло воспроизведено господствовавшее на западѣ ученіе о доказательствахъ, къ числу уликъ или признаковъ преступленія отнесены слѣдующія обстоятельства: 1) когда обвиняемый въ нанесеніи обиды находился съ обиженнымъ (прежде) во враждѣ или ссорѣ, 2) когда обвиняемому отъ совершенія преступленія послѣдовать могла прибыль, 3) когда обвиняемый прежде того равныя же чинить противозаконныя дѣянія, 4) когда обвиняемый былъ съ другими преступниками въ связяхъ сообщества, 5) когда гласъ народа винить подсудимаго въ преступленіи (худая молва, злые слухи), причемъ наблюдать надлежитъ чтобы тотъ слухъ былъ правдѣ подобенъ, не вымышленъ изъ злого умысла, вражды, ненависти или мщенія, 6) когда обвиняемый предъ тѣмъ чинилъ угрозы совершить то преступное дѣяніе, въ коемъ обвиняется, 7) когда обвиняемый похвалялся совершеніемъ преступленія, 8) когда обвиняемаго видѣли во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено, 9) когда обвиняемаго видѣли съ оружіемъ во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено, 10) когда обвиняемый пойманъ съ поличнымъ, 11) когда у обвиняемаго отысканы какіе-либо инструменты, которые къ учиненію преступленія необходимы, и если притомъ инструменты сіи для него не суть обыкновенные, какъ, напр., инструменты къ поддѣлкѣ монетъ, кредитныхъ билетовъ или печатныхъ паспортовъ, 12) когда обвиняемый бѣжалъ или бѣжать вознамѣрился, 13) когда обвиняемый учинилъ внѣ суда признаніе въ преступленіи, 14) когда на обвиняемаго учинено было показаніе однимъ свидѣтелемъ, 15) когда обвиняемый учинилъ двойное показаніе и свои слова толковалъ превратно.

Названіе косвеннаго въ противоположность прямому доказательству правильно въ томъ смыслѣ, что для полученія перваго необходимо предварительно посредствомъ историческихъ, естест-

венныхъ доводовъ утвердить, въ свою очередь, обстоятельства, по которымъ заключаютъ о справедливости доказываемаго. Косвенныя доказательства требуютъ одного умозаключенія въ примѣненіи къ доказываемому обстоятельству и другого для вывода изъ этого послѣдняго доказываемаго положенія. Но и при прямыхъ доказательствахъ требуется цѣлый рядъ умозаключеній, напр., довѣріе къ данному свидѣтельскому показанію и сужденіе о степени достовѣрности сдѣланныхъ имъ выводовъ.

Косвенныя доказательства можно свести къ двумъ источникамъ, которые не должны быть строго раздѣляемы: большею частію они бывають основаны на отношеніи причинности въ самомъ широкомъ смыслѣ или слѣдствія уже доказаннаго происшествія, условности и соподчиненности. Косвенныя доказательства имѣють весьма широкое примѣненіе къ уголовнымъ дѣламъ и всегда служили однимъ изъ основаній судебныхъ рѣшеній.

Къ косвеннымъ уликамъ приближаются свидѣтельскія показанія, когда свидѣтели не повѣствуютъ, а изъясняютъ впечатлѣнія, замѣченное сходство и результатъ выводовъ, которые не доступны провѣркѣ, рассказъ обвиняемаго своему пріятелю, переданный послѣднимъ, признаніе подсудимаго, выраженное не словами, а поведеніемъ, описаніе свидѣтелемъ примѣтъ лица, соотвѣтствующаго примѣтамъ обвиняемаго, голоса, похожаго на голосъ послѣдняго, въ особенности, если это удостоверяется нѣсколькими лицами, передача чьего-либо показанія третьимъ лицомъ, какъ сообщенія умершаго лица, передача результатовъ разговора при невозможности изложить его ходъ, вещественныя доказательства. Сюда же относится поведеніе третьихъ лицъ, которое доказываетъ, что имъ извѣстны опредѣленные факты, и потому заключаетъ въ себѣ безмолвное свидѣтельство; такъ, напр., на основаніи поведенія жителей мѣстности, въ коей свирѣпствуетъ разбойникъ, при видѣ опредѣленнаго лица, можно заключить о томъ, что они признали въ немъ этого разбойника.

Есть много косвенныхъ уликъ, которыя хотя, сами по себѣ, представляютъ крайне слабую степень доказательной силы, но могутъ служить весьма драгоценнымъ указаніемъ для дальнѣйшаго розыска, какъ, напр., обвиненія, почерпнутыя изъ слуховъ и молвы, а равно безыменные доносы, основанные не на фактахъ, а на личномъ мнѣніи.

Всѣ подобнаго рода доказательства крайне слабы и потому ихъ слѣдуетъ принимать во вниманіе лишь вмѣстѣ съ прочими доказательствами по дѣлу, какъ обстоятельства загадочныя.

Доказательная сила косвенныхъ доказательствъ.

Силу уликъ, говоря вообще, нельзя опредѣлить съ точностію а priori, потому что въ большей части уликъ вѣроятность связи извѣстнаго факта съ искомымъ неизвѣстнымъ опредѣляется не отвлеченно, а по обстоятельствамъ даннаго дѣла.

При опредѣленіи силы уликъ слѣдуетъ имѣть въ виду, между прочимъ, слѣдующія наиболѣе важныя и общепринятія положенія: 1) улики, въ основаніи коихъ лежатъ законы физическихъ явленій, имѣющихъ началомъ необходимость, достовѣрнѣе уликъ, основанныхъ на законахъ нравственныхъ явленій, имѣющихъ началомъ свободу человѣка; 2) сила уликъ зависитъ отъ болѣе или менѣе тѣсной причинной связи между доказывающимъ и доказываемымъ фактомъ; 3) посему не могутъ служить доказательствомъ а) мнѣнія о существованіи извѣстнаго факта, б) факты подобные, но не связанные специально съ разсматриваемымъ дѣломъ (аналогія), в) факты свидѣтельствованія по слуху отъ другихъ лицъ или изъ вторыхъ рукъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда первоначальный источникъ болѣе или менѣе достовѣренъ и полученъ при условіяхъ, обезпечивающихъ достовѣрность его, какъ, напр., прочтеніе показанія неявившагося свидѣтеля, и г) факты дурной репутаціи обвиняемаго, какъ основаніе вѣроятной его виновности; но поведеніе подсудимаго послѣ совершенія преступленія всегда можетъ быть предметомъ доказательства, поскольку изъ него можно вывести заключеніе о прикосновенности и виновности лица; 3) улики, заимствованные изъ разныхъ источниковъ, представляютъ болѣе надежное доказательство, нежели улики, имѣющія одинъ источникъ; 4) посему, напр., десять уликъ, почерпнутыхъ изъ одного источника, изъ одного свидѣтельскаго показанія, считаются за одну улику, которая достовѣрна постольку, поскольку хорошъ самъ источникъ, почему и слѣдуетъ вести счетъ уликамъ, который мѣшаетъ односторонности, подрываетъ произвольныя предположенія, останавливаетъ чрепачуръ смѣлую кисть судебныхъ артистовъ рисовать картины на основаніи собственной неупражненной мысли; 5) чѣмъ болѣе тяжело обвиненіе и чѣмъ болѣе противорѣчитъ преступное дѣяніе на-

шему житейскому опыту и нашим представленіямъ, тѣмъ болѣе требуется доказательствъ для составленія убѣжденія; 6) по каждому уголовному дѣлу должны быть представлены лучшія доказательства, которыя допускаются природою даннаго случая; 7) чѣмъ длиннѣе рядъ промежуточныхъ обстоятельствъ между даннымъ фактомъ и предметомъ изслѣдованія, тѣмъ болѣе представляется шансовъ для невѣрнаго вывода.

Достовѣрность косвенныхъ доказательствъ зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, какими обусловливается достовѣрность всякаго человеческого свидѣтельства вообще.

При косвенныхъ доказательствахъ достовѣрность происходитъ изъ совокупности основаній, которыя въ отдѣльности вызываютъ лишь предположеніе, но въ своей совокупности даютъ достовѣрность ни какъ не меньшую, чѣмъ доказательства другого рода.

Чѣмъ болѣе побочныхъ соображеній, такихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ каждое, отдѣльно взятое, ведетъ къ одному и тому же заключенію, тѣмъ болѣе совокупность ихъ имѣетъ доказательной силы и тѣмъ сильнѣе становится нравственная увѣренность въ дѣйствительности подтверждаемаго факта, въ особенности, въ такомъ случаѣ, когда эти обстоятельства подтверждаются между собою независимыми свидѣтелями. Въ безконечной цѣпи причинъ и дѣйствій, хотя ее нельзя объять во всей цѣлости, можно съ достаточною увѣренностію вызвать нѣсколько отдѣлившихся обломковъ и переходить отъ одного кольца къ другому.

Такое доказательство можно сравнить съ веревкою, свитою изъ множества тонкихъ волоконъ, которая имѣетъ достаточно крѣпости, чтобы сдерживать извѣстную тяжесть, хотя ниодно изъ составныхъ волоконъ не способно къ этому. Оно подобно кровному родству, связывающему всѣхъ людей съ прародителемъ. Но если каждое обстоятельство придаетъ косвеннымъ доказательствамъ большую доказательную силу въ отдѣльныхъ случаяхъ, то численность ихъ не имѣетъ никакой важности при рѣшеніи вопроса о силѣ доказательствъ этого рода въ отвлеченномъ смыслѣ.

Иногда достовѣрность извѣстнаго вывода увеличивается благодаря тому, именно, что онъ сдѣланъ косвеннымъ путемъ, такъ какъ, напр., всякій легче повѣритъ въ присутствіе обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, если оно доказывается отпечатками его заплатанныхъ штановъ, или отскочившею отъ его платья пуговицею, или отпечатками на мягкой земли слѣда ноги, въ которомъ сапожные гвозди расположены въ томъ же порядкѣ и съ тѣми же

пробѣлами, какъ и на башмакѣ обвиняемаго, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно удостовѣряется человѣкомъ, всегда способнымъ ошибаться и лгать.

Косвенныя доказательства по силѣ и значенію уступаютъ прямымъ. Побочныя обстоятельства, служащія для удостовѣренія косвенныхъ доказательствъ менѣе способны возбудить вниманіе и утвердиться въ памяти присутствующихъ, чѣмъ непосредственный предметъ дѣла.

Будучи менѣе доступны умышленному обману, чѣмъ прямая доказательства, они даютъ гораздо болѣе возможности для ошибокъ и неумышленного введенія въ заблужденіе. Впрочемъ, и факты могутъ быть поддѣланы такъ, какъ и свидѣтельскія показанія, хотя дать ложное показаніе легче, чѣмъ поддѣлать факты. Но часто устроить искусственнымъ образомъ обстоятельства, которыя, повидимому, доказательны, бываетъ гораздо легче и никогда не бываетъ столь опасно, какъ дача ложнаго свидѣтельскаго показанія. Стоитъ только вспомнить окровавленную одежду Іосифа, его плащъ въ рукѣ жены Пентефрія (Понтифора), кубокъ въ мѣшкѣ Веніамина, запачканныхъ кровью служителей въ Макбетѣ и т. п. и сравнить съ приведенными случаями классическій примѣръ открытія лжесвидѣтельства въ исторіи Сусанны. Не слѣдуетъ также забывать, что при поддѣлкѣ фактовъ необходимо еще и искусно воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Невѣроятно, далѣе, предположеніе, чтобы случайное самообольщеніе, въ силу котораго человѣкъ признаетъ ложь за истину само по себѣ чрезвычайно рѣдкое, могло повториться въ одномъ, и томъ же направленіи нѣсколько разъ.

Стеченіе многихъ обстоятельствъ способствуетъ признанію истиннымъ одного и того же факта; оно почти немыслимо иначе, какъ при условіи истинности этого обстоятельства. Посему, чѣмъ менѣе въ данномъ случаѣ одно обстоятельство зависитъ отъ другого, тѣмъ менѣе возможна такая игра случая. Для столь необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ требуется случайность почти равная чуду.

Иногда, когда прямая улика можно заподозрить посредствомъ представленія несообразности ея съ другими обстоятельствами, въ истинѣ которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, въ ошибкахъ, въ лживости, въ пристрастіи, въ стремленіи умышленно ввести правосудіе въ заблужденіе, когда взаимная связь между обстоятельствами не можетъ считаться умышленно подготовленію, когда она

зависить отъ достовѣрности главнаго факта, составляющаго основную улику, когда факты, принятые въ основаніе какого-либо заключенія, находятся въ явной, тѣсной, несомнѣнной, необходимой логической связи съ главнымъ фактомъ, составляющимъ предметъ изслѣдованія, когда они составляютъ стройное и неразрывное цѣлое, когда они не допускаютъ возможности объяснить обстоятельства, представляющія признаки виновности, какимъ-либо другимъ разумнымъ предположеніемъ, соответствующимъ обыкновенному порядку вещей, кромѣ предположенія о достовѣрности главнаго факта, въ доказательство котораго они приводятся, кромѣ заключенія о виновности подсудимаго, въ несообразности какого-либо другого объясненія извѣстнаго факта, когда они производятъ въ умахъ полное убѣжденіе, косвенныя доказательства имѣютъ большую доказательную силу, чѣмъ прямыя, ибо обстоятельства представляютъ неопровержимыя доказательства, такъ какъ дѣйствительныя факты не бываютъ несообразны между собою.

Доказательная сила косвенныхъ доказательствъ не можетъ быть опровергаема на основаніи того соображенія, что они бываютъ иногда причиною ошибочныхъ приговоровъ, потому что этотъ доводъ можетъ одинаково относиться къ нравственнымъ доказательствамъ всякаго рода, ибо человѣкъ не можетъ быть непогрѣшимымъ и сильная степень нравственной увѣренности, убѣжденія не исключаетъ ошибокъ. Погрѣшимость свойственна всѣмъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ съ помощію нравственныхъ доказательствъ. Случаи ошибокъ и злоупотребленій возможны вездѣ, и заблужденія, овладѣвающія иногда надолго умами людей, бываютъ ошибки и въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

По теоріи, судебныя ошибки суть результатъ ограниченности человѣка, какъ существа конечнаго. Но это представленіе о нихъ не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ ихъ характеромъ.

Отъ ошибокъ вольныхъ и невольныхъ не застрахована ни одна отрасль человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ и судебной, какъ бы ни было совершенно устройство суда, какъ бы ни были добросовѣстны его дѣятели.

Есть одно средство, говорятъ нѣкоторые, предупредить ихъ — это совершенное освобожденіе виновныхъ отъ уголовной отвѣтственности.

Вопросъ не въ томъ, какое будетъ возможное дѣйствіе доказательствъ на умы, особеннымъ образомъ устроенное, ибо не-

возможно навязать всѣмъ умамъ одну мѣрку, а въ томъ, какое дѣйствіе произведетъ оно на такихъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ большинство образованныхъ людей. Все, что можно было бы сказать о связи феноменовъ, было бы напрасно, еслибы не исходили изъ того предположенія, что два факта, представляющіеся въ связи въ глазахъ одного лица, представляются въ такой же степени и въ глазахъ другихъ.

Доказательства во избѣжаніе медленности въ производствѣ должны быть представляемы своевременно.

Предметы доказыванія на судѣ.

Доказательства въ процессѣ должны ограничиваться спорными обстоятельствами, т. е. такими фактами, которые утверждаются въ обвинительномъ актѣ и оспариваются подсудимымъ.

Не должно быть представляемо такое доказательство, которое по природѣ вещей, оставляетъ позади себя высшій источникъ, достовѣрности, находящійся во владѣніи или распоряженіи одной изъ сторонъ. Предметомъ доказыванія на судѣ могутъ служить лишь обстоятельства вѣроятныя, а все, что носитъ на себѣ характеръ явленій, принадлежащихъ къ области чудеснаго, не должно составлять предметъ изслѣдованія уголовного суда. Въ настоящее время не найдется суда, который рѣшился бы допустить представленіе доказательствъ совершившагося чуда и вообще существованіе обстоятельствъ, противорѣчащихъ естественнымъ законамъ природы. Но понятія о естественномъ и неестественномъ, о возможномъ и невозможномъ — понятія относительныя. Предѣлы чудеснаго постоянно мѣняются, и судѣ, для того, чтобы разпознать, какое положеніе должно быть причислено къ области неестественныхъ положеній, можетъ быть вынужденъ прибѣгнуть къ содѣйствію экспертовъ—представителей науки.

Юристы, разработывавшіе ученіе о достовѣрности до мельчайшихъ подробностей, обыкновенно начинаютъ съ признанія извѣстныхъ фактовъ общеизвѣстными, не требующими никакихъ доказательствъ, такъ какъ эти факты основываются на единогласномъ и всеобщемъ свидѣтельствѣ, которое, само по себѣ, составляетъ абсолютное доказательство.

Общеизвѣстныя, очевидныя для каждого, обстоятельства не могутъ служить предметомъ доказыванія, потому что они, сами по себѣ, возбуждаютъ въ судѣ ту степень вѣроятности, изъ ко-

торой слагается юридическая достовѣрность и къ обнаруженію которой направлены средства судебного изслѣдованія. Они относятся или къ естественнымъ явленіямъ, къ законамъ природы (т. е. явленіямъ, соответствующимъ естественному ходу вещей), или къ историческимъ явленіямъ и не возбуждаютъ обыкновенно сомнѣнія въ дѣятельности уголовного суда. Рѣшеніе, основывающееся на общеизвѣстныхъ фактахъ, требуетъ большихъ предосторожностей. Трудно опредѣлить границу между извѣстнымъ достаточно и недостаточно даже и тогда, когда по отношенію къ извѣстному факту общее убѣжденіе установилось достаточно, ибо то, что извѣстно въ глазахъ одного, можетъ быть неизвѣстно въ глазахъ другого. Слово извѣстность въ дѣлахъ судебныхъ по истинѣ подозрительно. Это претензія, которой очено часто пользовались при неимѣніи или при трудности добыть доказательство. Однако бываютъ случаи, когда факты настолько извѣстны, что противная сторона не рѣшится ихъ отрицать изъ стыда. Таковы, напр., наступленіе осени послѣ лѣта, границы страны, ея государственное устройство, ея дѣйствующее законодательство, за исключеніемъ обычнаго права, какъ права не писаннаго, не получившаго санкции верховной власти и не составляющаго предмета спеціальнаго изученія судьи, законныя предположенія, т. е. обстоятельства, которыя законъ повелѣваетъ судѣ признавать (напр. предметы, утвержденныя рѣшеніемъ гражданского суда) пока противное не сдѣлается достовѣрнымъ (каковыя однако не согласны съ основными формами уголовного судопроизводства) и т. п.

Если какое-либо обстоятельство, имѣющее отношеніе къ уголовному процессу, и подвергается предустановленнымъ (закономъ напередъ, 313 ст. У. У. С.) доказательствамъ, то послѣднія имѣютъ силу доколѣ противное ни доказано. Правила, устанавливаемыя для сего закономъ, суть лишь приблизительныя обобщенія.

Каковы бы не были виды доказательствъ, но мы составляемъ себѣ убѣжденіе о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ прошломъ, или на основаніи довѣрія къ показаніямъ людей (подсудимаго, свидѣтеля, автора письменнаго документа и др.) или же по законамъ мышленія на основаніи заключенія о связи какого-либо вещественнаго факта съ нравственною природою человѣка, съ *factum probandum*, составляющимъ предметъ изслѣдованія.

О р д а л і и.

Вездѣ у всѣхъ народовъ ордадь, или судъ Божій, есть признакъ умственной немощи. Въ періодъ первоначальнаго развитія государственности двѣ силы проявляютъ свое исключительное дѣйствіе въ человѣкѣ—сила физическая и сила суевѣрія. Онѣ присущи невѣжеству, варварству.

Анализировать мотивы, распознавать различныя степени намѣренія, оцѣнивать одно показаніе, сравнивать его съ другимъ, съ общею вѣроятностію—всѣ эти операціи предполагаютъ глубокое знаніе человѣческаго сердца и недоступны невѣжественному человѣку, тѣмъ болѣе, что человѣческій микрокозмъ подверженъ неправильностямъ и безпорядкамъ и понятіе „законы природы“ не распространяется на разрядъ психологическихъ и нравственныхъ фактовъ. Поэтому естественно, что слабый умъ человѣка, какъ, напр., у ребенка, не надѣясь дойти въ борьбѣ съ преступленіемъ до истины путемъ логическаго мышленія, смѣшивая простую идею о предметѣ съ убѣжденіемъ о его существованіи, искалъ ее внѣ суда, въ мірѣ внѣшнемъ, въ этихъ двухъ источникахъ.

Суевѣрный человѣкъ того времени взывалъ къ тому, что въ его вѣрованіи казалось судомъ Божиимъ: онъ полагалъ, что Богъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ обнаружить невинность посредствомъ гаданій, заклинаній, вопрошаній демоническихъ силъ природы, тѣхъ духовъ, которыми полны земля, воздухъ, словомъ, всѣ стихіи, при испытаніи водою, огнемъ, ядомъ, крестомъ, физическою борьбою въ судебномъ поединкѣ, пыткой. Если глубже вникнуть въ тайны человѣческаго сердца, то въ немъ найдется скрытное предрасположеніе вѣрить въ чудесное, какъ будто оно распространяетъ нашу власть и даетъ намъ сверхъ естественныя средства.

Необыкновенное дѣйствіе воображенія заключается въ принятіи собственныхъ изобрѣтеній за дѣйствительность. Всѣмъ намъ знакомо это состояніе ложнаго вѣрованія изъ происходящаго въ сновидѣніяхъ. Мечты въ нихъ принимаются за дѣйствительность. Это заблужденіе можетъ встрѣчаться какъ у дѣтей, такъ и у лицъ зрѣлаго возраста или вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, или вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій, или вслѣдствіе необыкновеннаго потрясенія.

Общее довѣріе къ чудесному легко объяснить: можно ли ожидать отъ обыкновенныхъ людей такой проницательности, чтобы они могли судить, что въ данномъ случаѣ не было ничего сверхъестественнаго, что, напр., болѣзнь не прекратилась естественно или отъ принятія лѣкарствъ, что временное прекращеніе симптомовъ болѣзни произвело пораженное воображеніе, что весь рассказъ о совершившемся чудѣ есть сказка или, по крайней мѣрѣ, что онъ извращенъ въ значительномъ числѣ обстоятельствъ.

Исторія медицины представляетъ самые любопытные примѣры вліянія воображенія. Долго на золото смотрѣли какъ на лучшее лѣкарство, потому что оно было драгоценно, было рѣдкостію, а эмблемою его служило солнце, вліяніе котораго на произведенія земли и вообще на міръ физическій, вѣроятно, было первымъ звеномъ въ цѣпи этихъ заблужденій, въ томъ числѣ и вѣры въ астрологию.

Когда дѣло идетъ о существахъ, созданныхъ воображеніемъ, то разумъ бываетъ неполнѣе свободенъ при оцѣнкѣ показанія.

Тутъ примѣшивается страхъ, сомнѣніе кажется опаснымъ, бояться оскорбить этимъ невидимыхъ дѣятелей. Въ народѣ распространено много рассказовъ о мщеніи, которое обращалось ими на невѣрующихъ.

Вѣра поддерживается и естественною склонностію придавать значеніе исполнившимся и скрывать или перетолковывать не исполнившіяся предсказанія, ложнымъ стыдомъ отказаться отъ нея или вліяніемъ какого-либо интереса. Суевѣрный, довѣрчивый человѣкъ найдетъ болѣе случаевъ въ подтвержденіе своей вѣры, нежели въ разсѣяніи ея. Сумасшедшій, фанатикъ не знаетъ сомнѣній. Чѣмъ болѣе средство чуждо естественной вѣроятности, тѣмъ болѣе оно внушаетъ полнѣйшее довѣріе. Страхъ есть самый сильный двигатель. Къ тому же обманщики не забываютъ примѣшивать къ своимъ дѣйствіямъ спеціальныя мотивы обмана—церемоніи, множество обрядностей и словъ—съ цѣлію приготовить и подчинить воображеніе, произвести на него эффектъ и свалить вину на человека что-либо упустивашаго. Въ частности мотивы довѣрія къ чудесному различны. Такъ вѣра въ превращеніе металловъ въ золото обусловливается желаніемъ обладать неограниченнымъ средствомъ богатства. Но вѣра въ превращеніе золота, напр., въ свинецъ не была бы такъ сильна, потому что сила соблазняющихъ мотивовъ далеко не была бы такъ велика.

Еще съ большею силою дѣйствуютъ соблазняющіе мотивы въ излѣченіи болѣзней сверхъестественными средствами. Здѣсь соединяются двѣ могущественныя страсти человѣческаго сердца—отвращеніе къ страданію и привязанность къ жизни, чтобы склонить сужденіе и волю къ самой слѣпой довѣрчивости.

Вѣра въ предсказываніе будущаго, въ гаданіе по внутренностямъ, въ сглазы, въ оракуловъ, въ астрологію поддерживалась и поддерживается желаніемъ упредить будущее счастье, а еще чаще надеждою избѣжать несчастія, слѣдуя совѣтамъ оракула, а также и случаями, въ которыхъ событіе соотвѣтствовало предсказанію, хотя оно и не заключало въ себѣ ничего сверхъестественнаго, потому что часто могло быть только два возможныхъ событія—смерть или излѣченіе. А сколько жрецы имѣли средствъ, чтобы освѣдомляться объ обстоятельствахъ и судить о вѣроятностяхъ, чтобы извлекать секреты отъ самихъ спрашивающихъ совѣтъ, чтобы при двусмысленныхъ отвѣтахъ выходить всегда правыми. Мотивы вѣры въ талисманы, амулеты—все тѣ же. Суевѣрный человѣкъ предпочтетъ обвинить себя въ тысячѣ ошибокъ, нежели при несчастіи усумниться въ своей погрешности, въ своемъ талисманѣ, отъ котораго онъ ждетъ спасенія.—Въ этомъ заключаются разнообразныя причины, установившія вѣрованія въ призраки, въ приведенія, въ одержимыхъ бѣсомъ, въ чертей, вампировъ, чародѣевъ, колдуновъ, во всѣ тѣ ужасныя существа, которыя перестали играть роль на судѣ, но появляются еще въ хижинахъ.

Всѣ обманы этого рода производятъ общее зло—извращеніе разсудка и зло специальное—препятствіе прогрессу науки. Обладатель мнимаго специфическаго средства есть естественный врагъ настоящаго лѣкарства; но это еще не все: эти обманщики, эти чудотворцы всегда почти бывають орудіемъ какой-нибудь секты; они имѣють какую-нибудь цѣль и обманываютъ только для того, чтобы подчинить себѣ довѣрчивыхъ людей.

Въ Россіи народный обычай выбралъ изъ судовъ Божіихъ ту, именно, ордадь, которая всего болѣе соотвѣтствовала неугомонной удали, склонности къ расправѣ кулакомъ, къ самоуправству—поле. Судебный поединокъ былъ не что иное, какъ проявленіе доисторическаго кулачнаго боя, возведеннаго въ значеніе Божія приговора. Религіозную сторону его составляло крестное цѣлованіе, которое совершали передъ поединкомъ оба польщика. Но и тогда стремились къ извѣстной формѣ правосудія: условія

поединковъ регламентировались, существовать особый полевой судья, кровавый пріемъ желали упорядочить хотя нѣсколько, требовали участія власти, надъ нею не издѣвались.

По мѣрѣ того какъ развивались логика и нравственность, страшныя и чудовищныя средства, къ которымъ прибѣгали для открытія истины на судѣ,—очистительныя присяги, поединки, испытанія, пытки—были оставлены, судебныя процессы перестали быть игрою случая или зрѣлищами жонглерства; діалектики замѣнили мѣсто заклинателей и палачей, человѣкъ, выдержавшій съ желѣзомъ въ рукѣ сотни несправедливостей, не выдерживаетъ въ присутствіи публики взгляда просвѣщеннаго судьи.

Чистые суды Божіи—испытаніе водою и желѣзомъ—исчезаютъ въ Россіи рано, поединокъ—послѣ Іоанна Грознаго, въ самомъ концѣ XVI вѣка. Поединокъ былъ искорененъ совокупными дѣйствіями законодательной власти свѣтской и церкви, которая не могла терпѣть его равнодушно, потому что ей вообще противны были убійства, насилія, свирѣпый бой дубинами и ослепами, въ которомъ изъ двоихъ присягающихъ польщиковъ, очевидно, одинъ былъ неправъ и слѣдовательно совершалъ клятвенное преступленіе, при томъ часто не тотъ, который оставался побитымъ; наконецъ, потому, что польщики прибѣгали къ волшебству, чарованіямъ.

Ложныя мнѣнія, зародившіяся въ весьма отдаленныя времена, породили въ наше время предрасположеніе вѣрить ложнымъ свидѣтелямъ. Люди легче увлекаются подражаніемъ, чѣмъ размышленіемъ. Мнѣніе, высказанное однимъ, производитъ мнѣніе другого.

Воспитаніе при помощи предосторожностей, задуманныхъ издавна, подчиняетъ слабыхъ, увлекаетъ рабское стадо подражателей. Факты, извлекаемые нами изъ своего личнаго опыта, весьма слабы, малочисленны въ сравненіи съ тѣми, которые намъ необходимо знать и относительно которыхъ мы вынуждены полагаться на другихъ.

Д у э л ь.

Дуэль, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, характеризуетъ собою ложныя взгляды и понятія общества, состояніе дикости. Человѣкъ, говорятъ они, принадлежитъ тѣломъ землѣ, а душою Богу. Уничтожать жизнь другого раньше времени онъ не уполномоченъ.

Дуэль есть совсѣмъ не право, а доводъ сильнаго. Она вредна въ нравственномъ смыслѣ, вредна соціальному порядку; она подрываетъ уваженіе къ судебной власти и закону, замѣняя его личнымъ произволомъ. Отказъ отъ дуэли есть выраженіе уваженія къ закону и согражданамъ. Къ чему придуть люди, если съ дѣтства усвоятъ мысль, что въ этомъ мірѣ каждый призванъ мстить за себя, не обращаясь къ защитѣ законной власти? Поводы ея часто вздорныя, напр., жалкія ссоры въ театрѣ; и вотъ изъ за чего жена теряетъ мужа, мать—сына!

Никто не долженъ посягать на жизнь своего ближняго. Только гимназистъ, начитавшійся романовъ, могъ бы, пожалуй, выставить дикое положеніе, что можно удалять изъ общества путемъ убійства, что можно подобнымъ способомъ очищать общество.

П р и с я г а.

На мѣсто поединка, наконецъ, поставлена присяга, также ордадь, но только въ смягченномъ видѣ, основанная на убѣжденіи, что Богъ, имя котораго призывалъ клянущійся, покараетъ лжеприсяжника.

Смыслъ, важность и значеніе присяги основаны на слѣдующихъ словахъ священнаго писанія: „... вторично воззвалъ къ Аврааму Ангелъ Господень (съ неба) и сказалъ: Мною клянусь, говорить Господь, что такъ какъ ты сдѣлалъ сіе дѣло и не пожалѣлъ сына твоего, единственнаго твоего (для Меня), то Я, благословлю тебя...“ (Бытія, гл. 22, стих. 15, 16, 17). „Господа Бога твоего да убоишися, и тому (единому) послужиши, и къ Нему приличиши, и именемъ Его клянетися (Второзаконіе, X, 20). Въ посланіи Апостола Павла къ Евреямъ (гл. VI, XIII, XIV, XVI, XVII) говорится: „Богъ, понеже ни единымъ именемъ большимъ клятися, клятея собою, глаголя: во истину благословляя благословлю тя...“ Далѣе говорится такъ: „человѣцы бо большимъ (т. е. высшимъ) клянутся и всякому ихъ прекословію (т. е. спору) кончина во извѣщеніе (т. е. удостовѣреніе) клятва. Въ немъ же лишнее (т. е. преимущественнѣе) хотя Богъ показати наслѣдникомъ обѣтованія непреложное (т. е. непреложность своей воли) совѣта своего, ходатайства клятвою (т. е. въ посредство употребилъ клятву)...“ У Евангелиста Іоанна (гл. XIV,—VI,) говорится: „Азъ есмь путь и истина и животъ“. Въ посланіи къ Голатамъ (гл. VI,—7) сказано: „не льститесь. Богъ поругаемъ не бываетъ“.

нецъ, за ложность присяги (клятвы) кто же долженъ воздать, какъ не Тотъ, Чье имя призывалось: „Мяѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, глаголетъ Господь, страшно есть впасти въ руки Бога живого“ (Евр. гл. X,—30,31).

Присяга, или торжественная формула призыва Бога во свидетели, освященная самимъ Богомъ, клятва, есть необходимый институтъ правовой и соціальной жизни, общежитія. Сила присяги зависитъ отъ трехъ санкцій: религіозной, т. е. боязни подвергнуться наказанію отъ Бога въ настоящей или будущей жизни,—санкціи, дѣйствующей на душу, легальной, или боязни наказаній, назначенныхъ въ законѣ за клятвопреступленіе, и санкціи чести, или боязни безчестія, связаннаго съ ложью, высказанной подъ присягой. Люди потерянные, у которыхъ не остается ни нравственной ни религіозной узды, образуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ законѣлыхъ и безстыдныхъ людей, которые присягу на судѣ обратили въ ремесло. Человѣческое общество нуждается для прочности своихъ устоевъ не только въ объективной правдѣ, но и въ субъективной увѣренности въ правдѣ. Ему нужна для отпращиванія своихъ функций увѣренность въ правдивости людей, вступающихъ между собою во взаимныя отношенія. Эта увѣренность не всегда можетъ быть достигнута путемъ логическихъ умозаключеній, фактическихъ обстоятельствъ, осязательныхъ доказательствъ, Человѣческій умъ относителенъ и можетъ ошибаться; человѣческая природа субъективна и можетъ впадать въ односторонность; человѣческая совѣсть неустойчива, человѣческая воля слаба и человѣкъ можетъ уклоняться въ сторону вражды, мести, неправды, зла.

Еслибы человѣческій родъ находился на высотѣ нравственнаго состоянія и стремился осуществить разумнее только потому, что оно разумно, или же если бы онъ былъ достаточно глубоко проникнутъ сознаніемъ ясной и святой обязанности правдивости, то не было бы надобности въ присягѣ. Но по опыту мы знаемъ, что люди легкомысленны, непостоянны и лживы, продажны, что слабый человѣкъ постоянно колеблется между добромъ и зломъ, что очень часто ему нужно необыкновенное, чрезвычайно сильное душевное воздѣйствіе, которое побудило бы его къ совершенію одного поступка и удержало бы отъ совершенія другого поступка. Поэтому призывается на помощь авторитетъ, стоящій выше человѣческихъ несовершенствъ, всестороннее, всемогущее, вездѣ-сущее и всевидящее существо—Богъ, именемъ котораго человѣкъ

побуждается къ правдѣ и во имя котораго высказанное или обѣщанное внушаетъ къ себѣ довѣріе.

Оно достигается въ силу того убѣжденія, присущаго всѣмъ религіямъ, что призываемый во свидѣтели Богъ не можетъ допустить неправды, и что поэтому онъ или внутреннимъ наитіемъ, какъ у древнихъ народовъ, внушаетъ говорить только правду или внѣшнимъ образомъ сильнымъ психологическимъ воздѣйствіемъ на религіозное чувство человѣка, какъ у новыхъ народовъ, изображаетъ ложь и открываетъ правду, обрекая гибели того, кто далъ ложную клятву.

Это основаніе клятвы указывается всею ея исторіею. Институтъ клятвы столь же древень, какъ само человѣчество, и не погрѣшимъ, какъ религія, которая его освящаетъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что у древнихъ существовали клятвы, въ которыхъ призывались всевозможные предметы внѣшняго, матеріальнаго міра, а не одно божество; клялись напр., костями умершихъ предковъ, хотя не вѣрили въ безсмертіе души.

Но, по мнѣнію Бентама, присяга опытному судѣ не внушаетъ довѣрія, ибо онъ много разъ видѣлъ нарушеніе ея ложью. Она, по естественному ея свойству, усиливаетъ упорство свидѣтеля въ поддержаніи лжи „изъ опасенія отвѣтственности за клятвопреступленіе,“ а не за одинъ только ложный доносъ.

Религіозное убѣжденіе людей не заключаетъ въ себѣ ничего, что разрушало бы достовѣрность ихъ свидѣтельства. Въ безконечномъ разнообразіи сектъ нѣтъ ни одной, которая не признавала бы Бога покровителемъ справедливости и оберегателемъ нравственныхъ обязательствъ, безъ которыхъ общество не могло бы существовать. Тѣ, совѣсть которыхъ воспреещаетъ присягу, не менѣе придаютъ значенія правдивости, нежели другіе. Ихъ отказъ отъ присяги происходитъ, по ихъ понятію, изъ ихъ добросовѣстности.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что никто, не станеть безъ причины лгать подъ присягою на судѣ, вовлекая самого себя въ бѣду и подвергая собственную жизнь мщенію, карѣ закона за клятвопреступленіе, лишь бы выручить какого-либо мерзавца, чудовище въ человѣческомъ образѣ.

Л ж е п р и с я г а .

Каноническое право, выдвинувъ религіозную сторону лжеклятвы и отодвинувъ на задній планъ гражданскую сторону ея,

возвело ее на степень самостоятельнаго преступленія, какъ оскорбленіе Бога, грѣхъ, ересь. Новѣйшая доктрина выставила другое воззрѣніе на юридическую природу лжеприсяги. Лжеприсяга является квалифицированнымъ видомъ лжесвидѣтельства вообще, въ томъ числѣ и ложнаго доноса, который, по составу своему, имѣетъ сходство съ клеветою, или ложнаго извѣщенія, формальнаго обвиненія, обставленнаго доказательствами, клеветническаго доноса, письменнаго или устнаго, явнаго, именнаго, умышленно ложнаго изложенія свидѣтелемъ обстоятельствъ или событій дѣла или умолчанія о нихъ, и притомъ прямо относящихся къ совершившемуся событію, а не къ побочнымъ обстоятельствамъ или фактамъ постороннимъ, не могущимъ служить доказательствомъ, хотя бы завѣдомо ложнымъ, съ умысломъ повредить лицу, съ цѣлію привлечь его къ уголовной отвѣтственности, а не простого извѣта, или какого-либо сообщенія начальству по легкомыслію безъ принятія на себя обязанности доказывать справедливость сообщаемаго, не одно только отсутствіе правдоподобности показанія и не высказываніе невѣрнаго сужденія.

Лжесвидѣтельство и лжедоносъ опредѣляются какъ преступленія безнравственныя и вредныя какъ для потерпѣвшаго лица, такъ и общественнаго спокойствія, направленныя противъ порядка управленія, а въ частности противъ правосудія, причиняя ему затрудненія или вредъ или поставляя его въ опасность. Нормою ихъ будетъ запретъ—„не лжесвидѣтельствуй“,—нарушеніе котораго ведетъ за собою кару. Такого воззрѣнія придерживаются и составители нашего проекта Уголовнаго Уложенія, включившіе лжесвидѣтельство и лжеприсягу въ особый отдѣлъ „о противодѣйствіи правосудію,“ въ правильномъ отправленіи котораго заинтересована какъ сама судебная власть, которая лжесвидѣтелемъ приводится въ заблужденіе, такъ и общество, и лица судящіяся, для которыхъ создается опасность безъ вины быть привлеченными къ слѣдствію, а иногда даже и потерпѣть наказаніе. По разъясненію Правит. Сената (1882 г. № 16) дача ложнаго показанія безъ присяги на предварительномъ слѣдствіи наказывается только въ тѣхъ случаяхъ, когда это показаніе не было добровольно и своевременно отмѣнено или исправлено давшимъ его свидѣтелемъ.

По сему и преслѣдованіе за ложное показаніе можетъ быть возбуждено лишь по разрѣшеніи или по прекращеніи дѣла, а покушеніе на ложное показаніе не наказуемо.

Показанія свидѣтелей.

Свидѣтелями называются лица, дающія показанія на судѣ о личныхъ своихъ наблюденіяхъ относительно фактическихъ обстоятельствъ дѣла, о фактахъ, которые они восприняли внѣшними чувствами. Необходимость пользоваться показаніями людей, необходимость принимать ихъ за истину есть первостепенное условіе какъ частнаго, такъ и общественнаго быта. Безъ довѣрія, съ одной стороны, и безъ правдивости, съ другой, не мыслима была бы самая первобытная, самая несложная человѣческая жизнь. На каждомъ шагу въ жизни мы нуждаемся въ правдивыхъ показаніяхъ людей, и если люди часто лгутъ, то еще чаще говорятъ правду. Наклонность довѣрять человѣческимъ словамъ такъ могуча, что первое наше движеніе клонится къ довѣрію, а только послѣдующія къ критикѣ.

Вся человѣческая культура имѣетъ основною цѣлію сдѣлать людей правдивыми, ввести истину въ человѣческое сознаніе и жизнь. „Мудрый и Всеблагій Творецъ міра, говоритъ англійскій философъ Ридъ, желавшій, чтобы человѣкъ жилъ въ обществѣ и получалъ наибольшую и важнѣйшую часть своихъ знаній отъ ближнихъ, вложилъ для этой цѣли въ его природу два важныхъ начала, которыя всегда гармонируютъ другъ съ другомъ. Первое изъ этихъ началъ есть наклонность говорить правду и пользоваться въ языкѣ знаками, которые самымъ точнымъ образомъ выражаютъ наши чувства. Дѣйствіе этого могучаго начала распространяется даже на лжеца, ибо если онъ солжетъ одинъ разъ, то скажетъ правду сто разъ.

Правда есть то, что прежде всего само собою представляется душѣ, есть прямая непосредственная ея потребность. Для того, чтобы сказать правду, не нужно ни искусства, ни науки, ни искушенія, ни мотива, требуется только одно—не насиловать естественнаго стремленія нашей природы. Люди говорятъ правду естественно, просто, какъ ѣдятъ хлѣбъ, потому что есть аппетитъ. Она, какъ бы, просится на уста. Напротивъ, ложь есть насиліе надъ душою, рвущееся выразить истину, и нуждается, даже у людей порочныхъ, совершенно испорченныхъ, въ какомъ—нибудь мотивѣ, какъ напр., когда они находятся на сторожѣ и всячески стараются скрыть содѣянное ими. Чтобы замѣнить правду ложью, нужны нѣкоторыя усилія, борьба, работа ума. Поэтому естественно избѣгаютъ опасную дорогу и выбираютъ болѣе легкую. Побужденіемъ

къ тому служить любовь къ довольству. Оно дѣйствуетъ часто безъ нашего вѣдома. Вліяніе его гораздо значительнѣе, нежели какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ. Поэтому и предполагается, что свидѣтели говорятъ правду, пока не установлено, что у нихъ есть мотивы для дачи ложнаго показанія, напр., ссора, месть, подкупъ, страхъ за себя или близкаго человѣка, интересъ личный или цѣлой партіи.

Ложь есть самый ужасный продуктъ человѣческой испорченности, а лживость—самый печальный видъ упадка нравственной личности. „Говорить ложь значить принимать микстуру, что дѣлается для какой-нибудь цѣли, другимъ путемъ недостижимой. Если возражать, что нравственный и общественный интересъ—достаточные мотивы для того, чтобы люди уважали правду, и что, слѣдовательно, если они говорятъ правду, то изъ того не слѣдуетъ, что они побуждаются къ тому какимъ-то природнымъ и первоначальнымъ качествомъ, то на это можно возразить слѣдующее: во 1) политическія и моральныя соображенія не имѣютъ вліянія на человѣка до наступленія возраста, когда начинаютъ размышлять и рассуждать; между тѣмъ опытъ показываетъ, что дѣти говорятъ правду гораздо ранѣе наступленія этого возраста“. Если бы природа оставила душу того, кто говоритъ, въ полномъ равновѣсіи безъ большей склонности въ сторону истины, чѣмъ въ сторону лжи, то дѣти также часто говорили бы правду, какъ и ложь, пока съ развитіемъ ума и совѣсти не поняли бы вреда и безнравственности неправды. „Во 2) когда мы руководствуемся какимъ-нибудь моральнымъ и политическимъ соображеніемъ, то обыкновенно сознаемъ это, воспринимаемъ это нашею мыслию. Между тѣмъ, разбирая свои дѣйствія самымъ внимательнымъ образомъ, мы не замѣчаемъ, чтобы, говоря правду, мы руководствовались какимъ-нибудь моральнымъ или политическимъ мотивомъ. Мы сознаемъ, что правда у насъ всегда на устахъ, что она рвется наружу, если мы не удерживаемъ ее насильно.

Чтобы она сошла съ устъ нашихъ, не нужно ни добрыхъ, ни дурныхъ намѣреній, нужно только одно: не имѣть никакихъ цѣлей, никакихъ плановъ. Конечно, могутъ существовать большія искушенія, слишкомъ опасныя для принципа натуральной правдивости, не укрѣпленной правилами чести и добродѣтели. Но гдѣ нѣтъ подобныхъ искушеній, мы говоримъ правду по инстинкту, который и есть то начало, которое побуждаетъ человѣка говорить правду. При помощи этого инстинкта образуется дѣйствительная

связь между нашими мыслями и словами: послѣднія дѣлаются знаками первыхъ, чего безъ помянутаго начала не могло бы быть. Правда, эта связь разрывается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лжи и двусмысленности; но такихъ случаевъ сравнительно мало; они, конечно, ослабляютъ авторитетъ человѣческихъ свидѣтельствъ, но не разрушаютъ его“.

Второе первоначальное свойство, данное намъ отъ Бога, есть склонность вѣрить въ правдивость другихъ людей и довѣрять тому, что они говорятъ. Это второе начало есть дополненіе перваго. Это начало довѣрія неограничено у дѣтей, пока они не встрѣчаются съ фактами обмана и лжи. Оно остается въ значительной силѣ въ теченіе цѣлой нашей жизни. Если бы природа оставила душу того, кто слушаетъ, въ полномъ равновѣсіи безъ большаго наклона въ пользу довѣрія, чѣмъ недовѣрія, мы не принимали бы ничьихъ словъ за истину безъ положительныхъ доказательствъ ихъ правильности, безъ предварительнаго разслѣдованія. Показаніе человѣка въ такомъ случаѣ имѣло бы въ нашихъ глазахъ такой же авторитетъ, какъ и сны его, которые могли быть и правдивы и лживы и которымъ никто же не повѣритъ потому только, что они снились. Ясно, что въ дѣлѣ человѣческаго свидѣтельства балансъ нашего сужденія склоненъ природою въ сторону довѣрія и самъ поварачивается туда, если на противоположной чашкѣ ничего не положено. Такимъ образомъ, склонность вѣрить человѣческимъ показаніямъ гораздо сильнѣе склонности не вѣрить.

Опытъ (по Бентаму) показываетъ, что число случаевъ, въ которыхъ человѣческое свидѣтельство оказывается согласнымъ съ фактами, значительно превышаетъ количество случаевъ, гдѣ это свидѣтельство ложно. Отсюда вытекаетъ, что основанія для довѣрія представляютъ общія правила, нормальное состояніе человѣческой души, природное ея стремленіе, основанія же для недовѣрія составляютъ случаи исключенія. Поэтому для того, чтобы вызвано было недовѣріе, необходима какая-нибудь причина, дѣйствующая въ данномъ случаѣ. Если бы это было не такъ, то большинство людей не находило бы достаточнаго основанія для принятія и тысячной доли того, что имъ говорится. Будь это не такъ, будь обратное отношеніе, общество не могло бы жить. Такое недовѣріе лишило бы насъ всѣхъ благъ общежитія и поставило бы въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ положеніе дикарей.

По той же причинѣ дѣти были бы абсолютно недовѣрчивы и потому совершенно негодны къ обученію. Одною степенью выше

по довѣрчивости стояли бы имѣющіе нѣкоторое знаніе жизни и свойствъ человѣка; но самыми довѣрчивыми оказались бы люди, обладающіе богатымъ опытомъ и проницательностію, потому что въ большинствѣ случаевъ они способны были бы найти основанія довѣрія къ человѣческому свидѣтельству, чего не могли бы сдѣлать люди малосвѣдущіе и неразвитые. Словомъ, если бы довѣріе было результатомъ умственного развитія и опыта, то оно должно было бы возрастать вмѣстѣ съ этими силами. Напротивъ, если оно даръ природы, то оно должно быть сильнѣе въ дѣтствѣ, въ послѣдствіи же должно суживаться опытомъ. Дѣйствительно, даже поверхностный взглядъ на жизнь показываетъ, что справедливо послѣднее, а не предшествовавшее положеніе.

Человѣчество на своемъ пути общаго развитія съ точностію повторяетъ факты индивидуальной жизни. Было замѣчено неоднократно, что все человѣчество можетъ быть разсматриваемо какъ одинъ человѣкъ: на зарѣ своего поприща онъ подвиженъ и горячъ, увлекается быстро и всецѣло, изошряя силы, онъ пока живетъ только во внѣ; міръ внутренній еще немного значить въ его глазахъ. Юности присуще довѣріе къ выводамъ и въ незыблемость нашихъ понятій о вещахъ. Однако нѣсколько лѣтъ и законъ реакціи возстаетъ. Испытующій взглядъ, глубокое сомнѣніе являются преемниками вѣры и господства авторитетовъ вообще; уровень самосознанія, въ свою очередь, подымается, захватываетъ вопросы нравственного порядка, отвлеченное умозрѣніе смѣняетъ работу наукъ положительныхъ... Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, и вотъ идетъ новое превращеніе: разумъ и тѣло созрѣли; они подвигаются въ строгой гармоніи и въ одинаковой степени. Рѣчь опирается на факты, наблюденія. Она не ринется безъ оглядки за первымъ впечатлѣніемъ, пока не пріобрѣтетъ лучшаго союзника, чѣмъ страсть. Зрѣлости присущи колебанія и сомнѣнія. При этихъ условіяхъ куда бы ни направился духъ человѣческій—къ изученію ли внутренняго или внѣшняго міра, онъ избѣгаетъ обыкновенно крайности повсюду и уравниваетъ свои сужденія—забота, которой не вѣдаютъ ни дѣтство, ни молодость. Въ старости можно видѣть лишь состоянія отрицательныя.

Причины невольнаго уклоненія свидѣтелей отъ истины.

Сколь ни естественно, повидимому, пользоваться свидѣтельскими показаніями, тѣмъ не менѣе разсудокъ и опытъ говорятъ, что съ ними нерѣдко связана огромная опасность.

Въ основаніи нашихъ отношеній къ свидѣтельскимъ показаніямъ лежитъ предположеніе, что каждый свидѣтель говоритъ правду. Но общая презумпція въ пользу правдивости свидѣтеля устраняется тамъ, гдѣ есть основаніе заподозрить его въ искренности или въ способности его показать истину.

Подозрѣніе относительно свидѣтеля можетъ основываться на существованіи различныхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ причинъ, которыя могутъ заставить глядѣть на его показаніе, какъ на ложное, неполное и неточное.

Несовершенство бываетъ въ самомъ свидѣтельскомъ показаніи, если разумъ свидѣтеля мало подготовленъ для истины. Если ошибка относится къ его умственному состоянію, то она можетъ происходить или отъ его пониманія, сужденія, памяти или отъ его воображенія. Всякая изъ этихъ способностей можетъ быть извращена до такой степени, что болѣе или менѣе ослабляетъ все показаніе.

Если дѣло идетъ о представленіи, то судья обязанъ обсудить причины ошибки, происходящей изъ этого источника, напр., были ли всѣ условія, необходимыя свидѣтелю для полнаго пониманія, не было ли обстоятельство, которыя могли ввести въ заблужденіе, были ли слова, которыя онъ передаетъ, произнесены на языкѣ для него понятномъ или нѣтъ, не схватилъ ли онъ мимоходомъ неопредѣленные и отрывочныя замѣчанія или онъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе.

Когда бываетъ нужно оцѣнить, какую важность имѣло происшествіе въ глазахъ свидѣтеля, тогда надо удостовѣриться въ связи этого происшествія съ его личнымъ интересомъ, удостовѣриться въ томъ, что оно было чувствительно для него, т. е., что онъ могъ считать его такимъ, какъ это сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ; надо даже, насколько это возможно, перенестись въ тѣ обстоятельства, среди которыхъ онъ находился въ моментъ совершенія факта, вывѣдать, въ какой степени онъ интересовался имъ, какое вниманіе онъ обратилъ на него, ибо какъ бы ни былъ важенъ фактъ, но если умъ занятъ дѣломъ важнымъ для него, если, не имѣя досуга, свидѣтель могъ заняться фактомъ только наскоро, то впечатлѣніе, полученное имъ, будетъ пропорціонально слабѣе, воспоминаніе неточное и колеблющееся, хотя при другихъ обстоятельствахъ тоже происшествіе произвело бы на него продолжительное и отчетливое впечатлѣніе.

Для того, чтобы не вѣрить, чтобы имѣть оправданіе недовѣрію, нужно опредѣленное разсужденіе, нужно основаніе.

Сужденіе можетъ быть извращено поспѣшностію, невѣжествомъ и ложными понятіями. Ошибки, происходящія отъ поспѣшности, всѣмъ извѣстны.

Заблужденія, происходящія отъ ложныхъ понятій, суть самыя обыкновенныя заблужденія; заблужденія отъ невѣжества лучше другихъ распознаются. Сейчасъ видно по общественному положенію лицъ, по ихъ возрасту, по состоянію ихъ ума находится ли предметъ ихъ показанія выше ихъ понятій. Тогда какъ химикъ въ извѣстномъ веществѣ узнаетъ опасный ядъ, служанка можетъ принять это вещество за безвредный порошокъ. Рѣдкое растеніе въ глазахъ ботаника земледѣльцу представляется сорною травою. Минералогъ открываетъ драгоцѣнный минералъ тамъ, гдѣ земледѣлецъ видитъ только тяжелый камень. Такое же различіе, встрѣчается во всѣхъ человѣческихъ занятіяхъ и во всѣхъ наукахъ.

Память грѣшитъ ошибками и забвеніями. Забывчивость не единственный недостатокъ, которому бываетъ подвержена память; есть еще другой, заключающійся въ ложныхъ воспоминаніяхъ, если ихъ можно такъ назвать. Неполное воспоминаніе можетъ еще имѣть черты согласныя съ истиною, еще остается твердое и солидное основаніе, съ котораго свидѣтель не можетъ сойти.

Безъ малѣйшаго желанія уклониться отъ истины, безъ всякаго сознанія своей ошибки можно имѣть кажущееся воспоминаніе, ложное не только въ нѣкоторыхъ частностяхъ, но во всей цѣлости. Однако эти кажущіяся воспоминанія бываютъ слабы и неопредѣлены; они неразлучны съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ; они отличаются отъ фактовъ, создаваемыхъ воображеніемъ, тѣмъ, что выводятся изъ какого-нибудь дѣйствительнаго факта; они соприкасаются съ истиною какимъ-нибудь обстоятельствомъ. Кажущееся воспоминаніе образуется изъ двухъ видовъ лжи: сглаживающей и создающей. Одна часть видѣннаго, которая бываетъ запечатлѣна въ памяти, сглаживается, а ложное обстоятельство заступаетъ мѣсто настоящаго впечатлѣнія. Какъ ни значителенъ бываетъ трудъ, связанный съ припоминаніемъ, когда приходится передавать дѣйствительные факты, однако гораздо болѣе требуется труда для комбинаціи выдуманныхъ фактовъ. Словомъ, трудъ изобрѣтенія, гораздо труднѣе труда памяти. Таковы бываютъ обыкновенно условія изложенія самыхъ простыхъ фактовъ. Но

Истина этого замѣчанія еще болѣе видна, когда дѣло идетъ о сложныхъ и разнообразныхъ фактахъ, какими обыкновенно бываютъ тѣ, которые служатъ предметомъ юридическаго показанія.

Сущность вещей часто зависитъ отъ слова, и если слово забыто, или сомнительно, или спорно, то не на чемъ будетъ основывать рѣшеніе, то показаніе свидѣтеля можетъ явиться извращеннымъ. Извращенный способъ выраженія можетъ быть не только отъ недостатка памяти, но еще въ болѣе значительной степени отъ неспособности выражаться, а иногда вслѣдствіе робости, степень которой видоизмѣняется, смотря по настроенію человѣка, по его темпераменту, положенію, большому или меньшему навыку, и увеличивается при словесныхъ публичныхъ допросахъ. Извращенный способъ выраженія можетъ сообщить всему показанію смыслъ прямо противоположный истинѣ. Смѣшеніе идей не имѣетъ границъ. Уклоненіе отъ истины можетъ дойти до того, что объясненіе факта будетъ дано прямо противоположное, намѣренію свидѣтеля.

Небрежный свидѣтель, сдерживаемый одною лѣнностію ума, не задается трудомъ сближать факты и обстоятельства и пропускаетъ много такихъ обстоятельствъ, которыя при нѣкоторыхъ собраніяхъ могли бы выяснить дѣло.

Тотъ, у кого есть опредѣленное предубѣжденіе, всегда бываетъ расположенъ видѣть въ фактѣ то, что ему болѣе нравится; онъ видитъ не то, что есть, а то, что онъ желаетъ видѣть; происходящее въ иномъ направленіи ускользаетъ отъ его вниманія. Такимъ образомъ на все, что говорили объ Иисусѣ Христѣ, возражали избитой поговоркой: „что хорошее можетъ выйти изъ Назарета“.

Уклоненіе отъ истины бываетъ и тогда, когда желаніе, воля и усиліе свидѣтеля направлены къ тому, чтобы его показаніе и заключеніе, которое выводится изъ него, не были согласны съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.

Воля бываетъ направлена ко лжи вслѣдствіе двухъ причинъ: 1) вслѣдствіе корыстныхъ причинъ, или пристрастія, имѣющихъ въ виду интересъ свидѣтеля въ обширномъ смыслѣ—не только личный, но и тотъ, который образуется по симпатіи или антипатіи къ другимъ лицамъ, и 2) вслѣдствіе привычки, располагающей его подчиняться интересу, привычки нечестности.

Показаніе потерпѣвшаго отъ преступленія лица.

Нашъ законъ (107 ст. Уст. Угол. Суд.), разрѣшая отвести отъ присяги потерпѣвшее отъ преступленія лицо, тѣмъ самымъ набрасываетъ тѣнь на его показаніе.

Мысль законодателя понятна. Потерпѣвшій играетъ такую важную роль во всемъ дѣлѣ, что его объясненіе требуетъ внимательной оцѣнки, въ особенности, если онъ въ то же время и очевидецъ преступленія. Эта оцѣнка во многихъ случаяхъ можетъ привести къ выводу о томъ, что показаніе его должно быть признано подозрительнымъ и что отъ него слѣдуетъ отречься. Тотъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ весь вредъ отъ совершеннаго проступка, чье благосостояніе разрушено, семейное счастье подорвано, у кого остаются болѣе или менѣе враждебныя чувства къ причинившему ему зло, тотъ можетъ быть не вполне безпристрастнымъ, ибо „старыя раны болятъ“ и открываются при малѣйшемъ прикосновеніи. Онъ можетъ погрѣшнить и по добросовѣстному побужденію и быть недобросовѣстнымъ, измыслить улики или придавать имъ невѣрную окраску и представлять „добросовѣстныхъ лжесвидѣтелей“. Поэтому законъ не долженъ ставить его въ положеніе, угрожающее опасностію клятвopреступленія. Но, какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту Уст. Угол. Суд., „причины недовѣрія къ показанію потерпѣвшаго только общія, а не конкретныя, и могутъ быть совершенно устранены личными качествами свидѣтеля“.

Показаніе потерпѣвшаго есть самое важное по дѣлу. По нѣкоторымъ дѣламъ оно является главнымъ и основнымъ доказательствомъ, которое никакими ухищреніями нельзя ни выкинуть изъ дѣла, ни замѣнить иными доводами, напр., по дѣламъ объ уничтоженіи документовъ, объ изнасилованіи, разбоѣ въ маскахъ, соединенномъ съ истязаніемъ потерпѣвшихъ и разграбленіемъ ихъ имущества.

Онъ въ большинствѣ случаевъ вноситъ обширный матеріалъ, которымъ никто иной и не можетъ располагать. Лучше него никто не знаетъ обстоятельствъ дѣла, никто не видалъ такъ близко всѣхъ ужасовъ преступленія и никто, кромѣ него, не можетъ указать всего похищеннаго имущества.

Его показаніе есть краеугольный камень обвиненія, его допросъ у Судебнаго Слѣдователя долженъ быть исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго розыска и разслѣдованія: онъ указываетъ

на тѣхъ, на кого можетъ пасть подозрѣніе, и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ успѣху дѣла.

Потерпѣвшему вѣришь по-неволѣ, независимо отъ того приведенъ ли онъ къ присягѣ или нѣтъ. Правда, онъ можетъ показывать ложь, если его умственное развитіе и нравственныя качества такъ низки, что онъ, забывая о правдѣ и чести, сводитъ свои личные счеты съ подсудимымъ. Но если онъ человѣкъ правдивый, порядочный и безупречный, если онъ по своему положенію въ обществѣ, по манерѣ держать себя на судѣ и вообще по своимъ личнымъ качествамъ внушаетъ довѣріе къ своимъ словамъ, если его показаніе правдоподобно и подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ данныхъ дѣла, то онъ будетъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ на судѣ, то ему слѣдуетъ вѣрить безусловно и объясненіе его нельзя выкинуть за бортъ, хотя бы его потери отъ преступленія были громадны. Нельзя допустить, чтобы честный, правдивый человѣкъ становился лжецемъ, какъ только онъ сдѣлается жертвой преступленія.

Показанія родственниковъ сторонъ.

Вторая группа свидѣтелей— близкихъ родственниковъ подсудимаго допрашивается, по нашему закону (705 ст. Уст. Угол. Суд.), обязательно безъ присяги.

Лица этой группы не должны присягать, ибо они въ силу своего семейнаго положенія, нравственныхъ отношеній или естественнаго права могутъ невольно дать невѣрныя свѣдѣнія. Нельзя требовать, чтобы жена свидѣтельствовала противъ мужа, чтобы сынъ топилъ своего отца.

Семейныя чувства привязанности препятствуютъ свидѣтелю предпринимать что-либо такое, что можетъ послужить поводомъ къ отягченію участи его близкаго родственника, почему законодательство и освобождаетъ ближайшихъ родственниковъ отъ свидѣтельства, несмотря на возможный отъ этого ущербъ для важныхъ публичныхъ интересовъ.

Предполагаемый закономъ у близкихъ родственниковъ мотивъ, опредѣляющій ихъ готовность дать показанія или же, наоборотъ, побуждающій ихъ къ молчанію, не всегда дѣйствуетъ съ одинаковою силою, не всегда располагаетъ къ показаніямъ въ пользу того или другого изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Нерѣдко въ основаніи этихъ отношеній лежитъ открытое или плохо скрываемое чувство

непріязни. Нѣтъ вражды болѣе ожесточенной, нежели вражда, возникающая вслѣдствіе извращенныхъ семейныхъ отношеній, а поводовъ къ столкновенію интересовъ между близкими родственниками бываетъ гораздо больше, нежели между людьми посторонними другъ другу. Поэтому не только можетъ случиться, что близкіе подсудимаго будутъ давать противъ него показанія изъ ненависти или по корыстному побужденію, но вслѣдствіе тѣхъ же побужденій, они могутъ и отказаться отъ свидѣтельства. Но освобожденіе близкихъ отъ свидѣтельства не можетъ считаться препятствіемъ къ пользованію ихъ свидѣтельствомъ косвеннымъ путемъ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній третьихъ лицъ о сообщеніяхъ, полученныхъ ими внѣ суда отъ близкихъ обвиняемаго.

Родство, происходящее изъ законнаго брака, и родство незаконное имѣютъ одинаковое значеніе, равно какъ и свойство, по скольку это послѣднее происходитъ изъ брачнаго сопряженія кого-либо изъ родственниковъ незаконно-рожденныхъ; но это положеніе не распространяется на свойство, проистекающее изъ родства съ однимъ изъ участниковъ внѣ брачнаго состоянія.

Вліяніе усыновленія ограничивается непосредственнымъ отношеніемъ между усыновителемъ и усыновленнымъ, не распространяясь на ихъ родственниковъ.

Причины и формы проявленія лжесвидѣтельства.

Интересъ и сочувствіе суть естественные указатели чувствъ между показывающимъ и стороною его допрашивающею. Но это указаніе, хотя и совершенно натуральное, не всегда бываетъ непогрѣшимо, потому что всѣмъ извѣстныя или открытыя побужденія могутъ быть подавлены скрытыми болѣе сильными побужденіями. Легко понять, что если отъ меня зависитъ выборъ свидѣтелей, то я выберу ихъ изъ моихъ друзей или, по крайней мѣрѣ, изъ числа тѣхъ, которыхъ я считаю нейтральными. Но это положеніе на дѣлѣ оказывается часто ложнымъ, потому что не всегда сторона можетъ имѣть свидѣтелей по своему выбору. Если бы былъ критерій, при помощи котораго можно было удостовѣриться въ расположеніи свидѣтеля къ сторонѣ, о которой ему приходится давать показаніе, то задача судьи была бы значительно облегчена: онъ зналъ бы съ какой стороны нужно ожидать обмана и что нужно отнести къ пристрастію благопріятному или враждебному.

Но для признанія, напр., дружбы недостаточно простаго зна-

комства, хлѣбосольтства, простого быванія другъ у друга въ гостяхъ. Между простымъ знакомствомъ и тою крѣпкою связью, которая основывается на единствѣ интересовъ, на взаимной любви и уваженіи, есть безчисленное множество отгѣнковъ, которые уловить ни законодатель, ни судья не въ силахъ.

Живутъ иногда два лица въ одномъ домѣ, даже общимъ хозяйствомъ, встрѣчаются ежедневно, а между тѣмъ сердцами они далеки другъ отъ друга. А вражда—это положительное столкновение лицъ между собою, но не всякая малѣйшая ссора, а тѣмъ болѣе въ давно минувшемъ прошедшемъ. Есть безкорыстные лже-свидѣтели—одни какъ бы по принципу не признають роли обвинителя, другіе по нелюдимости, скрытности, халатности и т. п. Они слѣпы, глухи, безпамятны. И если покопаться въ ихъ душѣ, то окажется, что всему виною одна только ея дряблость.

Бываютъ обманы допускаемые или терпимые въ видахъ поддержания маленькаго общества противъ большаго, корпораціи, секты, партіи, профессіи.

Уклоненіе отъ справедливости можетъ быть изъ вѣжливости или деликатности, что тоже есть благодѣяніе, но прилагаемое къ менѣе важнымъ интересамъ. Такъ бываетъ, если смягчаютъ критическій отзывъ или преувеличиваютъ похвалы съ цѣлію ободрить. Иногда честь предписываетъ лгать. Но это, все-таки, ведетъ къ прикрытію пороковъ и дурныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ здѣсь два различные интереса чести, дѣйствующіе на человѣческое сердце противоположно послѣ того какъ выходятъ изъ границъ долга: стыдъ при сознаніи и стыдъ при обманѣ. Чѣловѣкъ.. увлекаемый этими силами, или сознается или солжетъ, смотря потому, что ему въ эту минуту покажется болѣе важнымъ интересомъ, смотря потому какая боязнь будетъ преобладать—боязнь прослыть виновнымъ въ той ошибкѣ, о которой идетъ дѣло, или боязнь прослыть лжецемъ, если дѣло откроется. Есть одинъ случай, когда уклоненіе отъ истины просто дозволяется. Если извѣстный чѣловѣкъ не имѣетъ права на полученіе свѣдѣній, которыя онъ требуетъ, никто не обязанъ сообщать ихъ ему. Обязанность чѣловѣка по отношенію къ постороннимъ лицамъ ограничивается соображеніемъ объ его обязанностяхъ по отношенію къ самому себѣ. За этими исключеніями, которыя слѣдуетъ нонимать скорѣе въ ограничительномъ, нежели въ распространительномъ смыслѣ, правдивость строго обязательна.

Эти гуманные обманы всегда судятся снисходительно; и не только свидѣтели стараются ослабить показаніе но и сами присяжные прибѣгаютъ къ двусмысленностямъ, уверткамъ и выходятъ изъ суда какъ бы съ триумфомъ послѣ сдѣланной завѣдомо лжи. Блакстонъ не побояся дать дѣйствіямъ этого рода смягченнаго названія—милосерднаго клятвопреступленія. Народная санкція бываетъ очень склонна къ ослабленію суровости нравственной санкціи, когда дѣло идетъ о законахъ, несогласныхъ съ общественнымъ мнѣніемъ, и о смягченіи участи подсудимаго, на котораго смотрятъ какъ на жертву тираніи и котораго хотятъ спасти отъ слишкомъ строгаго наказанія. Свидѣтели или скрываютъ истину отчасти или совсѣмъ ее маскируютъ.

Юмъ замѣчаетъ, что человѣкъ вообще честнѣе въ частной жизни, нежели въ общественной, и совершить для интересовъ партіи множество такихъ вещей, которыхъ онъ не позволитъ себѣ для своихъ собственныхъ интересовъ. Правда, честь служить могущественной уздой; но человѣкъ, увѣренный въ одобреніи своей партіи, во всемъ, что служить общему интересу, скоро научается пренебрегать порицаніями своихъ противниковъ.

Умышленный обманъ, лжесвидѣтельство, по общему правилу, не предполагается. При обыкновенномъ порядкѣ вещей человѣку несвойственно предполагать, что свидѣтель говоритъ неправду сознательно или безсознательно, ибо говорить неправду вообще труднѣе и опаснѣе, чѣмъ показывать истину, и обыкновенно люди не ошибаются относительно личныхъ своихъ наблюденій, сохраняютъ ихъ въ памяти и способны выразить ихъ понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Обычный порядокъ человѣческаго свидѣтельства—согласіе въ существѣ при разногласіи въ подробностяхъ. Чистѣйшая ложь въ свидѣтельскихъ показаніяхъ встрѣчается рѣже, чѣмъ ложь, подбитая правдою. Есть ложь, не легко поддающаяся изобличенію, а иногда совсѣмъ неуловимая. Ее легче чувствовать чѣмъ выразить.

Въ большихъ центрахъ, гдѣ жизнь вообще достигаетъ извѣстной утонченности, и формы проявленія лжесвидѣтельства болѣе замысловаты, изворотливы. Въ глухой провинціи, среди простого народа, гдѣ дѣла бываютъ однообразны и несложны, и приемы изворотливости обвиняемаго также немудрые и почти всегда одни и тѣ же, какъ вытекающіе изъ непосредственнаго чувства самообороны. Кромѣ того, борьба съ правосудіемъ исторически выработала въ народѣ своего рода обычай, который передается по

традиции. Можно также усмаривать въ этомъ вліяніе тѣхъ подпольныхъ адвокатовъ, къ которымъ обращаются за совѣтомъ обвиняемые и которые всегда готовы за вознагражденіе выручить кліента изъ бѣды, пуская въ ходъ заѣзженные, испытанные уже способы защиты чрезъ лжесвидѣтелей, иногда таинственныхъ, если обстановка преступленія исключаетъ присутствіе свидѣтелей, которые умудрились какъ-то налету чрезъ разстояніе воспринять происходившее, такъ, напр., не только видѣть, проходя по улицѣ, чрезъ отворенную дверь, что дѣлается въ домѣ, но и слышать разговоры.

Всѣхъ лжесвидѣтелей можно раздѣлить на три категоріи 1) или они показываютъ завѣдомо вымышленные факты, 2) или они искажаютъ существующіе, хорошо извѣстные имъ факты, и 3) или они умышленно умалчиваютъ о нихъ. Мотивы для первыхъ—какой-нибудь, хотя отдаленный, интересъ или побужденіе въ исходѣ дѣла, слѣдовательно, въ исключеніи истины, особые отношенія къ заинтересованнымъ лицамъ—дружескія, родственныя, любовныя и другія близкія или обратныя имъ враждебныя отношенія, подкупъ въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ, т. е. ложь ради какихъ-либо для себя выгодъ иногда отрицательнаго свойства, напр., боязнь мести, опасеніе, по легкомыслію, запутаться въ дѣло и пр. Вторые и третьи примыкаютъ къ заинтересованнымъ лицамъ въ качествѣ пособниковъ.

Нечестность, корыстолюбіе свидѣтеля могутъ подѣйствовать на него, побуждая его ко лжи, къ профанаціи святилища правосудія. Наименѣе честный человѣкъ, если не находится подъ вліяніемъ соблазняющаго интереса, окруженный путами закона, подвергаясь стыду и наказанію за лжесвидѣтельство, не будетъ своимъ собственнымъ врагомъ настолько, чтобы безъ прибыли совершить опасное преступленіе. При доказанной нечестности свидѣтеля, проявившейся въ ложномъ свидѣтельствѣ, въ подлогѣ, надо изслѣдовать таковы ли обстоятельства его преступленія, чтобы подорвать его кредитъ въ представившемся дѣлѣ. Онъ далъ ложное показаніе, но онъ сдѣлалъ это для своей собственной защиты или для защиты дорогой ему особы. Слѣдуетъ ли отсюда, что, не имѣя никакого интереса, онъ рѣшится на то же преступленіе, чтобы подвергнуть опасности жизнь ему неизвѣстнаго человѣка. Разсматриваемое преступленіе было совершено имъ въ молодости: но болѣе 20, 30 лѣтъ его поведение безупречно. Можно ли предполагать, что человѣкъ пожертвуетъ своею совѣстію и рискнетъ своею

репутаціею честнаго человѣка изъ за ничтожной сравнительно съ его состояніемъ денежной выгоды.

Отвергать, какъ недостойное довѣрія свидѣтельство всякаго человѣка на основаніи самаго незначительнаго денежнаго интереса, который онъ можетъ имѣть въ спорномъ дѣлѣ,—это недоувѣріе унижающее, оскорбительное, которое предполагаетъ людей худшими, нежели они бываютъ на самомъ дѣлѣ при обыкновенномъ уровнѣ нравственности. Неужели всякій, даже незначительный денежный интересъ, долженъ уничтожить всякую честность! Если интересъ, понимая это слово въ наиболѣе общемъ смыслѣ, есть достаточный поводъ къ исключенію свидѣтельства, то нужно заключить, что всякое свидѣтельство, исходящее изъ человѣческихъ устъ, должно быть исключено, потому что еслибы не было интереса, т. е. никакого мотива, то не было бы и свидѣтельства.

Если свидѣтель имѣетъ интересъ въ дѣлѣ, заставляющій его лгать, то чѣмъ явственнѣе онъ выступаетъ, чѣмъ менѣе онъ замаскированъ хитросплетенною ложью, тѣмъ менѣе онъ опасенъ для судьи.

Но всматриваясь въ обыкновенный ходъ жизни, можно замѣтить, что нѣтъ возможности задумать или повести какое-либо предпріятіе, не прибѣгая къ указаніямъ лицъ, которыя заинтересованы относительно предмета въ денежномъ отношеніи такъ же сильно, какъ и свидѣтель, призываемый по юридическому дѣлу.

Если свидѣтель недобросовѣстенъ, то уловка, къ которой онъ прибѣгаетъ, будетъ не столько ложью, которая можетъ его компрометировать, сколько неопредѣленностію и туманностію выраженій, которыя ускользаютъ отъ обвиненія, потому что въ этомъ случаѣ онъ только подражаетъ естественной неспособности блѣднаго и спутаннаго пониманія. Онъ загромождастъ показаніе двусмысленными выраженіями, словами, неумѣстными фактами, побочными обстоятельствами, бесполезными подробностями, онъ распространяется о томъ, о чемъ его не спрашиваютъ, умалчиваетъ о томъ, что желаютъ отъ него знать; онъ укорачиваетъ или опускаетъ существенныя факты, загромождая ихъ полнѣйшимъ хаосомъ, онъ стремится запутать умъ; однимъ словомъ, стремится ускользнуть въ темнотѣ.

Умолчаніе о фактахъ, дѣйствительно существовавшихъ, можетъ быть и невинное, если оно ненамѣренное, и предсудительное, обманное, если свидѣтель сознаетъ вѣроятное вліяніе его на исходъ дѣла.

Если попадется одна только неопредѣленная, темная бессмысленная фраза, то недостатокъ ея замѣчается скоро; но когда количество ихъ увеличивается,—ясность уменьшается.

Всего чаще путанное показаніе бываетъ только уверткою. Къ нему прибѣгаютъ для того, чтобы говорить, ничего не высказывая, не подвергая себя тѣмъ опаснымъ послѣдствіямъ, которыя вызвало бы ко вреду допрашиваемаго его молчаніе.

Запутанное показаніе иногда производитъ такое же дѣйствіе, какъ и ложное показаніе; оно оставляетъ въ умѣ такую же ложную идею, какъ и умышленное сообщеніе.

Неумѣстныя свидѣтельства болѣе вредны, нежели лишнія. Послѣднія влекутъ за собою для сторонъ хлопоты, отсрочки, расходы, для судьи потерю времени; но первыя, кромѣ этихъ неудобствъ, заволакиваютъ процессъ въ туманъ, создаютъ обстоятельства, среди которыхъ блуждаютъ, утомляютъ умъ судьи, такъ какъ работа ума, продолжаясь, дѣлается труднѣе, пробуждаютъ въ умѣ судьи часто непоправимую нерѣшительность, тоскливое сомнѣніе и угрожаютъ опасностію дурно понять дѣло и постановить ошибочное рѣшеніе, а виновнику этого хаоса даютъ надежду на то, что усталость вызоветъ изнеможеніе и что свѣтъ никогда не пробьется чрезъ эту массу мрака. Зло это еще значительнѣе по отношенію къ присяжнымъ, потому что лица, исполняющія эти обязанности, имѣя менѣе опытности, нежели коронныя судьи, не знаютъ какъ выдти изъ этого лабиринта. Неумѣстныя и лишнія свидѣтельства суть главные источники путаницы и бесполезнаго труда.

Въ огромной массѣ свидѣтельствъ старается спастись недобросовѣстный тяжущійся, и чѣмъ болѣе онъ накапливаетъ бесполезнаго, тѣмъ труднѣе замѣтитъ, что упущено имъ существеннаго.

Всякое свидѣтельство, по обстоятельствамъ дѣла, можетъ оказаться излишнимъ; но есть одно такое, которое за исключеніемъ особеннаго случая, когда не существуетъ никакого физическаго и нравственнаго доказательства, заслуживаетъ исключительно это названіе—это показаніе по слуху, источникъ происхожденія котораго не существуетъ.

Сказать о свидѣтельствѣ, что оно неумѣстно, значитъ сказать, что оно чуждо дѣлу, не имѣетъ съ нимъ связи, не служитъ доказательствомъ спорнаго факта, словомъ, что это не есть свидѣтельство. Сказать, что оно лишнее значитъ утверждать, что если

бы оно было допущено. то ничего не прибавилось бы къ дѣйствию другихъ свидѣтельствъ, что оно ни въ чемъ не могло содѣйствовать раскрытію истины.

Но и молчаніе свидѣтеля дѣйствуетъ какъ улика.

Оно является большимъ зломъ, потому что оно можетъ повлечь за собою безнаказанность одного или многихъ преступниковъ. Оно можетъ быть послѣдствіемъ различныхъ мотивовъ, на пр., озлобленія, ненависти, вознагражденія, ложнаго чувства чести, дружбы, духа партіи и т. п.

Во власти судьи устранить неумѣстныя и излишнія свидѣтельства кроется опасности не болѣе, нежели въ тѣхъ правахъ, которыя необходимо ему предоставить и которыя составляютъ сущность его обязанностей.

Публичность служить охраною противъ произвола. Это право судьи необходимо, ибо еслибы оно не существовало, то во многихъ дѣлахъ богатый человѣкъ могъ бы подавить своего противника отсрочками, притѣсненіями и расходами.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что исключеніе свидѣтелей никогда не бываетъ полезно для достиженія прямой цѣли правосудія, но оно можетъ имѣть мѣсто иногда для побочной цѣли, какъ меньшее зло, которому надо подчиняться для избѣжанія большаго зла, какъ, напр., отсрочки, расходы, которые произошли бы вслѣдствіе допущенія тѣхъ или иныхъ свидѣтелей.

Производныя доказательства: а) свидѣтельство послуху.

Свидѣтельство по слуху относится къ числу доказательствъ, по преимуществу, излишнихъ.

Свидѣтель, показывающій на судѣ по слуху передаетъ не то, что онъ видѣлъ и слышалъ непосредственно самъ, но что было сообщено ему другимъ, передаетъ чужое показаніе, отражаетъ лишь эхо. Показаніе по слуху представляетъ всегда двухъ свидѣтелей—того, кто говоритъ передъ судьей, и того, кто предполагается первоначальнымъ внѣсудебнымъ свидѣтелемъ со всѣми причинами подозрѣнія, связанными съ каждымъ изъ нихъ. На судѣ является, такимъ образомъ, показаніе лица, невызваннаго въ качествѣ свидѣтеля. Это есть, слѣдовательно, доказательство не оригинальное, а производное, второстепенное, безприсяжное свидѣтельство.

Характеристическій обманъ свидѣтельства по слуху можетъ быть отъ того, что рассказчикъ о мнимомъ фактѣ, ложномъ вполнѣ или отчасти, внѣ суда увѣренъ, что не подвергнется ни перекрестному допросу, ни наказанію за ложь.

При опредѣленіи достоинства такого рода доказательствъ судья приходится критически относиться не только къ произведенному имъ самимъ умственному процессу, но и къ умственной работѣ тѣхъ лицъ, чрезъ посредство которыхъ онъ воспринимаетъ данныя доказательства. Эти посредники могутъ пропустить какое-либо существенное обстоятельство, могутъ сдѣлать ошибку относительно смысла слышаннаго ими, могутъ быть неточны въ рассказѣ по недостатку памяти, въ особенности, если рассказъ довольно обширный.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать свидѣтельство по слуху съ свидѣтельствомъ о томъ, что свидѣтель, дѣйствительно, слышалъ. Последнее несомнѣнно должно быть допускаемо. Если свидѣтель можетъ указать откуда данный слухъ идетъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ полученъ имъ, хотя бы онъ и не зналъ имени рассказчика, и если слухъ важенъ, то здѣсь есть указаніе на новое доказательство, которое и можетъ быть добыто въ порядкѣ, установленномъ закономъ. Хотя свидѣтель и не долженъ говорить того, что составляетъ достояніе такъ называемой народной молвы, но и она можетъ служить указательнымъ доказательствомъ, которое можетъ быть провѣрено чрезъ дознаніе. Но не слѣдуетъ забывать, что часто практикуется пусканіе въ народъ слуховъ, въ особенности по большимъ громкимъ дѣламъ, напр., по убійствамъ, захватывающимъ общій интересъ даннаго населенія, которые потомъ свидѣлствуются передъ лицомъ правосудія подосланными людьми.

Когда обвиняемому приходится считаться съ свидѣтелями, когда ему нужно обезсилить улики, запутать дѣло, дать ему ложное направленіе, то обыкновенно пускаютъ въ ходъ всѣ чары, иногда весьма дешевыя—кумовство, магарычи, обѣщанія или и одну просьбу—не топить человѣка для того, чтобы подкупить ихъ совѣсть, а времени и возможности для совѣщаній съ ними достаточно, потому что всѣ они нерѣдко изъ одной мѣстности. Подсудимые, ихъ родственники, друзья и соучастники выдумываютъ цѣлыя легенды, иногда чудовищныя по своей неправдоподобности.

При обстоятельствахъ, сильно волнующихъ страсти, городъ переполняется ропотомъ; разсказы, жалкая масса слуховъ, сначала разнорѣчивыхъ, пріобрѣтають мало-по-малу однообразіе, исторія улаживается; вѣра однихъ образуетъ вѣру другихъ, частное заблужденіе производитъ заблужденіе публики, а заблужденіе публики, въ свою очередь, пораждаетъ заблужденіе частныхъ лицъ; слухи принимаются на вѣру простодушнымъ народомъ, а досужія кумушки городскихъ захолустій разносятъ ихъ по всему свѣту.

Такъ формируется это зданіе при переходѣ изъ рукъ въ руки. Но скоро выясняется какое значеніе имѣетъ шумъ толпы. Если на общественное мнѣніе повліяли слухи, благопріятные подсудимымъ, то подсудимые начинаютъ проводить свою политику и въ слѣдствіе, указывая обыкновенно въ прошеніяхъ на свидѣтелей, которые могутъ показать сущую правду. Эти свидѣтели обыкновенно ссылаются на другихъ, которые, будто бы, признавались, что все знаютъ, выдавали себя за очевидцевъ. Но когда судьи совѣсти среди этого броженія начнутъ производить болѣе полное изслѣдованіе, то все, что говорили и повторяли съ довѣріемъ, никто не можетъ доказать собственнымъ свидѣтельствомъ, обнаруживается, что все, что говорили, есть или слухъ, пущенный обвиняемымъ, или оболтнулъ иногда пьяный мужикъ изъ бахвальства или по глупости, свидѣтели, на которыхъ ссылались какъ на очевидцевъ, заявляютъ, что говорили то или другое въ видѣ предположенія или передавали циркулирующій слухъ, который вышелъ неизвѣстно изъ какого источника и сдѣлался общимъ достояніемъ. Такъ было, напр., въ Тулузѣ подѣлу Каласа, гдѣ со всѣхъ сторонъ раздавались вопли негодованія противъ него, однако не нашлось ни одного, который явился бы въ судъ, чтобы дать показаніе отъ своего имени, и всеобщая молва, заявлявшая объ убѣдительныхъ доказательствахъ, не представила ни одного даже указанія на первоначальнаго свидѣтеля и имя его осталось даже неизвѣстнымъ, а между нимъ и свидѣтелемъ, дававшимъ показаніе, было пять посредниковъ.

Остальные свидѣтели, даже и непрошенные, сами склоняются въ пользу обвиняемаго, чтобы не итти въ разрѣзъ съ большинствомъ и не казаться пристрастными. Иногда слухи возникаютъ и изъ обыкновенныхъ разговоровъ, въ которыхъ ложныя обвиненія бывають чаще, чѣмъ справедливыя. Но какая разница между злословіемъ, перебирающимъ мелкіе грѣхи, и юридическими обвиненіями по важнымъ преступленіямъ! Въ одномъ случаѣ омѣло

выставляют факты и соображенія, потому что ни за что не отвѣчают и мало придаютъ значенія сказанному, рѣшаютъ на удачу, по тщеславію, лѣнности, легкомыслію. Но когда дѣло идетъ о показаніи на судѣ, если отбросить увлеченіе интересомъ и страстью, то и самые легкомысленные свидѣтели становятся совѣстливыми; они чувствуютъ, что честь ихъ затронута и что ложное показаніе подвергаетъ ихъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Въ сущности—это заурядная человѣческая неправда, неточность, склонность къ преувеличеніямъ, изъ которой рождается такъ называемая сплетня. Но если и въ обыденной жизни эти развиватели и разносители сплетни вредны и вообще не желательны, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать, когда затрагиваются интересы правосудія. Всѣмъ очевидно, что это вздоръ, не стоящій никакого вниманія, и сами свидѣтели это знаютъ, однако попадаютъ люди, которые полуумышленно, полубезсознательно, просто изъ любви къ искусству вадорныя обстоятельства передаютъ какъ нѣчто важное, и въ дѣло закрадывается какое-то сомнѣніе, которое какъ бы оно ни было мало, подобно червю подтачиваетъ общее построеніе уликъ. Опасны поэтому свидѣтельскія показанія, которыя не обнаруживаютъ источника, изъ котораго они заимствуютъ передаваемые ими свѣдѣнія.

Еще можно прибѣгать къ слуху въ исключительномъ случаѣ, когда, по выслушаніи оригинальнаго свидѣтельства, высшаго источника достовѣрности, къ нему обращаются, чтобы воспользоваться имъ какъ пробнымъ камнемъ для испытанія правдивости перваго, напр., если свидѣтель показываетъ, что извѣстный фактъ происходилъ предъ его глазами, то слухомъ можно воспользоваться для того, чтобы провѣрить согласно ли его показаніе съ тѣмъ, что онъ говорилъ по случаю другимъ лицамъ.

б) другія производныя доказательства.

Если внѣсудебный рассказъ свидѣтеля представляется противною стороною, если первоначальный рассказикъ является въ дѣлѣ стороною, сошлется на свой внѣсудебный рассказъ, относящійся къ спорному дѣлу, или потребуетъ допроса свидѣтеля о томъ, что онъ слышалъ отъ него, хотя это свидѣтельство предполагается благопріятнымъ для его дѣла, то этотъ слухъ долженъ быть допущенъ, какъ доказательство, причемъ, само собою разу-

мѣется, что противная сторона будетъ имѣть возможность провѣрить его.

Если же онъ не сторона въ дѣлѣ и при томъ онъ не можетъ быть вызванъ въ судъ, то показаніе о слышанномъ отъ него не можетъ быть допускаемо. Но рассказъ по слуху долженъ быть допущенъ, если первоначальный рассказчикъ умеръ или не можетъ быть допрошенъ по болѣзни или вслѣдствіе дальнейшей отлучки, если надо его подтвердить въ случаѣ нападенія на него. Показаніе о слухахъ, представляемое или самою стороною или посредствомъ другого лица, какъ показаніе въ ея пользу, очень подозрительно. Однако, если эти свидѣтельства совпадаютъ съ другими побочными доказательствами, то ими могутъ быть пополнены пробѣлы, чрезъ которые весь рассказъ могъ показаться невѣроятнымъ и запутаннымъ.

Къ числу производныхъ доказательствъ можно отнести, кромѣ того, напр., показанія понятыхъ или лицъ, участвовавшихъ въ составленіи протоколовъ, излагающихъ содержаніе протокола въ устной формѣ, или утвержденіе свидѣтеля о томъ, что онъ видѣлъ и удержалъ въ своей памяти содержаніе письменнаго доказательства или вещественное доказательство, которое не представлено на судъ, копіи документовъ, если не доказано, что подлинный документъ утерянъ, уничтоженъ или почему-либо не можетъ быть полученъ отъ лица, владѣющаго имъ, показанія третьихъ лицъ со словъ родственниковъ или вообще близкихъ къ обвиняемому лицъ, которыя, впрочемъ, могутъ служить указаніемъ для дальнѣйшаго разслѣдованія, заявленіе умершаго лица противъ его же интересовъ, т. е. доказательство, основанное на томъ, что нѣтъ возможности предполагать, чтобы лицо ложно дѣлало заявленіе противъ собственнаго интереса.

Всѣ подобныя низшія доказательства надо исключить, когда безъ преобладающаго неудобства можно добиться высшихъ, первоначальныхъ, доказательствъ. Устное, напр., изложеніе протокола болѣе отдаляетъ судью отъ объекта осмотра, нежели самый протоколъ, планъ мѣстности или снятая фотографія. Каждый источникъ между первоначальнымъ источникомъ и судьей увеличиваетъ шансы на ошибку. Всякое второстепенное доказательство слабѣе первоначальнаго, невыгодно для стороны, его представившей, если при томъ же оно не составляетъ единственнаго средства къ открытію истины и не имѣетъ цѣлю служить способомъ про-

вѣрки разнообразныхъ разсказовъ объ одномъ и томъ же событіи со стороны лица, выдающаго себя за свидѣтеля-очевидца.

Если сторона представляетъ въ судъ производное доказательство, имѣя возможность представить первоначальное, то является предположеніе, что она хочетъ что-то упрятать отъ судей, ввести ихъ въ заблужденіе, что первоначальное доказательство почему либо неудобно для нея, да и достовѣрность первоначальнаго доказательства ничѣмъ не доказана, ибо если напр. „А“ говорить, что слышалъ отъ „Б“, то можетъ еще быть, что „Б“ солгалъ.

Свидѣтели--очевидцы преступленія.

Однимъ изъ главнѣйшихъ первоначальныхъ доказательствъ является показаніе свидѣтеля—очевидца. Онъ наблюдалъ преступленіе своими собственными чувствами; онъ все или почти все видѣлъ и знаетъ; онъ указываетъ виновнаго, мѣсто совершенія преступленія и обстоятельства, при которыхъ оно совершено. Отъ его взора могли укрыться лишь нѣкоторые субъективные, внутренніе моменты—мотивъ, цѣль совершенія преступленія. Поддаться впечатлѣнію его разсказа слишкомъ легко. Конечно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ свидѣтели—очевидцы говорятъ правду. Но, хотя и изрѣдка, и они могутъ говорить неправду, и потому и ихъ показанія должны подлежать объективной провѣркѣ чрезъ осмотръ мѣстности, чрезъ распросъ его о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя привели его на мѣсто наблюденія, о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ему приходилось преодолевать для того, чтобы получить возможность наблюдать, о томъ освѣщеніи, при которомъ происходило наблюденіе и т. п.

По многимъ дѣламъ свидѣтелями—очевидцами являются лица, потерпѣвшія отъ преступленія. Если нѣтъ особенно вѣсскихъ данныхъ, то свѣдѣнія о характерѣ потерпѣваго отъ преступленія лица, точно также, какъ и обвиняемаго, получаютъ иногда самое существенное значеніе.

Личность потерпѣваго можетъ быть повѣрена на судъ чрезъ оцѣнку всего того матеріала, который онъ вноситъ въ дѣло, что не можетъ быть ни неумѣстнымъ, ни излишнимъ, чрезъ оцѣнку внутренняго достоинства сообщенныхъ имъ фактовъ, его отношеній къ обвиняемому, къ другимъ свидѣтелямъ. Иногда бываетъ умѣстно провѣрить личныя его качества и даже прежнюю жизнь

въ неограниченныхъ предѣлахъ, если этимъ могутъ установиться важныя для дѣла обстоятельства. Такая провѣрка иногда является скрытною во время перекрестныхъ допросовъ, причемъ стороны не останавливаются и передъ такими вопросами, которые затрогиваютъ личность его не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ личность обвиняемаго.

Часто вообще подъ предлогомъ оцѣнки свидѣтельскаго показанія предлагаются вопросы о прежней жизни свидѣтеля, о личныхъ его качествахъ. Такіе вопросы, имѣющіе цѣлію опорочить свидѣтельское показаніе и ослабить его значеніе, не могутъ быть допускаемы, если это не необходимо для отвода свидѣтеля. Они часто бываютъ бесполезны, почти всегда оскорбительны и мучительны для свидѣтеля, который вправѣ требовать, чтобы личность его и частная жизнь были уважаемы на судѣ.

Противорѣчія и пропуски въ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Для судьи совѣсти самымъ цѣннымъ является показаніе свидѣтеля, который вавѣшивааетъ каждое слово, стойко держится одного и того же мнѣнія, согласіе или несогласіе его показанія на судебномъ слѣдствіи съ тѣмъ, что онъ говорилъ при дознаніи или на предварительномъ слѣдствіи. Иногда тѣ свидѣтели, которые при дознаніи или на предварительномъ слѣдствіи прямо изобличали обвиняемаго, на судѣ даютъ уклончивыя показанія. Свидѣтели, которые не могли не знать обстоятельствъ дѣла, отговариваются полнымъ невѣдѣніемъ.

Если свидѣтель не только разнорѣчитъ съ прежнимъ своимъ показаніемъ, но упорно утверждаетъ, что онъ никогда не говорилъ того, что записано въ протоколѣ его допроса, то въ такого рода случаяхъ суду предстоитъ лишь вѣрить протоколу слѣдователя.

Противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей—существенный признакъ, возбуждающій недовѣріе къ нимъ; они имѣютъ серьезное значеніе. Но при этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что для признанія существованія противорѣчія недостаточно подмѣтить противорѣчіе въ нѣсколькихъ разновременно данныхъ показаніяхъ одного и того же свидѣтеля или несогласіе показаній разныхъ свидѣтелей между собою или съ другими показаніями, а нужно выяснить причину его. Важно знать, когда, именно, даны они, такъ какъ въ теченіе долгаго промежутка времени частности могутъ изгладиться изъ памяти свидѣтеля. Память въ этомъ дѣлѣ играетъ большую роль.

Можно требовать, чтобы не было противорѣчій въ изложеніи главныхъ фактовъ, но нельзя ожидать, чтобы свидѣтель помнилъ всѣ подробности, и не возможно его уличать во лжи на томъ основаніи, что онъ или просто забылъ или ошибся въ изложеніи деталей. Самый искренній свидѣтель можетъ сдѣлать ошибку и самъ поправить себя. Но это не значить противорѣчить себѣ; напротивъ, онъ покажетъ этимъ уваженіе къ истинѣ и пріобрѣтетъ наибольшее право на уваженіе другихъ и довѣріе. Онъ говоритъ передъ людьми, которые по опыту знаютъ эти минутныя ошибки, отъ которыхъ нечего краснѣть. Необходимо въ виду этого, чтобы во всѣхъ случаяхъ, а въ особенности въ тѣхъ, когда представляются косвенныя доказательство, не давать большой вѣры свидѣтельскимъ показаніямъ, относящимся къ преступленіямъ, послѣ совершенія которыхъ прошло много времени.

Но если свидѣтель отвѣчаетъ только на вопросы той стороны, которая его вызвала, если онъ помнитъ изъ недавно прошедшаго главные факты и не помнитъ второстепенныхъ, то это прямо доказываетъ, что онъ боится сдѣлать ошибку и тѣмъ самымъ обнаружить обманъ. Лживость эта еще болѣе бросается въ глаза, если свидѣтель помнитъ все то, что совершилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и забылъ всѣ событія, которыя имѣли мѣсто наканунѣ засѣданія. Знаменитый англійскій ораторъ Шериданъ въ 1787 году сказалъ въ палатѣ общинъ: „мнѣ не нравится память Макдональда, который помнитъ отчетливо все, что касается фактовъ, имѣвшихъ мѣсто пять лѣтъ тому назадъ, и не помнитъ ничего изъ событій послѣдняго времени“.

При несогласіи показанія свидѣтеля съ показаніями другихъ свидѣтелей нужно еще выяснить, нельзя ли объяснить существованіе этого несогласія различными положеніями, въ которыхъ находились свидѣтели, относятся ли эти противорѣчія къ однимъ и тѣмъ же фактамъ и не слѣдуетъ ли объяснить существованіе ихъ личными качествами свидѣтеля.

Когда свидѣтели взаимно себѣ противорѣчатъ, судья долженъ употребить въ дѣло критическую свою способность и оцѣнить характеръ каждаго свидѣтеля и согласіе или несогласіе его показанія съ обстоятельствами дѣла, послѣ чего онъ долженъ болѣе вѣроятное принять, а менѣе вѣроятное отвергнуть; при предположеніи же, что всѣ эти свидѣтели имѣютъ одинаковое достоинство, показаніе большинства принять за наиболѣе согласное съ истиною.

Сговоръ свидѣтелей становится затруднительнѣе съ увеличеніемъ обстоятельствъ, о которыхъ они показываютъ, причемъ въ случаѣ лжи увеличивается возможность противорѣчій, отъ которыхъ не можетъ предохранить лжесвидѣтелей никакая осторожность и которыя всегда считались доказательствомъ лживости показанія, потому что гораздо труднѣе сохранить связь и послѣдовательность въ вымышленномъ разсказѣ, подтверждаемомъ нѣсколькими сговорившимися лицами.

Поэтому лжесвидѣтели очень неохотно вдаются въ подробности,

Если въ разсказахъ разныхъ лицъ о томъ же происшествіи встрѣчаются измѣненія, касающіяся незначительныхъ подробностей, то это не можетъ считаться признакомъ обмана или доказательствомъ лжи, не можетъ возбуждать серьезнаго сомнѣнія, если ихъ разсказы въ отношеніи серьезныхъ обстоятельствъ, главныхъ событій согласны между собою, если эти противорѣчія нельзя приписать предубѣжденію или дурнымъ побужденіямъ, потому что люди безконечно разнообразны въ отношеніи природныхъ способностей, пріобрѣтенныхъ привычекъ въ наблюденіи, вѣрной памяти и точнаго разсказа, умственнаго и нравственнаго образованія.

Когда нѣсколько лицъ разсказываютъ о какомъ-либо происшествіи, то почти всегда можно отыскать дѣйствительное или воображаемое противорѣчіе въ ихъ разсказахъ.

Пропускъ какого-либо обстоятельства въ разсказѣ свидѣтеля еще менѣе можетъ служить причиною недовѣрія къ его показанію, которое является безупречнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, ибо умъ и вниманіе человѣка до того сильно могутъ быть заняты извѣстнымъ фактомъ, что нѣкоторые второстепенныя обстоятельства совсѣмъ упускаются изъ виду или забываются. Но иногда умолчаніе имѣетъ значеніе утайки.

Нѣкоторыя особыя причины правдивости и лживости свидѣтельскихъ показаній.

Лицо, занимающее видное общественное положеніе и пользующееся репутаціею честнаго человѣка, заслуживаетъ довѣрія, пока не будетъ доказана лживость его словъ. Но, съ другой стороны, наврядъ ли можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ человѣку, который не имѣетъ опредѣленныхъ занятій и перебивается изо дня въ день.

Свидѣтель, которой не находится въ матеріальной зависимости отъ сторонъ, можетъ дать болѣе безпристрастное показаніе, чѣмъ свидѣтель, который состоитъ у обвиняемаго на хлѣбахъ изъ милости или служить лакеемъ въ его домѣ. Безспорно, что и въ его словахъ можетъ быть истина; но если его показаніе находится въ рѣзкой противоположности съ прочими данными дѣла, то есть основаніе скептически отнестись къ его объясненію.

Мало вѣроятія въ показаніи свидѣтеля, который застаётъ правосудіе врасплохъ, когда нѣтъ возможности узнать что-либо о немъ самомъ, взвѣсить его показаніе, особенно, если онъ является въ судебное засѣданіе спустя болѣе или менѣе долгое время послѣ начала процесса и притомъ по дѣлу, взволновавшему общество не въ большомъ городѣ, гдѣ всякій шумъ затихаетъ быстро и уносится въ общемъ вихрѣ, а въ малонаселенной мѣстности, гдѣ преступленіе не можетъ не казаться изумительнымъ и не вызывать всеобщихъ усилій, съ которыми стучатся во всѣ двери, доканываясь у всякаго встрѣчнаго и поперечнаго—не знаетъ ли онъ чего-нибудь, когда притомъ отношенія его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ особыя. Если онъ, дѣйствительно, знаетъ о преступленіи, то, конечно, не сталъ бы молчать.

Число свидѣтелей.

Когда мы имѣемъ передъ собою одно свидѣтельское показаніе, оно насъ не убѣждаетъ въполнѣ, если свидѣтель намъ въполнѣ не извѣстенъ. Такое единичное показаніе даетъ только весьма малую вѣроятность; мы ищемъ другихъ свидѣтельствъ.

Въ дѣйствительной жизни мы часто основываемся на разсказѣ одного свидѣтеля, если мы наблюдали его въ разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ жизни, если признаемъ его за человека, обладающаго необходимыми условіями для точнаго и правдиваго показанія, наивѣрнѣйшими признаками достовѣрности, если онъ свидѣтельствуетъ о событіи вообще возможномъ и его свидѣтельство подтверждается независимыми фактами, противъ достовѣрности которыхъ нѣтъ ни одного противоположнаго показанія. Но если взять во вниманіе всевозможные шансы заблужденія вплоть до галлюцинацій, то придется заключить, что, съ точки зрѣнія строго научной, достовѣрность будетъ добыта нами только тогда, когда мы будемъ имѣть передъ собою идеальнаго свидѣ-

теля, который однако есть только абстракція. Слѣдовательно, мы получаемъ отъ свидѣтеля только вѣроятность.

Увеличивая число свидѣтелей, мы вычитаемъ причины случайныя (фізіологическую, интеллектуальную негодность) и причины, отклоняющія свидѣтелей отъ правдиваго показанія (страсти, интересы, предразсудки), пока не достигнемъ такого числа свидѣтелей, которое, по нашему мнѣнію, наконецъ, обезпечиваетъ намъ чистоту свидѣтельскаго показанія.

Умноженіе числа свидѣтелей представляетъ гарантію не потому, что число само по себѣ имѣетъ значеніе, но потому, что оно въ глазахъ нашихъ освобождаетъ свидѣтельство отъ причинъ, нарушающихъ правдивость.

Съ увеличеніемъ числа свидѣтелей безконечно уменьшается вѣроятность того, чтобы однѣ и тѣ же причины могли одинаково вліять на всѣхъ, чтобы всѣ свидѣтели сговорились насъ обмануть и поголовно говорить ложь, чтобы всѣ они имѣли одни и тѣ же пороки, одни и тѣ же недостатки ума и наблюдательности, чтобы всѣ они ошибались, несмотря на разность ихъ лѣтъ, положеній и отношеній, на связывающую ихъ присягу, между тѣмъ какъ нѣсколько свидѣтелей могутъ заучить наизусть краткую исторію и не противорѣчить другъ другу.

Если признать, что всѣ свидѣтели говорятъ ложь, то въ дѣлѣ останется пробѣлъ, который трудно будетъ чѣмъ-либо пополнить.

Показаніе умирающаго свидѣтеля.

Непубличный допросъ судьей умирающаго хотя и ниже по достоинству допроса его въ судѣ, но все же лучше, нежели совершенное отсутствіе этого доказательства, въ особенности, если фактъ не можетъ быть установленъ другими доказательствами. Главная опасность заключается въ совершенной потерѣ доказательства вслѣдствіе смерти. Это показаніе, полученное непосредственно, хотя и не имѣетъ всѣхъ гарантій публичнаго показанія, однако лучше, нежели всякіе другіе виды доказательствъ, происходящихъ изъ того же источника, напр., случайнаго письменнаго документа опрашиваемаго лица или показанія по слуху отъ окружавшихъ его лицъ.

Заявленіе, данное лицомъ передъ смертію, если оно признавало наступающую смерть, даетъ возможность предполагать, что

это заявленіе не лживо, хотя и умирающій можетъ дать ложное показаніе невольно, по заблужденію. Вообще же его показаніе можетъ имѣть силу только въ такомъ случаѣ, когда предварительно будетъ доказано свободное состояніе его умственныхъ способностей во время совершенія того акта, къ которому это показаніе относится, потому что всегда умирають отъ сильныхъ болѣзней, которыя непремѣнно отражаются на сознаніи и мысли, здоровомъ умѣ и твердой памяти, что и дѣлаетъ подозрительными всѣ акты, совершенные близъко къ смерти. Есть однако много примѣровъ, гдѣ больные разстаются съ жизнію въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Вообще въ болѣзняхъ, отъ которыхъ умирають, человѣкъ или безусловно лишается сознанія или, что бываетъ рѣже, болѣзнь вовсе не касается его умственныхъ способностей. Но всего чаще бываетъ смѣшанное состояніе, когда въ сознаніи его дѣйствительное мѣшается съ вымышленнымъ, настоящее съ прошедшимъ и когда человѣкъ едва опомнится, какъ предъ его глазами снова пробѣгаютъ фантастическія идеи и образы, какъ бы въ дремотѣ, и акты, составленный въ такомъ состояніи, не имѣетъ никакой силы.

Показаніе дѣтей.

Сплошь и рядомъ краеугольнымъ камнемъ обвиненія являются показанія дѣтей. Показанія эти не достовѣрны, потому что дѣти не имѣють достаточной степени разумѣнія смысла присяги и не понимаютъ того, что говорятъ, не могутъ отчетливо усвоить предмета ихъ наблюденій, а кромѣ того постороннія лица могутъ оказывать на нихъ слишкомъ большое вліяніе. Но, съ другой стороны, передъ взрослыми дитя имѣетъ много преимуществъ: оно еще непорочно, не научилось въ школѣ жизни хитрить, лицемерить, продавать свою совѣсть и упорно заператься не краснѣя, несмотря ни на какія улики. Дѣти видятъ и слышатъ многое, такъ какъ, надѣясь на ихъ развитіе, взрослые, забывая осторожность, даютъ волю своему языку. Дѣти даютъ объясненія столь ясныя, что невольно вселяютъ къ себѣ довѣріе.

Показаніе слѣпыхъ.

Въ судѣ слѣдуетъ обращать вниманіе и на слѣпоту, особенно, если съ нею тѣсно связано нарушеніе обязанности, причѣмъ

слѣдуетъ обращать вниманіе на то — отъ рожденія ли потеряно зрѣніе или впоследствии. Мышленіе о предметѣ становится яснѣе, когда мы смотримъ на него. Слепой можетъ имѣть понятіе о самыхъ сложныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Слепота не можетъ имѣть такихъ послѣдствій, какъ глухонѣмота.

Показаніе нѣмыхъ и глухонѣмыхъ.

Нѣмые не всегда вмѣстѣ съ этимъ бываютъ глухіе и могутъ посредствомъ слуха получать понятіе о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, могутъ научиться читать и писать и потому могутъ пользоваться гражданскими правами.

Глухонѣмые отъ рожденія потому нѣмы, что никогда не слышали звуковъ. Глухонѣмые въ правовомъ отношеніи, какъ умственно несостоятельные и слабые, должны занимать равную степень съ тупоумными, если они не получили никакого образованія. Они не только мало развиты, стоятъ на низшей степени развитія, но у нихъ и самый головной мозгъ бываетъ пораженъ. Поэтому нельзя ожидать, чтобы они наравнѣ съ другими могли понимать права и обязанности, хотя изрѣдка они и достигаютъ значительнаго психическаго развитія. Но въ подобныхъ случаяхъ проявляется болѣе инстинктивность, чѣмъ произволь. Жизнь и наука доказали, что способности ихъ настолько слабы, что ихъ нельзя убѣдить въ необходимости законовъ и справедливости наказаній. Даже образованные изъ нихъ съ трудомъ понимаютъ это, потому что и самое лучшее образованіе не можетъ возмѣстить пробѣлъ, образуемый въ духовной жизни глухонѣмага невозможностію для него воспользоваться посредствующимъ и животворнымъ элементомъ рѣчи обмѣниваться содержаніемъ собственнаго сознанія съ такимъ же содержаніемъ другихъ людей. Образованные глухонѣмые должны быть приравняемы къ слабоумнымъ, которые отличаются отъ тупоумныхъ тѣмъ, что первые хотя и не лишены способности образованія абстрактныхъ, сверхчувственныхъ представленій и сужденій, но эта способность недостигаетъ того богатства и ясности, какимъ отличается у здоровомыслящихъ, тупоумные же лишены этой способности.

Показаніе тупоумныхъ.

При высшей степени тупоумія почти совсѣмъ не совершается умственныхъ процессовъ. Воспріятіе чувственныхъ впечатлѣній

ограничивается предметами, удовлетворяющими потребностямъ желудка, которыя составляютъ центръ всѣхъ психическихъ процессовъ и побуждаютъ къ инстинктивному движенію. Половаго стремленія нѣтъ или оно мало развито.

При меньшей степени тупоумія половое стремленіе является уже развитымъ, но способъ его удовлетворенія напоминаетъ собою животныхъ. Въмѣсто сознательнаго съ опредѣленною цѣлію стремленія замѣчается простая наклонность къ движенію; только съ помощію большого навыка движенія могутъ быть приспособлены къ какому-нибудь механическому производству. Тупоумный пребываетъ въ лѣнивомъ покоѣ. Весь его внѣшній видъ носитъ отпечатокъ дряблости, отсутствія энергіи, истекающей главнымъ образомъ отъ того, что у него инервация разгибающихъ мышцъ слабѣе, чѣмъ у нормальнаго человѣка.

Сколько не разнообразны степени тупоумія, тѣмъ не менѣе отличительная черта его отъ слобоумія будетъ заключаться въ томъ, что при тупоуміи отрывочныя, скудныя представленія никогда не могутъ отрѣшиться отъ чувственного элемента, что при немъ не можетъ быть способности создавать общія представленія и понятія, абстракціи отъ чувственно-конкретнаго. Воспроизведеніе сколько-нибудь сложныхъ представлений весьма несовершенно и слѣдуетъ лишь за внѣшнимъ возбужденіемъ или за внутреннимъ ощущеніемъ какой-либо чувственной потребности. Цѣлый рядъ представлений возникаетъ и развивается лишь механически. Къ душевнымъ движеніямъ вполнѣ тупоумный не способенъ; въ сочувствіи къ ближнимъ, въ соціальныхъ чувствахъ ему отказано; въ немъ нѣтъ даже и потребности къ соціальной жизни; онъ пользуется ея благодѣяніями безъ всякаго этического пониманія ея значенія. Реакція въ немъ выражается лишь когда его жалкое „я“ испытываетъ какое-либо стѣсненіе и при этомъ сильными аффектами гнѣва, совершенно поглашающими его и выходящими по-звѣрски далеко за предѣлы предположенной цѣли, ярости, бѣшенства, во время котораго сознаніе уничтожается совершенно и о которомъ не остается впослѣдствіи никакихъ воспоминаній. Иногда эти пароксизмы появляются безпричинно и періодически.

Въ большинствѣ случаевъ уголовныя дѣла тупоумныхъ обусловливаются такими патологическими аффектами, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются крайне звѣрскимъ образомъ убійства, наносятся тѣлесныя поврежденія, разрушается мебель. Часто сильныя чувственныя желанія становятся въ тупоумныхъ непреодо-

лимыми, вслѣдствіе количественнаго усилія естественныхъ стремленій, особенно полового, а также вслѣдствіе полного отсутствія у нихъ нравственныхъ, этическихъ, сдерживающихъ представленій.

Къ представленіямъ, совершаемымъ по опредѣленному плану, требующимъ обдуманности, разсчета, тупоумный не способенъ. Относящаяся сюда казуистика состоитъ изъ преступленій противъ нравственности, жертвами которыхъ бываютъ дѣти и женщины; нерѣдко также при недостаточномъ надзорѣ за тупоумными ими нарушается общественное приличіе, тишина и спокойствіе. Поджоги являются не столько дѣломъ мести или злобы, сколько слѣдствіемъ необдуманной дѣтской забавы огнемъ, дѣтскаго удовольствія смотрѣть на огонь безъ сознанія того значенія, какое имѣетъ дѣяніе и грозящая отъ него опасность; нерѣдко также поджогъ совершается вслѣдствіе подражанія вызваннаго видѣннымъ огнемъ.

Показаніе слабоумныхъ.

Слабоуміе составляетъ посредствующее звено между тупоуміемъ и здравоуміемъ. Душевная жизнь слабоумнаго по складу и содержанію рѣзко отличается качественно отъ такой же жизни тупоумнаго, между тѣмъ какъ отъ душевной жизни здравомыслящаго она разнится лишь количественно, и весьма понятно какъ разнообразны должно быть оттѣнки слабоумія, сколь затруднительно можетъ сдѣлаться опредѣленіе границы между паталогическимъ слабоуміемъ и незнаніемъ или ограниченностію, проистекающими изъ глупости или недостаточнаго воспитанія.

Уже въ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ замѣчаются у слабоумныхъ нѣкоторые недостатки сравнительно съ здравомыслящими. Воспріятіе впечатлѣній совершается медленнѣе и многія чувственные ощущенія ускользаютъ отъ слабоумнаго. Отсюда необходимо проистекаетъ сравнительная бѣдность представленій; воспріятыя же чувственные впечатлѣнія усваиваются не столь совѣшенно, какъ здравомыслящимъ, вслѣдствіе того, что ассоціація идей и воспроизведеніе впечатлѣній совершается лѣнивѣе и безпрерывно, а отрывочно. Это, въ свою очередь, отражается на образованіи сверхчувственныхъ понятій и сужденій; послѣднія односторонни и находятся подъ сильнымъ вліяніемъ чужого авторитета. Слабоумный легковѣренъ, легко можетъ быть одураченъ, не имѣетъ собственнаго мнѣнія, опирается на мнѣніе другихъ. Сущность

вещей, болѣе тонкія взаимныя ихъ отношенія и связь ускользаютъ отъ него, и если ему иногда и удастся усвоить вѣрный взглядъ на предметъ, то онъ оказывается неспособнымъ подыскать для его обозначенія вѣрное слово. У слабоумнаго бѣденъ запасъ словъ, какъ скоро рѣчь заходитъ о предметахъ сверхчувственныхъ, между тѣмъ какъ онъ удовлетворительно объясняется, вращаясь къ подходящей къ нему чувственной сферѣ. Присущее здравомыслящему стремленіе понять основаніе и сущность вещей, изслѣдовать совершающіяся въ нихъ измѣненія, почти совершенно неизвѣстно слабоумному; онъ смотритъ на вещи такъ, какъ онъ представляются на первый взглядъ. Ему чужды высшіе умственные интересы, стремленіе къ опредѣленной цѣли; все его существованіе выражается въ удовлетвореніи обыкновенныхъ матеріальныхъ потребностей жизни; у него нѣтъ времени и охоты заняться чѣмъ-либо абстрактнымъ; такое занятіе для него скучно и стоитъ непропорціональнаго напряженія. Та же несостоятельность, недостаточность, которая замѣчается въ интеллектуальной сферѣ слабоумнаго, встрѣчается и въ его этической области. Онъ по необходимости эгоистъ, высокаго мнѣнія о своей особѣ и способностяхъ, чѣмъ вызываетъ надъ собою насмѣшки, дѣлается въ обществѣ мишенью остротъ. Горе, радость ближнихъ не трогаютъ его, и лишь то, что касается его собственной личности, вызываетъ бурные порывы, легко переходящіе за границы нормы. Тогда порывы достигаютъ размѣровъ бѣшенной разнузданности, угнетающіе аффекты переходятъ въ радость или смятеніе, въ особенности легко происходящее вслѣдствіе аффекта страха и нерѣдко выражающееся въ ужасѣ до отупѣнія.

Слабоумный можетъ быть годнымъ членомъ общества, потому что можетъ хорошо исполнять всякое заученное, привычное ему дѣло; въ занятіяхъ же чисто механическихъ онъ бываетъ даже искуснѣе всякаго здравомыслящаго, потому что такому занятію онъ посвящаетъ свое вниманіе, ничѣмъ не развлекается; но онъ не въ состояніи ввести въ трудъ какое-либо измѣненіе, сдѣлать нововведеніе, устроить какую-либо новую комбинацію.

Ассоціація идей и вообще весь процессъ образованія и развитія представленій совершается у него лѣнливо, сдерживающіе мотивы проявляются слабо, запаздываютъ, такъ какъ его „я“ легко побѣждается чувственнымъ побужденіемъ и увлекается къ совершенію дѣянія прежде, чѣмъ тѣ мотивы успѣютъ заявить себя.

У слабоумнаго нѣтъ собственныхъ новыхъ идей; онъ довольствуется скуднымъ, съ великимъ трудомъ сдѣланнымъ имъ запасомъ знаній и опыта. По сему у него нѣтъ оригинальности активности стремленія къ достиженію опредѣленнаго плана и цѣли. Достаточно незначительнаго препятствія, которое онъ не въ состояніи преодолѣть, и онъ теряется; стоитъ только отсвѣтовать ему что-либо и, при отсутствіи въ немъ самостоятельности, направление его воли измѣняется, у него явдается другая цѣль. Вслѣдствіе такой податливости слабоумные доводятся нерѣдко до преступленій угрозами, запугиваніемъ, нравственнымъ вліяніемъ, авторитетомъ другихъ и дѣлаются послушными орудіями въ рукахъ опытныхъ преступниковъ.

Высшихъ этическихъ, нравственныхъ сужденій и понятій въ слабоумныхъ почти нѣтъ или столь же мало, какъ и способности къ абстракціи и целесообразнымъ стремленіямъ. Ихъ замѣняютъ удержанныя памятью или автоматически воспроизведенныя нравственныя сужденія другихъ; почти всѣ религіозныя, этическія правовыя сужденія слабоумнаго суть лишь продукты памяти, школьныя воспоминанія. Правовое чувство, сознаніе долга можетъ быть довольно развито; но онѣ никогда не бываютъ столь прочно построены на этическихъ и обстрактныхъ понятіяхъ, какъ у здравомыслящихъ, и являются скорѣе полусознательными движеніями и проявленіями совѣсти. Слабоумнаго часто выдають бѣдность мысли, отсутствіе выраженія и лѣнливый бездушный взглядъ. Встрѣчаются слабоумные, которые вполне удовлетворяють требованіямъ обыкновеннаго круга жизни и даже могутъ стоять на собственныхъ ногахъ въ скромныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Но если они сдѣлають попытку выйти изъ своей сферы, то терпятъ жалкое крушеніе.

Не во всѣхъ слабоумныхъ слѣдуетъ отрицать способность къ вмѣненію. Но слабыя понятія о нравственности, справедливости, нравственныя коррективы въ такихъ случаяхъ или вовсе не выступаютъ или же появляются слишкомъ поздно.

Показаніе идіотовъ.

Идіотизмъ есть недостатокъ умственныхъ силъ вслѣдствіе задержаннаго развитія мозговъ во время утробной жизни или пер-

ныхъ годовъ жизни. Крайніе идіоты стоятъ даже ниже животныхъ. При идіотизмѣ въ болѣе легкой степени умственная продукція бываетъ слаба, хотя идіоты иногда и могутъ получить образованіе и даже обладать талантами; но во всѣхъ этихъ исключеніяхъ обыкновенно выражается полусознательный инстинктивный характеръ.

Съ идіотизмомъ во всемъ сходенъ кретинизмъ, гдѣ сообразно съ несовершенною развитостію тѣла и психическія силы не получаютъ самостоятельности. Кретины обнаруживаютъ поверхностное пониманіе и дѣтское сужденіе, почему и легко подчиняются чужому вліянію.

Показаніе истеричныхъ.

Особеннаго вниманія и тщательнаго изученія со стороны криминалиста и судебного медика, психолога и моралиста заслуживаетъ истерія—болѣзнь прежде всего нервная, осложняющаяся психическими расстройствами, крайне разнообразная по внѣшнему проявленію, поражающая по преимуществу женскій полъ въ томъ возрастѣ, когда еще продолжается способность къ зачатію. Истерія столь же частое явленіе и въ крестьянскомъ быту, какъ и въ средѣ людей умственнаго труда и безконечныхъ утѣхъ жизни, избалованныхъ и богатыхъ женщинъ, скучающихъ отъ бездѣлья и пресыщенія. Она поражаетъ и мужчинъ даже наиболѣе, повидимому, крѣпкихъ и выносливыхъ.

Истерическая невроза почти постоянно сопровождается элементарнымъ расстройствомъ психическихъ функцій, которое выражается отчасти въ ненормальной душевной раздражительности, въ дурномъ разположеніи духа, въ дурномъ настроеніи, внѣшнимъ образомъ мало или совсѣмъ немотивированномъ, въ преобладаніи аффектовъ и страстныхъ настроеній, недовольства, бранчивости, отчасти же въ перемѣнѣ настроенія духа, ничѣмъ не мотивированной, съ ясными признаками экзальтаціи и угнетенія, чѣмъ объясняются болѣзненная склонность или отвращеніе къ извѣстнымъ лицамъ или предметамъ, рѣзкія симпатіи и безпричинныя антипатіи къ нѣкоторымъ лицамъ, страстное по отношенію къ послѣднимъ настроеніе, дѣлающееся иногда мотивомъ преступныхъ дѣяній. Даже естественное чувство материнской любви можетъ превратиться въ болѣзненное отвращеніе къ дѣтямъ и повлечь за собою звѣрскія истязанія.

Точно также и въ области представленій встрѣчается немало ненормальностей, характеризующихся главнымъ образомъ невѣрнымъ воспроизведеніемъ представленій, отрывочностію ихъ развитія, нерѣдко же и тѣмъ, что у больного возникаютъ и болѣзненно укореняются въ сознаніи представленія, совершенно чуждыя человѣку здоровому, нерѣдко извращенныя, полныя чудеснаго (вынужденныя, навязанныя).

Въ сферѣ стремленій и хотѣнія рядомъ съ болѣзненными, односторонне упрочившимися наклонностями замѣчается рѣзко бросающаяся въ глаза слабость воли и отсутствіе энергіи, высказывающаяся въ измѣнчивости намѣреній, нерѣшительности при выборѣ, въ предпочтеніи, оказываемомъ больнымъ необыкновеннымъ, нелѣпнымъ мотивамъ, наконецъ, въ полнѣйшемъ равнодушіи къ важнымъ жизненнымъ интересамъ.

Половая наклонность нерѣдко значительно усиливается. Благодаря множеству болѣзненныхъ ощущеній, истеричные чувствуютъ себя глубоко несчастными. Поглощенные заботами о своихъ недугахъ и страданіяхъ, истеричные становятся крайне эгоистичными и нечувствительными къ страданію другихъ людей, равнодушными къ своимъ обязанностямъ, тупыми въ своихъ чувствованіяхъ соціальныхъ и нравственныхъ. Испытывая непреодолимую потребность въ постороннемъ участіи, вниманіи и соболѣзнованіи, они легко доходятъ до преувеличиванія своихъ страданій. На помощь имъ приходитъ здѣсь еще чрезвычайная мнительность, которая, будучи осложнена удивительною способностью къ самовнушенію, приводитъ иногда къ поразительнымъ аффектамъ, равняющимся лишь аффектамъ гипноза. Безвольные, абсолютно неспособные къ дѣльному труду, скучающіе и томящіеся то сознаніемъ полного безсилія своего, то преизбытка умственной и нравственной мощи, они жаждутъ сильныхъ ощущеній, безконечныхъ волненій, постоянныхъ перемѣнъ. Наклонность рисоваться, непреодолимое желаніе сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе, хотя бы мимолетный интересъ общества, сдѣлаться предметомъ его разговора часто влекутъ за собою обманы, интриги, притворство. Это стремленіе доходитъ до забвенія собственнаго „я“, беретъ перевѣсъ надъ самымъ примитивнымъ чувствомъ самосохраненія. Съ точки зрѣнія медицинской это явленіе психически-ненормальное, съ точки зрѣнія криминальной это великое предупрежденіе и судьямъ и государственнымъ обвинителямъ.

Хотѣніе и стремленіе истеричныхъ больныхъ принимаетъ инстинктивный, импульсивный характеръ, лишенный признаковъ здраваго размысленія и нравственной основы, чѣмъ естественно объясняются какъ безнравственныя, такъ и извращенныя преступныя дѣянія (воровство, бродяжничество, безпорядочность). Здѣсь элементарное психическое расстройство является уже осложненнымъ полнымъ комплектомъ психопатическихъ симптомовъ, выражающихся иногда въ формѣ оживленныхъ повышеній и пониженій голоса, пѣнія, смѣха и умѣренной наклонности къ движенію. Нерѣдко при этомъ наблюдалась наклонность къ собиранію и воровству и полное отсутствіе воспоминанія о томъ, что происходило во время припадковъ.

Но и при элементарномъ психическомъ расстройствѣ вынужденное представленіе, извращенныя желанія, развивающіяся изъ ненормальныхъ общихъ ощущеній, бывають причиною воровства, обмана и т. д. Существуютъ личности, которыя представляютъ истерическій характеръ, не проявляя никакихъ самотическихъ признаковъ истеріи. Съ другой стороны, въ случаѣ проявленія истеріи во внѣ констатированіе ея не облегчается, такъ какъ проявленія эти чрезвычайно разнообразны.

Съ прогрессивнымъ развитіемъ указанныхъ аномалій и съ утратой всякой притягательной силы нравственныхъ мотивовъ и коррективовъ больные нерѣдко впадаютъ въ преступленіе, полная отвѣтственность за которыя становится сомнительною. Такъ, болѣзненное дурное настроеніе духа, паталогическій эгоизмъ, значительная раздражительность истерическихъ особъ, экзальтація, значительная сила воображенія и недостаточная вѣрность въ воспроизведеніи представленій бывають нерѣдко причиною личныхъ оскорбленій, безсознательнаго искаженія истины, клеветы, ложныхъ доносовъ, ложныхъ показаній на судѣ и лжеприсяги. Это одна изъ безвиннѣйшихъ чертъ въ характерѣ истеричныхъ. Но есть черта, которая дѣлаетъ ихъ еще опаснѣе. Это — наклонность, достигающая часто грандіозныхъ размѣровъ, переходящая въ неудержимое стремленіе къ сознательной уже лжи. Истеричные лгутъ часто безъ цѣли, безъ основанія, ради удовольствія. Это какой-то культъ искусства ради искусства во лжи и притворствѣ. Сказавъ ложь, истеричные рѣдко въ ней сознаются. Наоборотъ,

они употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы убѣдить другихъ въ истинѣ своихъ словъ и здѣсь не передъ чѣмъ уже не останавливаются. Тутъ на помощь имъ является „бѣсовская“, какъ сказали бы наши дѣды, способность къ притворству, достигающая степени тонкаго искусства.

Истеричная женщина прежде всего эксцентрична. А эксцентричной женщинѣ тѣсно въ пошломъ мірѣ реальныхъ явленій. Претенціозная, желающая привлечь къ себѣ общественное вниманіе, ищущая всевозможныхъ средствъ, чтобы только заставить говорить о себѣ, она выдумываетъ невозможныя вещи, не останавливается ни передъ чѣмъ: ни передъ сплетней, ни передъ клеветой, ни передъ ложнымъ обвиненіемъ; она выдумываетъ мистификаціи самыя невозможныя и не задумывается осуществлять ихъ; жадная до всего экстраординарнаго она на удивленіе міру изобрѣтаетъ невозможный порядокъ жизни для себя самой, съ дерзостью исполняетъ всѣ свои капризы и, не задумываясь, возводитъ ложныя обвиненія на другихъ, не колеблется при случаѣ возвести ихъ на самую себя. Половое возбужденіе выражается у нея иногда въ половыхъ эксцессахъ, въ ложномъ обвиненіи мужчинъ въ безнравственныхъ поступкахъ относительно нея, въ ревности и озлобленіи къ супругу, что, въ свою очередь, вызываетъ скандальные процессы и бракоразводныя дѣла.

Замѣтка текущей прессы о ея приключеніяхъ превращаетъ истеричную въ ея глазахъ уже въ своего рода извѣстность. Съ этого времени она начинаетъ думать, что она вовсе не ничто, а нѣчто. Въ ея прихоти, капризѣ замѣчается постоянное, ничѣмъ не мотивирующееся измѣненіе чувствъ, болѣзненные аффекты, болѣзненно усиленные, непреодолимыя влеченія, въ особенности въ половой сферѣ, увлекающія большую въ безстыдную проституцію, онанизмъ, придающіе ей совершенно извращенныя манеры: больная начинаетъ надѣвать на себя мужское платье, бѣгать голою по комнатѣ, мазаться всякою дрянью. Процессъ представленія совершается отрывочно; онъ то замедляется, то ускоряется до чрезвычайности; у больной возникаютъ странныя, ничѣмъ, повидимому, необъяснимыя, отдѣльныя представленія, получающія иногда значеніе принудительной силы и выражающіяся въ необдуманыхъ странныхъ дѣяніяхъ и нелѣпыхъ прихотяхъ. При этомъ наклонности, привычки, стремленія рѣдко противорѣчатъ прежней здоровой личности, вполне измѣнившейся и преобразившейся.

Элементарныя разстройства психическихъ отправленій существуютъ у каждой истеричной женщины; но, чтобы перейти отъ капризовъ, эксцентричностей и глупыхъ и безвредныхъ выходовъ къ ложнымъ доносамъ и обвиненіямъ, нужно, въ свою очередь, чтобы психическое разстройство достигло все же высокой степени, достигло порой до истерическаго помѣшательства, развивающагося у истеричныхъ женщинъ въ силу непримѣтнаго для посторонняго глаза стимула въ видѣ сильнаго возбужденія, непріятнаго впечатлѣнія или горестнаго потрясенія, иногда же подъ вліяніемъ чисто физическихъ причинъ, сильнаго раздраженія половыхъ органовъ, неправильныхъ министруціи или беременности.

Истеричные ближе всего могутъ быть названы тѣми психически—больными, помѣшательство которыхъ не написано на лбу ихъ. Часто богато одаренные отъ природы художники, музыканты, поэты, обладающіе въ силу чрезвычайной экзальтаціи своей богатой фантазіи увлекающимъ даромъ слова, страдаютъ серьезными формами нарушеній психической жизни, главнымъ образомъ въ сферѣ чувствъ и чувствованій.

Являясь въ качествѣ свидѣтей, истеричные, конечно, сохраняютъ характерныя черты своего психически больного умственнаго и нравственнаго склада. Они не въ силахъ пройти никѣмъ незамѣченными въ ряду прочихъ свидѣтелей, не могутъ допустить, чтобы ихъ показанія не произвели никакого впечатлѣнія.

Увлекаясь своею фантазіею и экзальтаціею, они доходятъ до геркулесовыхъ способовъ, до того, что стороны, въ пользу которыхъ они даютъ свое показаніе, вынуждены бываютъ въ своихъ интересахъ отказаться отъ слишкомъ предупредительныхъ услугъ. Показаніе слишкомъ картинное бываетъ иногда медвѣжьей услугою, такъ какъ тщательное разслѣдованіе нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ можетъ испортить всю картину, нарисованную фантазіею лжесвидѣтеля.

Но чтобы не говорили истеричные свидѣтели и какъ бы искусно и хитро не было обставлено всѣми необходимыми аксессуарами ложное обвиненіе, взводимое истеро-больной, облыжность и того и другого всегда можетъ быть установлена на судѣ, если только суды, выполнѣ сохраняя спокойное отношеніе къ дѣлу, если гнусность и облыжность обвиненія не захватитъ судей прежде, чѣмъ разсудокъ успѣетъ вавѣсить шансы за и противъ обвиненія и противорѣія процесса.

Показаніе сумасшедшихъ и эксцентричныхъ.

Показаніе сумасшедшаго не можетъ имѣть юридическаго значенія, потому что хотя и нельзя сказать, чтобы онъ не могъ сдѣлать правильнаго наблюденія, но у него истинныя представленія такъ перемѣшаны съ ложными идеями, что рѣшительно нѣтъ никакихъ гарантій въ вѣрности его показанія; въ показаніяхъ его всегда есть вѣроятность невольной лжи.

Но нельзя смѣшивать идеи сумасшествія съ эксцентричностью характера, съ идеями чудака, у котораго иногда бываютъ странности и смѣшныя желанія, какъ у одного зевѣщателя, который отказалъ огромное богатство одной дамѣ и просить ее принять этотъ ничтожный даръ въ сравненіи съ тѣмъ удовольствіемъ, которое онъ ощущалъ, „созерцая ея божественный носъ“. По нашему закону (704 ст. У. У. С.) психическое разстройство само по себѣ не служитъ препятствіемъ къ допросу потерпѣвшихъ и свидѣтелей, если только этотъ допросъ фактически возможенъ, и хотя законъ и постановляетъ, что безуміе и сумасшествіе превращаетъ ихъ въ неспособныхъ къ свидѣтельству, однако не указываетъ, какимъ образомъ безуміе это констатируется.

Мнѣнія и впечатлѣнія свидѣтелей.

Назначеніе свидѣтелей на судѣ давать не мнѣнія, а факты объ истинности или свойствѣ какого-либо обстоятельства, составленнаго посредствомъ извѣстнаго рода заключеній. Судья нуждается въ болѣе твердой основѣ, чѣмъ мнѣніе. Для суда важно не субъективное отношеніе свидѣтеля къ воспринятымъ имъ фактамъ, а самые факты, могущіе раскрыть суду истину. Субъективный элементъ, которымъ окрашиваются факты, терпимъ въ показаніи свидѣтелей настолько, насколько онъ оказывается необходимымъ для установки этихъ фактовъ. Безъ этого субъективнаго элемента обойтись бываетъ невозможно, такъ какъ, по законамъ развитія мысли, впечатлѣнія, воспринимаемая наблюденіемъ, часто незамѣтно для него путемъ ассоціаціи идей порождаютъ въ его представленіи заключеніе, которое въ виду этого бываетъ невозможнымъ вполне обособить отъ непосредственно видѣннаго и вообще воспринятаго свидѣтелемъ. При томъ же человѣческая

память такъ устроена, что часто по прошествіи нѣкотораго времени отъ того, что прежде было пережито въ дѣйствительности и воспринято чувственнымъ образомъ, остается и сохраняется въ памяти одно впечатленіе, которое въ связи съ другими обстоятельствами можетъ послужить основаніемъ для убѣжденія судьей.

Свидѣтель имѣетъ право и обязанность передавать, между прочимъ, впечатлѣнія, но разумѣется какъ таковыя, отдѣляя ихъ отъ показаній въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что этотъ субъективный элементъ долженъ быть допущенъ въ показаніи свидѣтеля не какъ неизбѣжный, а какъ желательный фактъ. Но иногда свидѣтельское показаніе по существу своему близко граничить съ мнѣніемъ, ибо есть обстоятельства, голое изложеніе которыхъ само по себѣ связано съ извѣстнымъ сужденіемъ.

Среди процессуалистовъ особенно рѣзко подчеркивается различіе во взглядахъ по вопросу о томъ, можно ли спрашивать свидѣтеля, напр., о внутреннихъ пережитыхъ имъ впечатлѣніяхъ, ощущеніяхъ; о томъ, напр., дурно ли жили между собою супруги, былъ ли подсудимый вспыльчиваго характера, былъ ли онъ испуганъ или растѣрянъ въ тотъ моментъ, о которомъ показываетъ свидѣтель, и т. п. Въ такихъ случаяхъ свидѣтель долженъ дать извѣстные факты въ подтвержденіе сказаннаго. Если мнѣнія его совсѣмъ не основываются на доказательствахъ или основываются на недостоверныхъ доказательствахъ, то они неосновательны. Достоверность этого непрямого доказательства будетъ большая или меньшая, смотря потому, представляется ли сужденіе свидѣтеля болѣе или менѣе здравымъ. Свидѣтель, высказывающій мнѣніе, не можетъ быть преслѣдуемъ за клятвенное преступленіе.

Доказательства тождества лица.

Тождество лица можетъ быть доказываемо какъ показаніями свидѣтелей—очевидцевъ, такъ равно и другими средствами напр., отпечатками сапогъ на землѣ и снѣгу, кусками платья, бумаги и т. д. Но не всегда показанія свидѣтелей заслуживаютъ довѣрія. Судебная практика представляетъ немало примѣровъ, когда самыя ясныя, повидимому, неопровержимыя свидѣтельства нашихъ чувствъ оказываются совершенно ошибочными.

При опознаніи извѣстнаго субъекта являются возможными обстоятельства отношенія къ нему свидѣтеля—родство, дружба, знакомство, знаніе лѣтъ его, костюмъ и поза его (напр. хромота при ходьбѣ). Нельзя сглаживать его костюма, одѣвая его въ арестантскій халатъ и устанавливая для предъявленія въ общую массу. Людей, которыхъ мы хорошо знаемъ, мы можемъ узнать съ легкостью во всякое время. Если фигура такого человѣка характерна, походка своеобразна, костюмъ оригиналенъ, то его навѣрно можно узнать на разстояніи 100 метровъ (около 47 сажень). Но при дистанціи свыше 150 метровъ узнать очень трудно даже самыхъ близкихъ знакомыхъ.

Если же ни фигура, ни походка, ни костюмъ не имѣютъ характерныхъ особенностей, то узнать знакомаго можно на разстояніи отъ 40 до 80 метровъ. Лицъ которыхъ мы знаемъ мало, но однакожъ встрѣчали въ своей жизни, можно узнать на разстояніи 30 метровъ. Людей, которыхъ мы видѣли одинъ разъ, трудно узнать въ лицо и запомнить ихъ характерныя примѣты. Чтобы ихъ разглядѣть, необходимо разстояніе не болѣе 15 метровъ. Эти дистанціи указаны при дневномъ освѣщеніи, ночью же при лунномъ свѣтѣ надо значительно уменьшить цифру.

Во время полнолунія можно узнать человѣка на разстояніи отъ 7 до 10 метровъ, смотря потому къ какой изъ вышеозначенныхъ категорій онъ принадлежитъ. Но въ то время, когда луна еще въ первой четверти, узнать, разглядѣть субъекта можно только на разстояніи отъ 2 до 6 метровъ.

Письменные свидѣтельства.

Первоначальнымъ судебнымъ доказательствомъ считается слѣстное показаніе свидѣтеля на судѣ, гдѣ колебанія, противорѣчія, натяжки, двусмысленныя выраженія, часто исчезающія безслѣдно въ протолахъ судебного слѣдователя, являются въ полномъ свѣтѣ и производятъ непосредственное впечатлѣніе на судей и присяжныхъ. На судебномъ слѣдствіи каждое слово свидѣтеля можетъ быть взвѣшено судомъ, подвергнуто анализу и контролю посредствомъ перекрестнаго допроса.

Письменное свидѣтельское показаніе на судѣ уголовномъ есть доказательство второстепенное. При предварительномъ слѣд-

ствіи свидѣтель даетъ показаніе безъ присяги, не въ присутствіи сторонъ, не публично. Показаніе его часто записывается не имъ самимъ и не всегда собственными его словами.

Говоря вообще, судебное свидѣтельство извѣстнаго лица будетъ въ цѣломъ болѣе достойно довѣрія, нежели письменное его показаніе или его свидѣтельство случайно писанное въ письмѣ или запискѣ для памяти. Но если показаніе не закрѣплено на письмѣ, то оно каждую минуту можетъ измѣниться, затеряться. Оно и вообще письмо служить гарантіею противъ невѣрности памяти и удостовѣреніемъ истины устнаго свидѣтельства. Оно имѣетъ благотвительное вліяніе на умъ свидѣтеля: онъ становится быть болѣе осмотрительнымъ въ своемъ показаніи, когда знаетъ, что ничто не затеряется и не будетъ извращено.

Бываютъ случаи, когда открытіе письма бываетъ подобно установленію твердой точки опоры, на которой можно исправлять приноравлять, дополнять несовершенства и неточности другихъ извѣстій. Одною изъ причинъ этого довѣрія къ письмамъ служить то, что факты, представленные ими, являются случайно и слѣдовательно безъ всякаго намѣренія обмануть публику. Человѣкъ имѣетъ естественную наклонность довѣрять письмамъ, какъ изліяніямъ откровенностей, которыя не были приготовлены для насъ и которыя мы захватили врасплохъ. Въ нихъ иногда сложное происшествіе въ тотъ же день болѣе подробно передается своему пріятелю, нежели судебное показаніе того же свидѣтеля спустя 10 лѣтъ послѣ происшествія. Но все зависитъ отъ характера автора и свойства писемъ. Какъ часто злоупотребляли этимъ средствомъ; сколько лживости въ придуманныхъ и даже дѣйствительныхъ корреспонденціяхъ. Великое искусство увертокъ можетъ раскрыться успѣшно только въ письменномъ изложеніи. Письменное показаніе равносильно показанію свидѣтеля, у котораго лицо закрыто такъ, что нельзя судить ни по одному вѣншнему признаку о его мысляхъ, показанію глухого, слѣпого, нѣмого.

Но оно однако не менѣе драгоцѣнно и для честнаго судьи. Возникаетъ ли въ публикѣ ропотъ, образуется ли масса предубѣжденій и клеветы противъ него, онъ находитъ въ протоколахъ показаній средство опровергнуть клевету и раскрыть заблужденіе.

Перекрестный допросъ.

Одно изъ лучшихъ средствъ разслѣдованія истины составляетъ перекрестный допросъ. Благодаря этому допросу въ свидѣ-

теляхъ пробуждаются всѣ охранительные мотивы при помощи торжественности, которая ихъ окружаетъ. Бываютъ случаи, когда показаніе вѣроломнаго свидѣтеля нисколько не представляется ложнымъ по внутреннему его содержанію, когда заинтересованной сторонѣ не остается иного средства предупредить дѣйствіе его, какъ напасть на самого свидѣтеля, какъ не заслуживающаго до-вѣрія.

Непридуманное свидѣтельское показаніе достигается внезапными и непредвидѣнными вопросами. При успѣшномъ употребленіи этого орудія опытными руками свидѣтель, намѣревавшійся обмануть и скрыть истину, атакуемый неожиданными вопросами, на которые онъ долженъ отвѣчать немедленно подѣ страхомъ изобличить свое намѣреніе своимъ молчаніемъ, равно какъ и своими противорѣчіями, застигнутый врасплохъ, приводится къ самоизобличенію и къ невольнымъ почти признаніямъ. Только при помощи этого вопроса легко обнаруживается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ фальшь, неискренность и нетвердость, неопредѣленное показаніе становится подробнѣе и пополняется всѣми характеристическими подробностями, устраняется односторонность свидѣтельскихъ показаній, спутанное показаніе пріобрѣтаетъ большую ясность и опредѣленность, становится точнымъ и выходитъ изъ окружающаго его тумана. При устномъ допросѣ и самый ловкій свидѣтель недалеко уйдетъ; его уклончивость замѣтятъ и останавливаютъ при первой же попыткѣ, ему не позволяютъ соткать покрывало, за которое онъ желаетъ спрятаться; если онъ продолжаетъ давать двусмысленныя устные показанія, то недобросовѣстность, обнаруживается и его уклончивые отвѣты, иногда вслѣдствіе невѣжества, пробуждаютъ неблагопріятное заключеніе о его дѣлѣ или характерѣ и болѣе принесутъ ему вреда, нежели его молчаніе.

Но перекрестный допросъ есть обоюдоострое орудіе въ процессуальномъ искусствѣ. Нерѣдко на практикѣ онъ превращается въ пытку для свидѣтеля, который, будучи тѣснимъ вопросами съ разныхъ сторонъ, невольно можетъ спутаться въ отвѣтахъ и этимъ ввести въ заблужденіе судей. Поэтому пользование перекрестнымъ допросомъ требуетъ большой осторожности и чувства мѣры со стороны тѣхъ, кто его ведетъ, а также много житейскаго такта.

Во всякомъ случаѣ дѣйствія сторонъ во время перекрестнаго вопроса подлежатъ контролю Предсѣдательствующаго, на обязан-

ности котораго лежитъ устраненіе изъ судебного разбирательства всего, что не относится къ дѣлу и препятствуетъ правильному ходу правосудія. По мысли законодателя перекрестный допросъ составляетъ какъ бы дополнительное средство къ связному и послѣдовательному изложенію свидѣтелемъ своего показанія и можетъ быть допущенъ только послѣ главнаго допроса тою стороною, которою свидѣтель вызванъ. Разсказъ свидѣтеля, состоящій единственно изъ отвѣтовъ на данныя ему вопросы, не можетъ имѣть ни той связи, ни той послѣдовательности, которыя необходимы для яснаго уразумѣнія его показанія.

О ч н а я с т а в к а .

Очная ставка также можетъ служить полезнымъ средствомъ для провѣрки свидѣтельскихъ показаній, ибо ставитъ свидѣтелей, показанія которыхъ бываютъ иногда разнорѣчивы лишь по недоразумѣнію, въ положеніе, дающее имъ возможность опровергать другъ друга. Она можетъ выяснитъ факты, разсѣять туманъ и показать истину въ полномъ блескѣ. Ею можно испытать твердость и упорство въ противорѣчивыхъ показаніяхъ по уклончивымъ отвѣтамъ, противорѣчіямъ и даже по молчанію свидѣтеля или же, когда въ судьяхъ не возникаетъ сомнѣнія въ добросовѣстности обоихъ свидѣтелей, дать возможность свидѣтелямъ чрезъ обмѣнъ показаній при безпристрастномъ и просвѣщенномъ участіи судьи освѣжить и дополнитъ свои воспоминанія объ извѣстныхъ обстоятельствахъ и привести въ согласіе свои показанія. Она можетъ выяснитъ, что свидѣтель схватилъ разговоръ, поразившій его слухъ, налету, могъ ошибиться въ смыслѣ его, могъ отчасти забыть его или примѣшать къ нему различныя обстоятельства.

Всякая очная ставка ослабляетъ до извѣстной степени непосредственность и самостоятельность свидѣтельскаго показанія, а потому законъ допускаетъ эту мѣру только въ крайнихъ случаяхъ.

Свидѣтель не можетъ отказаться отъ объясненій въ его показаніяхъ противорѣчій и несообразностей, но онъ не обязанъ отвѣчать на вопросы, уличающіе его самого въ какомъ-либо преступленіи. Иногда честный свидѣтель доводится до того, что дѣлается темнымъ и непонятнымъ, когда адвокатъ, замѣтивши, что онъ показываетъ несогласно съ его видами, принимаетъ по отно-

шенію къ нему надмѣнный тонъ, безжалостно пользуясь его нерѣдко необразованностію и стараясь напугать, обвиняя его въ противорѣчіяхъ, осмѣять или возбудить къ нему подозрѣніе. Подобные обличительные вопросы не должны быть допускаемы, такъ какъ самая постановка ихъ, сама по себѣ, создаетъ для свидѣтелей извѣстныя невыгодныя послѣдствія, ставитъ его въ ложное положеніе и подрываетъ до извѣстной степени достовѣрность его показанія нерѣдко въ ущербъ правосудія.

Наводящіе вопросы.

Слѣдуетъ избѣгать такъ называемыхъ наводящихъ или руководящихъ вопросовъ, намековъ, ибо эти пособія могутъ сдѣлаться для допрашиваемаго средствомъ обмана. Его надо уединить, оставить съ самимъ собою, поставить ему самый неожиданный вопросъ, чтобы по его отвѣту распознать дѣло изобрѣтенія отъ дѣла памяти.

Вслѣдствіе наводящихъ вопросовъ нерѣдко утрачиваются очевидныя признаки истины. Если свидѣтелю, расположенному ко лжи, предлагаютъ разомъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ можетъ отвѣчать только односложно „да“ или „нѣтъ“, то этимъ ему помогаютъ составить планъ его отвѣтовъ, ему, какъ бы, подсказываютъ желаемый отвѣтъ. Эти вопросы служатъ ему руководящей нитью, указывающею цѣль, къ которой стремятся, и наводятъ его на указанія, сообразно съ которыми онъ и дѣйствуетъ. Онъ въ допрашивающемъ имѣетъ суфлера, онъ пойметъ цѣль наводящихъ вопросовъ. Намеки иногда скрываются въ самомъ фактѣ предложенія вопросовъ или въ отношеніи ихъ къ предшествовавшимъ событіямъ. Для лжесвидѣтеля крайне необходимо знать всѣ другіе факты, кромѣ тѣхъ, которые онъ знаетъ; свѣдѣнія его часто бываютъ недостаточны, потому что истинный фактъ представляетъ утѣсь, о который разобьются всѣ ложные факты, если онъ его не видитъ.

Подъ формою вопроса можно сообщить дающему показаніе скрытнымъ образомъ всякаго рода свѣдѣнія. Его можно подготовить къ тому способу, какимъ онъ долженъ отвѣчать на вопросы, которые ему будутъ предложены; и допрашивающій, вмѣсто того, чтобы выслушать о фактѣ отъ свидѣтеля, старается руководить свидѣтелемъ или подставить ему ловушку.

Когда ставящій вопросъ желаетъ получить ясный отвѣтъ, онъ расположенъ дѣлать ясные вопросы; но если онъ имѣетъ намѣреніе почему-либо запутать и затянуть дѣло, онъ ставитъ вопросы темные и сложные, и это самое служитъ указаніемъ его недобросовѣстности. Если свидѣтель допрашивается истцомъ или отвѣтчикомъ, то наводящіе вопросы вызовутъ факты благопріятные для стороны, которая допрашивается, а факты благопріятные для стороны, которая не допрашивается, не будутъ воспроизведены.

При допросѣ судьей свидѣтелю предлагаются вопросы такого рода, которые или по оплошности или по намѣренію клонятся къ тому, чтобы получить отвѣты благопріятные исключительно для одной стороны. Чтобы вывести истину изъ глубины, гдѣ она скрывается, судѣ нужно много усилій; но никакихъ усилій не надо, чтобы оставить ее тамъ. Наводящіе вопросы всегда допускаютъ сомнѣніе въ томъ, что послужило основаніемъ свидѣтельскаго показанія—собственное наблюденіе или подсказанный ему отвѣтъ.

Впрочемъ, наводящіе вопросы не всегда противорѣчатъ видамъ правосудія и не могутъ быть безусловно воспрещены, особенно при перекрестномъ допросѣ, когда необходимо выяснитъ противорѣчіе въ показаніи свидѣтеля или вызвать отвѣтъ свидѣтеля противной стороны, нерасположеннаго вообще къ показанію въ пользу стороны, предлагающей вопросъ. Они даже прямо допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ или какъ средство выясненія или какъ пособіе памяти. Весьма выгодно помогать добросовѣстному свидѣтелю, наводя его или руководя имъ, чтобы извлечь возможно полное и точное показаніе. Если напомнить ему забытый имъ фактъ, обстоятельство, имя, то этимъ можно пробудить въ его умѣ цѣлый рядъ воспоминаній, какъ спящія мысли. Однако должно быть принято за общее правило, что во время допроса никакое извѣстіе, подъ предлогомъ пособить памяти, не можетъ быть сообщено допрашивающимъ свидѣтелю безъ особаго разрѣшенія судьи и пока свидѣтель не окончитъ своего показанія.

Нѣкоторыя общія положенія для оцѣнки достовѣрности свидѣтельскихъ показаній.

Прекраснымъ способомъ повѣрки свидѣтельскаго показанія можетъ служить осмотръ мѣстности, чтобы опреоѣлить могъ ли свидѣтель съ указаннаго имъ пункта видѣть и слышать тѣ событія, о которыхъ онъ говоритъ.

Строго говоря, прежде чѣмъ рѣшиться повѣрить показанію свидѣтеля, надлежало бы изслѣдовать его въ отношеніи присущей ему способности воспріятія впечатлѣній и переработки ихъ въ представленія, ибо существуетъ, напр., много людей, увѣренныхъ въ томъ, что они владѣютъ нормальными глазами, въ дѣйствительности же обнаруживаютъ полную неспособность отличать цвѣта. Независимо отъ способности воспріятія важно выяснитъ обратилъ ли свидѣтель надлежащее вниманіе на предметъ наблюденія, хорошо ли запомнить, вѣрно ли передалъ на словахъ. Посему при оцѣнкѣ каждаго свидѣтельскаго показанія, въ томъ числѣ и показанія потерпѣвшаго отъ преступленія лица, необходимо имѣть въ виду два критерія: 1) нѣтъ ли въ его словахъ и выводахъ ошибки и 2) можно ли допустить, что свидѣтель говоритъ вполне искренно.

Самымъ опаснымъ для правосудія свидѣтелямъ является свидѣтель съ заранее подготовленнымъ показаніемъ, въ которомъ старательно приведены въ согласіе всѣ части показанія съ цѣлію сокрытія лживости его.

Опроверженіемъ свидѣтельскихъ показаній служатъ несообразности ихъ съ слѣдами преступленія или съ вещественнымъ его составомъ, противорѣчіе ихъ естественному ходу событій, очевидная физическая невозможность исполнить то, что удостовѣряютъ свидѣтели, которыя выходятъ наружу при тщательной повѣркѣ ихъ рассказовъ анализомъ чрезъ сопоставленіе съ прочими обстоятельствами дѣла.

Какъ бы свидѣтельское показаніе ни было полно или правдоподобно, но его, все таки, надо исключить изъ числа доказательствъ, если оно во всемъ своемъ содержаніи или въ какой-либо части его является совершенно изолированнымъ, не подтверждается другими данными дѣла, или если оно находится въ рѣзкомъ противорѣчьи съ остальными безспорными обстоятельствами дѣла. Здѣсь играетъ роль пословица: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Безприсяжныя показанія при другихъ равныхъ условіяхъ имѣютъ меньшую степень достовѣрности, чѣмъ показанія данныя подъ присягою, ибо въ этомъ случаѣ истина гарантируется, между прочимъ, уголовными наказаніями за ложь.

Свидѣтель, отказывающійся отъ дачи показанія или отъ принесенія присяги безъ законныхъ причинъ, подлежитъ оптрафованію, подобно свидѣтелю, неявившемуся по вызову.

Внутреннее достоинство свидѣтельскаго показанія, способъ представленія его, личныя качества и отношенія свидѣтеля къ сторонамъ могутъ иногда обнаружить признаки, доказывающіе неправдоподобность этого показанія.

Душа изслѣдованія находится въ тѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ являются свидѣтели и стороны.

Кто лучше судья можетъ знать, чего не достаетъ для его убѣжденія, кто лучше его можетъ испытать существенныя черты, которыми характеризуется истина и которыя должны оказать самое целесообразное вліяніе на его рѣшеніе? Только въ этихъ засѣданіяхъ онъ можетъ познакомиться посредствомъ личнаго наблюденія съ тѣми выдающимися и естественными чертами истины, которыя проглядываютъ въ фізіономіи, въ звукъ голоса, въ твердости, въ безыскусственности невиннаго и въ замѣпательствѣ недобросовѣстнаго. Можно сказать, что, руководствуясь лишь письменными показаніями, онъ самъ закрываетъ для себя книгу природы и что онъ сдѣлался глухимъ и нѣмымъ въ дѣлѣ, гдѣ нужно все видѣть и слышать.

Въ судебномъ засѣданіи можно видѣть какъ свидѣтель даетъ свое объясненіе, какъ онъ держитъ себя передъ судьями и какимъ тономъ говоритъ о событіяхъ, которыя онъ видѣлъ или слышалъ, что за личность явилась къ допросу. По внѣшности и поведенію свидѣтеля, по манерѣ, словамъ, движеніямъ глазъ и лица его, обстоятельствамъ, повидимому, ничтожнымъ, мелочнымъ, можно отгадать внутреннюю работу духа, по измѣненіямъ голоса распознать сердечныя чувства.

Если свидѣтель произвольно проявляетъ измѣненія въ дѣятельности духа, тѣла и головы, если тупо и угрюмо молчитъ и никакія усилія не могутъ заставить его сказать что-нибудь цѣльное, не отвѣчаетъ ни голосомъ, ни взглядомъ, или, наоборотъ, отвѣчаетъ безъ спроса, болтливъ, поспѣшенъ и страстенъ въ отвѣтахъ на одни вопросы и колеблется, медлитъ въ объясненіи по другимъ вопросамъ или старается обойти ихъ и въ особенности избѣжать нѣкоторыхъ подробностей, явно преувеличиваетъ въ объясненіяхъ, путается вкось и вкривь, если умъ его блуждаетъ по всѣмъ направленіямъ, повѣствуя о вещахъ завѣдомо вздорныхъ, сегодня говоритъ одно, а завтра другое, вертится, какъ флюгеръ, часто казался неискреннимъ, если рассказы его сводятся къ жалкой болтовнѣ кумушекъ, если онъ отвѣчаетъ медленно дро-

жающимъ и обрывающимся голосомъ или сквозь слезы, тономъ мольбы съ пожатіемъ плечъ, съ паденіемъ на колѣна и т. п. движеніями или, наоборотъ, съ усмѣшкой, съ угрожающимъ видомъ, съ сжиманіемъ кулаковъ, если лице его покрывается потомъ и мѣняется въ цвѣтъ, если онъ безъ всякой причины кашляетъ, вздыхаетъ, смотритъ по сторонамъ и вверхъ, шевелитъ губами, облизываетъ языкомъ углы рта и переступаетъ съ одного мѣста на другое, то онъ не можетъ внушать къ себѣ довѣрія, ибо кто говоритъ безъ толку, тотъ не очень, вѣдь, заботится о правдѣ, ибо уныніе есть спутникъ придумыванія, а спокойствіе—естественный спутникъ памяти и правдивости.

Всѣ эти обстоятельства могутъ имѣть даже смыслъ показанія, не говоря уже о томъ, что отъ нихъ зависитъ значеніе его, какъ доказательства, хотя и косвеннаго.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что какъ бы мы ни были осторожны при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, мы всегда можемъ быть вовлечены въ ошибку; слѣдуетъ помнить, что иногда показаніе бываетъ вынужденное, т. е. такое, которое вымолится строгостію или принужденіемъ, или такое, которое проявляется не только безъ участія воли, но совсѣмъ противъ воли, несмотря даже на всѣ усилія послѣдней; и это бываетъ слѣдствіемъ внутренняго волненія, которое и проявляется въ жестахъ, въ фізіономіи свидѣтеля.

Среднюю мѣрку достовѣрности свидѣтельскаго показанія можно найти въ человѣкѣ, взятомъ наугадъ изъ средняго класса съ обыкновеннымъ умомъ, несомнѣнной честности и дающемъ показаніе въ качествѣ очевидца, говорящемъ дѣльно о всѣхъ обстоятельствахъ. Однакожъ по опыту извѣсно, что если такого рода показанія въ большинствѣ случаевъ бывали правдивы, то были также случаи, когда они оказывались ложными.—Предположимъ теперь свидѣтеля, принадлежащаго къ высшему классу, находящагося въ положеніи, которое заставляетъ, предполагать заботливое воспитаніе, большую отвѣтственность, большую чувствительность въ дѣлѣ чести, однимъ словомъ, свидѣтеля извѣстнаго. Безъ сомнѣнія, достоинство свидѣтеля увеличиваетъ силу его показанія. Въ этомъ заключается причина важности, придаваемой на практикѣ официальнымъ сообщеніямъ, въ особенности, показанію лицъ, облеченныхъ судебною властію.

Всѣ общія положенія для сужденія о силѣ свидѣтельскихъ

показаніи хороши какъ обобщенія; но главный вопросъ заключается не въ этомъ, а въ томъ—насколько какое-либо общее положеніе можетъ найти свое приложеніе къ отдѣльному случаю.

Судьи не обязаны вѣрить свидѣтельскому показанію только потому, напр., что оно дано подъ присягою; они могутъ отвергнуть цѣлый рядъ такихъ показаній, совершенно согласныхъ между собою, если находятъ ихъ почему-либо недостоверными, напр., потому, что свидѣтель не владелъ умственными и тѣлесными способностями къ воспріятію истины, не обратилъ свое вниманіе на подлежащій его наблюденію предметъ, заблуждается относительно предмета наблюденія, не точенъ въ наблюденіи, не съ точностію запомнилъ сдѣланное наблюденіе, не способенъ или не рѣшается разсказать о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, или имѣетъ интересъ въ исходѣ дѣла, какъ лицо, напр., потерпѣвшее, соучастникъ, родственникъ и др., или пристрастенъ вслѣдствіе побужденій, напр., религіозныхъ, политическихъ и другихъ, которыя въ то время не извѣстны, или не честенъ, и принять только одно противорѣчащее имъ показаніе, но представляющееся болѣе убѣдительнымъ по совѣсти.

Важнымъ рѣшающимъ моментомъ при оцѣнкѣ показанія свидѣтеля является то общее впечатлѣніе, которое онъ оставляетъ всею своею личностію на судьяхъ. Каждый изъ насъ имѣетъ свои, такъ сказать, обиходныя начала фізіономики и психологіи, созданныя на основаніи личнаго жизненнаго опыта, и мы вѣримъ этимъ своимъ эмпирическимъ положеніямъ.

Сообщеніе публичныхъ установленій и частныхъ лицъ.

Сообщенія публичныхъ установленій, содержащія свидѣтельское показаніе или заключеніе (изложеніе результатовъ офиціального изслѣдованія), равно и письменныя удостовѣренія частныхъ лицъ, кои могутъ быть употребляемы какъ удостовѣренія, документы не относятся къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Изъ нихъ первыя имѣютъ важное значеніе, когда требуется сообщеніе, возможное лишь на основаніи продолжительнаго наблюденія по актамъ. Наряду съ ними стоятъ офиціальныя удостовѣренія о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто предъ публичными установленіями, которыя должны имѣть предпочтеніе передъ устными показаніями

присутствовавшихъ, вслѣдствіе существующаго въ ихъ пользу предположенія большей точности всѣхъ подробностей (напр., протоколы о принятій присяги).

Э к с п е р т и з а .

Экспертиза есть обстоятельный отчетъ о произведенномъ освидѣтельствѣваніи или испытаніи, объясненіе, на основаніи данныхъ науки, явленій и фактовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда.

Но рядомъ съ научною экспертизою существуютъ еще экспертизы, основывающіе свое заключеніе не на научныхъ знаніяхъ, а на опытѣ, каковы, напр., ремесленники.

Опытность экспертовъ, какъ бы она велика ни была, не замѣнить никогда совокупной вѣковой опытности многихъ лицъ, выработавшихъ вѣковыя принципы. Если поэтому опытный практическій, напр., врачъ не въ состояніи основать результаты своего изслѣдованія на научныхъ данныхъ, то его экспертиза ни къ чему не годится, такъ какъ никто не въ состояніи провѣрить ее или рѣшить споръ, если найдется другой опытный врачъ, который относительно того же самаго предмета обнаружить совершенно противоположное мнѣніе, какъ это и случается ежедневно въ судебныхъ засѣданіяхъ. Нѣтъ ни одной болѣзни, которая представляла бы во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ условіяхъ одну и ту же картину болѣзненныхъ явленій, чтобы эта картина явленій имѣла всегда одно и тоже значеніе относительно производящей ихъ причины; нѣтъ ни одного практическаго врача, который зналъ бы всѣ болѣзни по собственному опыту, въ особенности, — происходящія отъ отравленія; единственный способъ избѣжать ошибки при опредѣленіи болѣзненнаго состоянія есть примѣненіе объективнаго метода къ изслѣдованію, который ни опытный глазъ, ни практическій тактъ замѣнить не могутъ.

Отношенія свидѣтельскихъ показаній къ экспертизѣ слѣдующія: первыя обуславливаются главнымъ образомъ внѣшнею стороною событія; свидѣтели передаютъ только личныя, субъективныя впечатлѣнія, вызываемыя обстоятельствами преступнаго дѣянія прежде того времени, когда происшествіе сдѣлалось предметомъ слѣдствія; экспертиза же относится главнымъ образомъ къ внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія, къ связи наслѣдуемаго

факта съ предполагаемою причиною или угрожающими послѣдствіями его, возстановляетъ фактъ преступленія на основаніи объективныхъ заключеній, обуславливаясь главными основаніями умственной дѣятельности и человѣческаго прогресса; она основывается исключительно на объективныхъ вещественныхъ слѣдахъ, произведенныхъ преступленіемъ на организмъ и обсужденныхъ уже въ то время, когда послѣдствіе преступнаго дѣянія уже сдѣлалось предметомъ слѣдствія.

Эксперты высказываютъ свое мнѣніе о свойствѣ, съ научной точки зрѣнія, напр., причиненныхъ поврежденій и вліянія ихъ на здоровье потерпѣвшаго отъ насильственныхъ дѣйствій лица, о средствахъ, употребленныхъ при насиліи или поврежденіи, о времени и продолжительности причиненія послѣднихъ, а также по всѣмъ возникающимъ по дѣлу вопросамъ, для правильнаго разрѣшенія которыхъ необходимы медицинскія или другія научныя познанія.

Нашъ законъ (рѣш. Пр. С. 1869 г. № 298) проводитъ рѣзкое различіе между свидѣтелями и экспертами.

То, о чемъ можно спрашивать эксперта, не можетъ быть предметомъ допроса свидѣтеля и наоборотъ, такъ какъ основанія, по которымъ приглашаются въ судъ лица въ качествѣ свидѣтелей или экспертовъ, обуславливаютъ и характеръ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть предлагаемы имъ на судѣ.

Когда экспертъ свидѣтельствуетъ о какомъ-либо видѣнномъ имъ фактѣ, онъ является свидѣтелемъ. Когда онъ представляетъ объясненіе о произведенномъ имъ испытаніи или освидѣтельствovanіи, онъ является, какъ бы, свидѣтелемъ, даетъ показаніе о томъ, что имъ усмотрѣно было при экспертизѣ на предварительномъ слѣдствіи, которая можетъ быть повторена, по возможности, въ засѣданіи суда, на судебномъ слѣдствіи, дополняетъ и развиваетъ заключеніе по ранѣе произведенному изслѣдованію.

Въ этомъ отношеніи граница факта и мнѣнія, отдѣляющая свидѣтеля отъ эксперта, часто нарушается, какъ бы, уничтожается по самому существу дѣла, каковое нарушеніе неизбѣжно даже въ обыденныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ и едва ли можетъ быть вполне устранено.

Врачъ, напр., лѣжившій потерпѣвшаго не задолго до его смерти, можетъ оказать цѣнную для правосудія услугу какъ изложеніемъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ у постели умершаго въ

качествѣ свидѣтеля, такъ и сообщеніемъ специальныхъ свѣдѣній о причинахъ и явленіяхъ болѣзни и смерти умершаго.

Хотя показанія свидѣтелей и составляютъ обыкновенный и наиболѣе обильный источникъ нашихъ познаній вообще и въ частности на судѣ, хотя рѣдкое уголовное дѣло обходится безъ свидѣтелей, но и показанія экспертовъ часто пріобрѣтають громадное, а иногда и рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Таковы, напр.; услуги, оказываемыя правосудію фотографіею. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., когда рѣчь идетъ о сектантскихъ вѣрованіяхъ и т. п., къ показанію эксперта легко можетъ примѣшаться субъективный элементъ. Много такта, много пониманія своей роли требуется отъ него въ этихъ случаяхъ, чтобы онъ не увлекся и незамѣтно не превратился изъ объективнаго наблюдателя научной или технической точки зрѣнія на предметъ, подлежащій судебному изслѣдованію, въ обвинителя или, наоборотъ, въ защитника подсудимаго.

Особенное значеніе экспертиза пріобрѣтаетъ въ большихъ, сложныхъ и запутанныхъ дѣлахъ, гдѣ обвиненіе покоится на косвенныхъ уликахъ.

Экспертамъ принадлежитъ право самостоятельныхъ дѣйствій въ области ихъ специальныхъ знаній; суду принадлежитъ главное руководство; судъ ставитъ вопросы; эксперты даютъ на нихъ отвѣты и притомъ на судѣ присяжныхъ, по возможности, кратко.

Эксперты не могутъ быть спрашиваемы по такимъ предметамъ, которые подлежатъ непосредственному вѣдѣнію суда, или высказывать мнѣнія о доказанности совершенія подсудимымъ преступнаго дѣянія (р. Пр. С. 1896 г. № 20) или опредѣлять квалификацію дѣянія. Врачъ—экспертъ не можетъ быть спрашиваемъ о томъ, имѣли ли насильственные дѣйствія характеръ истязаній или иного преступленія, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса относится къ исключительной обязанности суда.

Однимъ словомъ, врачъ—экспертъ не обязанъ въ своемъ заключеніи по уголовному дѣлу давать отвѣтъ на вопросъ о соотвѣтствіи дѣйствій обвиняемаго законному опредѣленію преступленія.

Предсѣдатель не долженъ допускать невыполненія экспертомъ ставимыхъ ему закономъ предѣловъ (р. Пр. С. ^{69 г. 72 г. 73 г.}_{298, 822, 9} и 611 ст. У. У. С.), такъ какъ предсѣдателю принадлежитъ право и власть опредѣлять предѣлы всякихъ объясненій, представляе-

мыхъ на судѣ. Ему принадлежитъ право прекращать допросъ экспертовъ или свидѣтелей, когда онъ считаетъ предметъ совершенно исчерпаннымъ или вопросъ не относящимся къ дѣлу (р. Пр. С. $\frac{76 \text{ г.}}{300}$, $\frac{78 \text{ г.}}{18}$), не оставлять безъ замѣчаній извращенія правильного хода хода судебного процесса, грубаго затемнѣнія дѣла совершенно посторонними обстоятельствами (р. Пр. С. $\frac{87 \text{ г.}}{82}$).

Равнымъ образомъ Сенатъ призналъ, что нельзя считать способъ непосредственнаго допроса экспертомъ свидѣтелей правильнымъ (р. $\frac{68 \text{ г.}}{944}$, $\frac{71 \text{ г.}}{1899}$, $\frac{76 \text{ г.}}{160}$). Допросъ этотъ долженъ производиться чрезъ Предсѣдателя, который можетъ отступить отъ этого правила только въ томъ случаѣ, когда обстоятельство подлежащее выясненію, имѣетъ спеціальныи характеръ, причемъ формуловка вопросовъ самимъ экспертомъ представляется болѣе удобно.

Порядокъ отобранія заключеній экспертовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда (р. Пр. С. $\frac{60 \text{ г.}}{298}$). Нѣтъ надобности ограждать экспертовъ, подобно свидѣтелямъ, отъ всякаго внѣшняго на нихъ вліянія и удалять ихъ для этого допроса изъ залы суда (р. Пр. С. $\frac{72 \text{ г.}}{974}$). Судъ вправѣ, если находитъ нужнымъ, оставить изъ 4 экспертовъ, вызванныхъ въ судъ, двоихъ въ залѣ суда, а остальныхъ удалить въ особую комнату (р. Пр. С. $\frac{72 \text{ г.}}{1626}$).

Если прокуроръ или подсудимый требуютъ допроса экспертовъ порознь, то такое требованіе должно быть уважено судомъ (р. Пр. С. $\frac{70 \text{ г.}}{1274}$). Неудовлетвореніе судомъ ходатайства подсудимаго объ оставленіи эксперта въ залѣ засѣданія во время производства судебного слѣдствія не можетъ, однако, быть поводомъ кассации (р. Пр. С. $\frac{74 \text{ г.}}{9}$). Въ другихъ рѣшеніяхъ ($\frac{68 \text{ г.}}{944}$, $\frac{71 \text{ г.}}{394}$ и т. д.) роль эксперта крайне суживается.

По Уставу Угол. Судопроизводства показанія свѣдущихъ людей ничѣмъ не выдѣляются изъ общей системы судебныхъ доказательствъ. Это есть одно изъ доказательствъ. Экспертъ способствуетъ суду въ разрѣшеніи дѣла. Заключение экспертовъ можетъ быть опровергаемо сторонами, которыя могутъ противопоставлять ему мнѣнія другихъ авторитетовъ по спеціальному вопросу и ссылаться на научныя сочиненія. Но чтеніе писателей есть уже экспертиза, не бывшая предметомъ обсужденій и потому нарушающая равноправность (р. Пр. С. $\frac{69 \text{ г.}}{564}$).

Нашъ законъ допускаетъ сомнѣніе въ правильности выводовъ эксперта. Статья 305 Уст. Угол. Суд., предвидя, что согласія врачей—экспертовъ почти никогда не бываетъ, предписываетъ Су-

дебному Слѣдователю, когда выводы ихъ возбуждаютъ сомнѣніе, требовать заключенія Врачебнаго Отдѣленія, а въ случаяхъ особо важныхъ и обращаться съ просьбой о дачѣ заключенія въ Медицинскій Совѣтъ Мин. Вн. Дѣлъ (р. Об. С. С. ^{79 г.}_{84.}). А такъ какъ сомнѣніе есть только результатъ критической оцѣнки, то очевидно, что законъ не только допускаетъ послѣднюю, допускаетъ провѣрку заключенія экспертовъ путемъ тщательной критики, но предписываетъ судьямъ ее произвести, не полагаясь на мнѣнія и научныя знанія врачей (р. Пр. С. ^{67 г.}_{571,} ^{68 г.}_{86,} ^{69 г.}_{422,} ^{73 г.}_{692.}). Заключенія свѣдущихъ людей, также какъ и показанія свидѣтелей, подлежатъ свободной оцѣнкѣ судьи въ каждомъ конкретномъ случаѣ по внутреннему убѣжденію. Приговоръ, основывающійся на экспертизѣ, не провѣренной судомъ на почвѣ свободной оцѣнки доказательствъ, не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія (р. Пр. С. ^{69 г.}_{727,} ^{71 г.}_{714.}).

Наука не имѣетъ ничего принудительнаго. Поэтому было бы не послѣдовательно, если бы заключенія экспертовъ были обязательны для судьи. Матеріалы для своей критики юристъ обязанъ брать изъ научныхъ сочиненій.

Главные признаки, по которымъ судьей можетъ быть определено достоинство заключенія экспертовъ,—въ его внутреннихъ свойствахъ и въ способности и въ личныхъ качествахъ эксперта.

Выводы эксперта должны исполнѣ выяснить ихъ научное достоинство, должны быть произведены по установленному наукою методу, приему, должны быть мотивированы. Факты, принятые экспертомъ въ основаніе его заключенія, должны соответствовать дѣйствительности, а заключенія, выводимыя изъ этихъ фактовъ, должны быть правильны. Научныя данныя, на которыхъ построенъ заключеніе эксперта, должны относиться не къ гипотезамъ, а къ твердо установленнымъ научнымъ положеніямъ. Но не столько общенаучныя начала составляютъ достоинство и доказательную силу экспертизы, сколько то, что она представляетъ правильный логическій силлогизмъ, отличающійся во всѣхъ составныхъ частяхъ совершенною объективностію. Основаніе достоинства экспертизы составляетъ та же самая могущественная, общеубѣдительная логическая сила, которая обуславливаетъ все мышленіе человѣка, всю нравственную дѣятельность его вообще, которая по существу своему превышаетъ всѣ прочіе роды доказательныхъ средствъ, какъ, напр., авторитетъ, показанія постороннихъ лицъ и пр., которыя она сама, напротивъ, повѣряетъ. Только совершенно объек-

тивныя данныя матеріальныя, анатомическія признаки состава преступленія, фізіологическія явленія, его доказывающія, и т. п.), не стоящія въ связи съ обстоятельствами дѣла, взятыя сами по себѣ, составляютъ доказательства.

Самое заключеніе должно быть изложено въ опредѣленной и ясной формѣ, удобопонятной для судей не спеціалистовъ, а экспертиза должна быть произведена съ спокойствіемъ и достоинствомъ истиннаго знанія. Сами эксперты должны обладать качествами достовѣрныхъ свидѣтелей, прочными знаніями своей науки, особымъ навыкомъ, опытностію, авторитетомъ, репутаціею.

Только при удовлетвореніи этихъ условій, требованій могутъ установиться правильныя отношенія судей къ экспертамъ. Если же экспертиза, не ограничиваясь этимъ, переходитъ къ разбору собранныхъ по дѣлу фактическихъ уликъ, сопоставляетъ ихъ между собою и т. д., то здѣсь она входитъ не въ свою роль, дѣйствуя безъ опыта, безъ судейскаго спокойствія, безстрастія и безъ прямой отвѣтственности. Нельзя требовать отъ эксперта, чтобы онъ безусловно не касался обстоятельствъ дѣла, имѣющихъ соотношеніе съ вопросами его спеціальности, ибо онъ передаетъ суду въ рамкахъ своего свидѣтельства непосредственныя впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ и выводовъ изъ фактовъ, научно провѣренныхъ.

Если въ представителяхъ экспертизы не найдется признаковъ навыка или речительства въ полномъ обладаніи прочными знаніями своей спеціальности, если заключеніе ихъ шатко, не твердо и уклончиво, то экспертиза должна быть исключена изъ числа доказательствъ. Наибольшую достовѣрность показаніе свѣдущихъ людей пріобрѣтаетъ, когда нѣсколько экспертовъ приходятъ къ одному и тому же заключенію и притомъ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ и отъ того, въ какой мѣрѣ ихъ выводы согласны съ извѣстными обстоятельствами дѣла. Резюмируя заключеніе экспертовъ въ судѣ въ Лондонѣ въ 1781 году, судья Боллеръ по дѣлу объ отравленіи сѣра Θεодосія Баутона сказалъ присяжнымъ: вы слышали со стороны подсудимаго показаніе джентельмена, который принадлежитъ къ лѣкарскому факультету. Онъ не можетъ сказать, въ чемъ состоитъ его мнѣніе, онъ, кажется, не имѣетъ никакого мнѣнія. Съ одной стороны, вы имѣете мнѣніе 4 или 5 врачей, что покойный умеръ отъ яда, съ другой, — одно только сомнѣніе. При оцѣнкѣ заключеній, основанныхъ не на научныхъ знаніяхъ, судъ, естественно, встрѣчаетъ гораздо менѣе затрудненій для самосто-

ятельнаго къ нимъ отношенія, нежели при оцѣнкѣ научной. экспертизы, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало внутренняго убѣжденія судьи находить къ нимъ болѣе полное и безпрепятственное примѣненіе.

Показаніе обвиняемаго.

Показаніемъ обвиняемаго называются тѣ объясненія, которыя даетъ судья или сдѣлователю обвиняемый по поводу преступнаго дѣянія, въ совершеніи котораго онъ обвиняется. Отсюда—всѣ объясненія, сдѣланныя имъ внѣ суда или не судебной власти, не судебная повинная, составляютъ сообщенія, имѣющія частный характеръ. Внѣсудебныя признанія—это отрывочныя сознанія иногда сознаннымъ доказательства. Показаніе обвиняемаго можетъ выразиться или въ формѣ отрицанія своей вины (особый видъ свидѣтельства въ свою пользу) или въ формѣ признанія себя виновнымъ (показаніе во вредъ себѣ), прямо и безмолвно, полно и не полно, или частично, или чрезъ отказъ отвѣчать на вопросы (злостная нѣмота, по выраженію Англичанъ). Признаніе есть заявленіе стороны противъ своихъ интересовъ, открытіе своей вины словами, прямой или даже безмолвный отказъ отъ оспариванія неблагоприятнаго для подсудимаго показанія.

Причины свидѣтельства противъ себя и внѣсудебныя признанія.

Причины свидѣтельства противъ себя бываютъ различны. Когда обвиняемый дѣйствительно виновенъ, онъ или думаетъ, что предусматриваетъ уже сложившіяся противъ него подозрѣнія, или прибѣгаетъ къ этому рискованному средству вслѣдствіе безпокойства, чтобы отклонить отъ себя эти подозрѣнія. Онъ робко спрашиваетъ, чтобы узнать, что извѣстно или что предполагаютъ; онъ не рѣшается молчать въ присутствіи тѣхъ, которые свободно говорятъ о дѣлѣ; онъ самъ рассказываетъ о немъ, чтобы сообщить себѣ видъ увѣренности, и къ этой необходимой смѣси лжи и правды онъ примѣшиваетъ въ своемъ рассказѣ такія обстоятельства, которыя могли быть извѣстны только одному ему и которыя бываютъ ловушкою, на которую онъ и попадаетъ.

Весьма вѣроятно, что слушающіе его, особенно если разговоръ былъ начать имъ самимъ, пораженные тѣмъ, что можетъ быть

не ясно и двусмысленно въ извращенномъ разсказѣ, станутъ предлагать вопросы, чтобы добиться большаго разъясненія, и получать отвѣты. Свидѣтельство противъ себя бываетъ по простой болтливости. Предполагаемый преступникъ, хвастаясь преступленіемъ, по своей волѣ рассказываетъ о дѣлѣ съ большими или меньшими подробностями лицу, отъ котораго ожидаетъ удивленія или симпатіи. Этотъ случай встрѣчается нерѣдко. Онъ попадаетъ часто между злодѣями по профессіи, но не ограчивается этимъ классомъ людей. Когда художникъ Жакъ былъ повѣшенъ въ 1777 году за поджогъ Портсмутскаго мазаина съ цѣлю послужить дѣлу возставшихъ американцевъ, большая часть доказательствъ была этого рода. Онъ хотѣлъ заслужить себѣ уваженіе передъ лицами, которыхъ считалъ проникнутыми тѣми же чувствами, какъ и онъ.

Оно бываетъ по неосторожной болтовнѣ, т. е. когда не ожидаютъ послѣдствій ея. Проникнутый тѣмъ же побужденіемъ тщеславія или симпатіи, человѣкъ рассказываетъ о какомъ-нибудь своемъ поступкѣ, который самъ по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего преступнаго, но который составляетъ доказательство главнаго факта.

Оно бываетъ по простой неосторожности въ разговорѣ. Увлеченный своимъ разсказомъ, безъ намѣренія хвастать, человѣкъ передаетъ какой-нибудь относящійся къ нему фактъ, не замѣчая того, что этотъ случай имѣетъ тѣсную связь съ главнымъ фактомъ его преступленія. Бываютъ лица, увлекающіяся интереснымъ разсказомъ до такой степени, что забываютъ о дѣйствующихъ лицахъ ихъ разсказа и приписываютъ факты самимъ себѣ. Оно бываетъ по необдуманному намѣренію оправдать себя. Самый главный врагъ бываетъ прежде всего безпокойство. Если обвиняемый думаетъ, что ему можетъ быть приписано преступленіе, или если на него уже падаетъ подозрѣніе, онъ принимаетъ мѣры къ непосредственному оправданію себя, онъ вводитъ въ свои бѣсѣды факты, которые находятъ годными для устраненія подозрѣній противъ него; но они производятъ противоположное дѣйствіе. Оно бываетъ по раскаянію или вслѣдствіе замѣшательства отъ ужаса. Можетъ случиться, что преступникъ, побуждаемый тоскою или угрызеніями совѣсти, облегчаетъ себя сознаніемъ или довѣряя свою тайну своимъ друзьямъ или лицамъ, которыхъ онъ принимаетъ за своихъ друзей, или даже съ намѣреніемъ, чтобы его признанія были предъявлены въ судъ какъ доказательства.

Оно бывает по побужденію высшаго интереса. Въ погонѣ за какими-нибудь барышами или выгодами человѣкъ открываетъ фактъ, обращающійся въ доказательство факта совершенія имъ преступленія. Онъ можетъ открыть такой фактъ, не замѣчая послѣдствій того, или даже сознавая послѣдствія, какъ будто въ разсматриваемомъ дѣлѣ предметъ, который онъ имѣетъ въ виду, представляетъ такую цѣнность, которою вознаграждается рискъ, испытываемый вслѣдствіе открытія преступленія. Такого рода вѣсудебныя признанія никогда не слѣдуетъ признавать равнозначительными сознанию, и, какъ бы ни казались они ясны и рѣшительны, судья долженъ провѣрить и пополнить ихъ, насколько это возможно, всѣми способами допроса.

Внезапныя признанія, сдѣланныя лицамъ, не имѣющимъ права производить слѣдствіе, есть самая слабая и наиболѣе сомнительная изъ всѣхъ уликъ. Они только въ той мѣрѣ могутъ быть разсматриваемы равнозначительными сознанию, въ какой они будутъ достаточны для составленія убѣжденія. Доказательства такого рода приобрѣтаются весьма легко: лицо могло говорить, намекая на какой-нибудь фактъ, а не на разсматриваемое преступленіе. Если свидѣтель принялъ серьезно то, что было сказано въ шутку или съ-пьяну изъ бохвальства, если дѣйствіе, которое предполагаютъ преступнымъ, было само по себѣ невинное, то все это уничтожаетъ доказательную силу внезапнаго признанія. Разговоръ могъ быть не полонъ и уже поэтому весьма легко могъ быть ложно истолкованъ, переиначенъ. Обвиняемый могъ говорить о какомъ-нибудь обстоятельстве, которое могло и не имѣть отношенія къ главному факту. Онъ могъ выпустить такое обстоятельство, которое могло бы послужить ключемъ для раскрытія происшествія и которое могло бы разсѣять всѣ подозрѣнія. Недостающіе факты въ случайной и неполной передачѣ могли быть такого рода, что совершенно измѣнили бы характеръ главнаго факта.

Дѣлается ли это по невѣжеству, невниманію или враждѣ— для подсудимаго все-равно, потому что онъ во всякомъ случаѣ страдаетъ одинаково.

Противъ уликъ такого рода при обыкновенномъ порядкѣ вещей нельзя представить такихъ оправданій, какими можно опровергать и часто опровергаются чисто фактическія улики.

Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значеніе и вѣсудебнаго признанія. Соединивъ внезапныя признанія, эти раздробленные от-

рывки, можно составить цѣпь, но при помощи такого приѣма, который относится по своему свойству къ косвеннымъ доказательствамъ, выводя доводы изъ вѣроятностей. Современный уголовный судъ, руководствуется въ своей дѣятельности не формальными правилами объ уголовныхъ доказательствахъ, а внутреннимъ судебскимъ убѣжденіемъ, для котораго отдѣльныя слова, сказанныя обвиняемымъ до суда и переданныя на судъ свидѣтелемъ, могутъ иногда имѣть большее значеніе, нежели сознание, учиненное въ послѣдовательно изложенномъ показаніи на судѣ. Но и сознание на предварительномъ слѣдствіи не можетъ считаться прочною уликою, ибо неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ оно дано. Кромѣ того, законъ воспрещаетъ читать на судебномъ слѣдствіи такое показаніе обвиняемаго безъ его на то согласія и даетъ ему право не отвѣчать на вопросы.

Можно ли было воспользоваться сознаниемъ, когда; въ инныя времена, истязуемый пыткой, вздернутый на дыбу, изможденный страданіями злополучный обвиняемый, моля о пощадѣ, взывалъ „ай, ай, умираю!.. сознаюсь...“, когда сознание вытекаетъ изъ дряблости характера, вызвано душевными муками, нравственною пыткой, которая для нѣкоторыхъ людей гораздо ужаснѣе физическихъ мукъ, ибо здѣсь они безсильны, когда оно дано подѣ давленіемъ холоднаго благоразумія, подѣ давленіемъ послѣдовательности враговъ, наступившихъ ногою на горло, подѣ тяжестью угрозъ въ минуту отчаянія. Нельзя поэтому предлагать обвиняемому вопросы а) темные или двусмысленные, связь которыхъ съ предметомъ показанія не можетъ быть понята обвиняемымъ, б) уличающіе, вынуждающіе у него отвѣтъ, значеніе котораго онъ не сознаетъ, в) наводящіе, когда извѣстныя обстоятельства представляются ему такъ, что ему остается отвѣчать лишь утвердительно. Вопросы, напоминающіе обвиняемому о сознаниі у Слѣдователя, не согласны съ духомъ закона и не совмѣстны съ достоинствомъ суда. Слѣдуетъ однако замѣтить, что сознание обвиняемаго на письмѣ, есть рѣчь его самого, а не простая передача его словъ свидѣтелемъ, которая легко можетъ быть не точна, переходя чрезъ посредство другого лица. Когда показаніе обвиняемаго записано, тогда онъ не можетъ отклонить свѣдѣнія, которыя онъ можетъ узнать отъ своихъ соумышленниковъ, тогда онъ не въ состояніи уже измѣнить этотъ основной рассказъ.

Хотя обвиняемый и можетъ отречься отъ учиненнаго имъ

сознанія, отозваться, что подписать показаніе, не читая его, или что къ подписанію его онъ былъ принужденъ угрозами или насиліемъ, однако эти его объясненія не уничтожаютъ значенія сознанія съ необходимостію и не дѣлаютъ прежняго сознанія не существующимъ. Необходимо только въ этихъ случаяхъ выяснить, голословенъ ли отказъ отъ сознанія, существуютъ ли причины, объясняющія появленіе его, и возбуждаются ли вообще имъ сомнѣніе въ истинности прежняго сознанія.

Сознаніе на судѣ.

Только допросъ на судѣ можетъ считаться полною гарантіею того, что сознаніе дано непринужденно и чистосердечно, что подсудимаго никто не тѣснитъ, не пытается, не склоняетъ лгать на себя и на другихъ, общая за это всевозможныя выгоды.

Въ исторіи уголовного процесса сознаніе въ теченіе долгаго времени признавалось безусловнымъ, лучшимъ доказательствомъ виновности. Это лучшее свидѣтельство всего свѣта, по выраженію нашего свода законовъ. По господствующему воззрѣнію, это не болѣе какъ улика, одно изъ судебныхъ доказательствъ и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не составляетъ безусловнаго доказательства, не устраняетъ примѣненія начала внутренняго судейскаго убѣжденія при оцѣнкѣ уголовныхъ доказательствъ. Основаніе, по которому собственное сознаніе можетъ имѣть значеніе доказательства, заключается въ томъ, что никто не обязанъ показывать противъ себя. Самоизобличеніе противорѣчитъ естественному чувству самосохраненія, которое, въ случаѣ невиновности обвиняемаго, должно было бы побудить его не къ признанію вины, но къ отрицанію ея. Человѣку противно обличать самого себя. Нельзя требовать отъ него, чтобы онъ ненавидѣлъ самого себя, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ, какъ еслибы онъ былъ своимъ врагомъ. Совѣсть подсказываетъ, что немыслимо позорить себя признаніемъ факта, который не совершился. Въ безчестномъ дѣяніи напрасно никто не сознается. Человѣку противно также быть обличаемымъ другими и переносить наказаніе.

Отказъ отъ борьбы съ обвиненіемъ создаетъ предположеніе невозможности веденія ея вслѣдствіе основательности обвиненія. Въ судебной практикѣ собственное сознаніе всегда представлялось излюбленнымъ доказательствомъ виновности по весьма понятной

причинѣ. Оно уменьшаетъ количество тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ въ уголовномъ дѣлѣ при отсутствіи сознанія, облегчаетъ работу суда и даетъ ему возможность основать свое убѣжденіе на этомъ сознаніи, не прибѣгая къ утомительной и часто опасной борьбѣ съ сомнѣніемъ по дѣлу. Но судебная практика постоянно свидѣтельствовала и о томъ, что собственное сознаніе подсудимаго не всегда надежное доказательство и что оно нуждается въ серьезной провѣркѣ для того, чтобы судья рѣшился положить его въ основаніе обвинительнаго приговора. Свидѣтельство противъ себя можетъ быть ложно по многимъ причинамъ: 1) вслѣдствіе отвращенія къ жизни, вслѣдствіе огорченій, которыя могутъ привести несчастнаго человѣка къ желанію избрать этотъ родъ самоубійства, когда дѣло идетъ о важномъ обвиненіи; 2) вслѣдствіе тяготѣющаго надъ обвиняемымъ подозрѣнія и происходящаго отсюда весьма удрученнаго положенія его, отчаянія и полной апатіи, овладѣвающихъ нерѣдко лицомъ, неправильно привлеченнымъ къ уголовному суду; 3) вслѣдствіе психической ненормальности, или по разстройству ума и заблужденіямъ разума, какъ признаніе въ колдовствѣ, въ сношеніи съ адскими духами; 4) съ цѣлію возвести на кого-либо обвиненіе въ соучастіи злобѣ или, наоборотъ, вслѣдствіе симпатіи къ лицу, котораго обвиняемый хочетъ спасти, какъ, напр., близкаго человѣка, пожертвовавши собою; 5) вслѣдствіе усердія къ религіи или любви къ отечеству (великодушная ложь); 6) вслѣдствіе корыстныхъ побужденій, чтобы за условленную цѣну избавить настоящаго виновника отъ наказанія за совершенное имъ преступленіе; 7) съ цѣлію оградить себя отъ другого обвиненія, наиболѣе важнаго, или, чтобы не выдать, напр., тайну женщины. Всѣ эти обстоятельства внушаютъ сильное подозрѣніе къ показанію обвиняемаго, могутъ ввести правосудіе въ заблужденіе и создать судебную ошибку. Опасно вѣрить сознанію подсудимаго, опасно приписывать человѣку преступленіе только потому, что онъ самъ себя обвиняетъ, когда обстоятельства, — эти молчаливые свидѣтели и доказчики преступленія, — идутъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ или не подтверждаютъ его.

При оцѣнкѣ доказательнаго значенія сознанія подсудимаго надо имѣть въ виду наличность нѣкоторыхъ признаковъ—его форму и содержаніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи для оцѣнки его имѣютъ значеніе свойство фактовъ, въ немъ изложенныхъ, тож-

дественность изложенія при многократности показаній, источникъ, изъ котораго обвиняемый черпаетъ передаваемое имъ, порождаемая его показаніемъ увѣренность въ томъ, что онъ вѣрно воспринялъ факты и отчетливо передалъ ихъ, полная сознательность въ его рассказѣ о конкретномъ обстоятельстве дѣла, отсутствіе противорѣчій, полнота и согласіе сознанія съ другими обстоятельствами дѣла, возможность провѣрить его другими доказательствами, отсутствіе физическаго или нравственнаго принужденія общаніями, ухищреніями, угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства, отсутствіе подозрѣнія въ томъ, что сознающійся губить себя или; наоборотъ, сознаніемъ въ меньшей винѣ старается купить незаслуженное сочувствіе, умолчаніе о большей винѣ и оставленіе ся безъ разсмотрѣнія, въ томъ, что оно сдѣлано не съ цѣлію направить правосудіе на ложный путь, отклонить подозрѣніе отъ близкихъ лицъ, отсутствіе всякаго сомнѣнія въ чистосердечіи, въ правдивости сознающагося. Справедливость требуетъ, чтобы собственное сознаніе подсудимаго бралось какъ оно есть—въ полномъ составѣ. Измѣненіе признанія въ какихъ-либо подробностяхъ, легко ускользающихъ изъ памяти, ошибочность или ложность обнаруженная въ части его показанія тѣмъ самымъ не уничтожаетъ еще силы другихъ частей его объясненія на счетъ существенныхъ фактовъ, но должно побудить судью относиться къ нимъ съ особенною осторожностію; противорѣчіе же въ существенныхъ частяхъ предполагаетъ, что одна изъ нихъ ложна.

Подсудимый всегда предполагается невиновнымъ, пока это не будетъ опровергнуто достаточнымъ количествомъ уликъ. Это основывается на разумѣ, на справедливости, на челоуѣколюбіи. Но эта презумпція не означаетъ того, что его невиновность a priori болѣе вѣроятна или, что большинство людей, привлекаемыхъ къ суду, не виновно, но означаетъ, что невиновность его должна быть доказана положительнымъ образомъ и что бремя доказыванія лежитъ на обвинителѣ. Это есть основное правило современной теоріи доказательствъ и нашего законодательства, основанное на слѣдующихъ соображеніяхъ: кто утверждаетъ что-либо, тотъ долженъ доказать выставленное имъ положеніе, а потому обвиненіе, утверждающее виновность лица, должно быть доказано. Съ формальной стороны обвиняемый ничего не долженъ доказывать, но фактически силою обстоятельствъ на него часто перемѣщается обязанность доказывать, когда онъ что-либо утверждаетъ

или отрицаетъ и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ какой-либо положительный фактъ, напр., доказываетъ свое alibi, т. е. отсутствіе на мѣстѣ совершенія преступленія въ моментъ совершенія этого преступленія. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ одного голословнаго утвержденія или отрицанія не достаточно, и собственный интересъ обвиняемаго побуждаетъ его представить всѣ имѣющіяся у него данныя въ удостовѣреніе правильности его объясненій. Фактически отказывающіеся отъ объясненій подсудимый создаетъ въ судьяхъ, рѣшающихъ дѣло по внутреннему убѣжденію, весьма невыгодное положеніе, возбуждая въ судьяхъ предположеніе, что, уклоняясь отъ содѣйствія къ обнаруженію матеріальной истины, онъ поступаетъ неискренно потому, что боится выдать себя неосторожнымъ словомъ и что, слѣдовательно, онъ виновенъ въ совершеніи преступленія.

Молчаніе—это синонимъ признанія дѣйствіемъ. Къ нему обвиняемый прибѣгаетъ при невозможности представить оправдывающаго его свидѣтеля. Если обвиняемый выслушиваетъ свидѣтелей, обвиняющихъ его, если онъ видитъ какъ раскрываются противъ него доказательства, которыя должны подѣйствовать на убѣжденіе судьи, если онъ упорствуетъ въ своемъ молчаніи, то заключеніе, выводимое отсюда противъ него, также естественно, какъ и законно. Можетъ ли онъ имѣть какое-либо другое основаніе для молчанія, кромѣ опасенія изобличить самого себя. Нравственно не возможно, чтобы онъ отказался говорить, если онъ не виновенъ. Какимъ-бы способомъ не проявлялась скрытность, она служитъ указаніемъ страха и потому составляетъ доказательство виновности. Къ молчанію прибѣгаютъ при послѣдней крайности. Но оно, однако, какъ признаетъ и нашъ законъ, не должно быть принимаемо за признаніе обвиняемымъ своей вины. Оно, какъ и другія побочныя обстоятельства, можетъ быть результатомъ разстройства умственныхъ способностей, оно можетъ происходить изъ принципа чести и великодушія. Но, вѣдь, дѣло идетъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть доказательства, достаточныя свидѣтельства противъ обвиняемаго, которыя онъ въ состояніи опровергнуть, если онъ не виновенъ, и о которыхъ онъ можетъ молчать только потому, что его осуждаетъ совѣсть его.

И надо быть слишкомъ невѣжественнымъ въ главныхъ элементарныхъ началахъ судебного искусства, чтобы не умѣть отличить свойства и причины молчанія.

Хотя допросъ подсудимаго имѣетъ значеніе не столько доказательства, сколько средства защиты обвиняемаго отъ тяготящаго надъ нимъ обвиненія, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что показаніе его является фактомъ, оказывающимъ вліяніе на исходъ дѣла. Въ силу 683 и 684 ст. ст. Уст. Угол. Суд. судъ и присяжные засѣдатели могутъ допрашивать подсудимаго, предупредивъ его о правѣ его не отвѣчать на предложенные вопросы. Отсюда слѣдуетъ, что законодатель призналъ, что слова подсудимаго составляютъ необходимый элементъ судебного слѣдствія, который долженъ быть разобранъ съ тою же подробностію, какъ и прочія обстоятельства дѣла. Производя такой допросъ, судья отнюдь не долженъ высказывать своего мнѣнія о правдоподобности или неправдоподобности показанія обвиняемаго, такъ какъ заявленіе такого мнѣнія не согласно съ требованіями закона о безусловномъ безпристрастіи судьи.

Предсѣдатель вправе предложить вопросъ подсудимому объ обстоятельствахъ, обнаруженныхъ при разсмотрѣніи каждаго доказательства въ отдѣльности. Мотивомъ такого толкованія Сенатъ принялъ соображеніе, что права подсудимаго въ этихъ случаяхъ гарантируются тѣмъ, что онъ можетъ не отвѣчать на эти вопросы. Мало того, Сенатъ разъяснилъ, что требованіе Предсѣдателемъ отъ подсудимаго объясненій по поводу разнорѣчія, обнаруживающагося между даннымъ подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи показаніемъ и показаніемъ допрошеннаго на судѣ свидѣтеля не можетъ быть признано существеннымъ, если защита своевременно не протестовала (р. Пр. С. $\frac{68 \text{ г.}}{66} \frac{74 \text{ г.}}{212}$).

Показаніемъ и поведеніемъ подсудимаго выясняются мотивы преступленія, мысли и намѣренія подсудимаго, характеръ его и многія другія существенныя стороны дѣла. Очень важно констатировать, что въ словахъ подсудимаго кроется ложь, и доказать, что онъ имѣетъ причины скрывать нѣкоторыя подробности своей жизни. Поэтому всякая искусственность, введенная защитникомъ въ изложеніе показанія подсудимаго, всякая попытка скрыть отъ правосудія истину въ этомъ показаніи путемъ умолчанія, а тѣмъ болѣе посредствомъ невѣрнаго изложенія, должны быть признаны предосудительными и опасными для правосудія, ибо обманы, уловки и хитрость (злая и извращенная мудрость) указываютъ на то, что происходитъ въ душѣ подсудимаго, на сознаніе его дѣйствительности и важности фактовъ, о которыхъ идетъ дѣло, на жела-

не отклонить отъ себя подозрѣніе, и признаются не совмѣстными съ истиною и невиновностію.

Только тотъ имѣетъ право на снисхожденіе своихъ судей, кто говоритъ правду независимо отъ того виновенъ онъ или нѣтъ.

Принимая на себя бремя доказыванія, обвиняемый находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ обвинитель. Послѣдній долженъ доказать выставляемое имъ положеніе настолько, чтобы у судьи не было никакого сомнѣнія въ правильности его, между тѣмъ обвиняемый въ своей защитѣ можетъ ограничиться установленіемъ лишь одной вѣроятности, возбудивъ только сомнѣніе въ правильности доводовъ противной стороны.

Уловки обвиняемыхъ.

Нѣтъ такихъ увертокъ, къ которымъ не прибѣгали бы дѣйствительно виновные обвиняемые въ своей защитѣ. Но всѣ онѣ при провѣркѣ ихъ просвѣщеннымъ судьей клонятся къ составленію убѣжденія судьи въ виновности обвиняемаго, потому что нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ и болѣе согласнаго съ опытомъ, какъ то, что человѣкъ никогда не прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ или не настаиваетъ на нихъ, если онъ имѣетъ за себя истину или невиновность.

Одною изъ обыкновенныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ обвиняемые, является изобрѣтеніе ложныхъ фактовъ, которые они считаютъ наиболѣе пригодными, чтобы выдать ихъ за истинные. Они стараются, напр., согласить свои показанія съ дѣйствительными фактами посредствомъ перенесенія на день, въ который совершено преступленіе, такихъ событій, которыя случились въ другое время. Но однако это опасный способъ, ибо какъ только приведенный ими фактъ окажется въ противорѣчіи съ доказаннымъ фактомъ, то онъ признается ложнымъ и является болѣе убѣдительное доказательство виновности, нежели, напр., молчаніе.

Весьма популяренъ способъ защиты, называемый *alibi*, въ особенности среди профессиональных преступниковъ, которымъ не трудно найти лжесвидѣтелей. Но безуспѣшныя попытки доказать свое *alibi* всегда считается сильною уликою.

Само собою разумѣется, что если въ дѣлѣ отсутствуютъ сви-

дѣтели, то всякій обвиняемый просто упирается, кляня и людей и судьбу. Въ этомъ случаѣ ему нѣтъ надобности прибѣгать къ системѣ лжесвидѣтельствъ.

Когда успѣхъ обмана зависитъ отъ прямого свидѣтельства безъ всякихъ побочныхъ доказательствъ, тогда главный виновникъ можетъ надѣяться легко пріискать лжесвидѣтелей, которые возмущаются за выполненіе роли, которой онъ ихъ научить. Число посредниковъ не облегчаетъ выполненіе плана. Чѣмъ ихъ болѣе, чѣмъ вообще болѣе дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе лжецъ подвергается опасности быть изобличеннымъ разногласіемъ свидѣтелей, тѣмъ труднѣе провести успѣшно планъ обмана. Тотъ, кто старается обмануть, чувствуетъ очень хорошо, что его интересъ требуетъ представить мнимый фактъ въ формѣ наиболѣе благопріятной, простой, такой, которая болѣе внушаетъ довѣрія, и что, напротивъ, не въ его интересѣ умножать безъ необходимости причины недовѣрія и подозрѣнія. Опасность ошибки отъ обмана скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа посредниковъ, ибо въ этомъ случаѣ остается лишь опасность ошибки вслѣдствіе неточности. Когда для успѣха плана надо фабриковать, обезпечивать, разрушать предметы побочныхъ доказательствъ, то поприще, на которомъ виновный можетъ выбирать второстепенныхъ агентовъ, болѣе стѣснено, и часто онъ можетъ быть остановленъ непредвидѣнными препятствіями.

Въ стремленіи найти лжесвидѣтелей обвиняемые не останавливаются передъ разницею ихъ общественнаго положенія отъ своего, хотя разстояніе между людьми несомнѣнно имѣетъ значеніе въ обществѣ. Огромное, напр., разстояніе между миллионеромъ и поденщикомъ. Примѣры исторіи указываютъ намъ; что въ тѣ даже эпохи, когда люди вырабатывали принципъ равенства, они ставили разстояніе между другъ друга. Изъ исторіи франціи извѣстно, что когда Робеспьеръ во главѣ конвента шелъ на торжество поклоненія Всевышнему, онъ оглядывался назадъ на членовъ конвента, чтобы убѣдиться, что между нимъ и членами конвента есть разстояніе. Такимъ образомъ, человѣкъ, который ратовалъ за равенство правъ, въ тоже время искалъ разстояніе между собою и равными себѣ.

Но этотъ міровой законъ измѣняется совершенно въ обратную сторону: въ примѣненіи къ уголовнымъ дѣламъ. На

судѣ мы встрѣчаемъ множество примѣровъ того, до какой степени поразительно сокращается разстояніе между людьми на скамѣ подсудимыхъ. Напр., кассиръ банкирской конторы, растратившій миллионъ, вѣздившій въ каретахъ, при внезапной ревизіи кассы унижался до того, что просилъ простого артельщика скрыть то обстоятельство, что онъ, кассиръ, передергивалъ фонды изъ обревизованнаго портфеля въ необревизованный. Это обратное явленіе міроваго закона понятно: дорожка преступленія чрезвычайно узка и скользка, и люди, встрѣчающіеся на ней, идутъ, опираясь другъ на друга.

Часто со скамьи подсудимыхъ раздаются громкія фразы о чести и правдѣ, бросается грязь въ потерпѣвшихъ, въ главныхъ свидѣтелей и во всѣхъ лицъ, которыхъ они считаютъ виновниками своего несчастія. Необходимо выяснитъ цѣну этихъ громкихъ фразъ и доказать гдѣ грязь, гдѣ ложь, гдѣ правда. Судьи должны выслушать обѣ стороны и оцѣнить ихъ объясненія, должны воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, который дало имъ судебное слѣдствіе.

Въ жизни въ оправданіе виновнаго часто приводится пословица, выраженіе народной мудрости, „не клади плухо, не вводи вора во грѣхъ“. Но мудрость не всегда одно и тоже, что нравственность. Нравственныя достоинства этой пословицы весьма сомнительнаго качества, а мудрость ея заключается болѣе въ совѣтѣ и предостереженіи кладущему, чѣмъ въ оправданіи берушаго.

Обстоятельства, уличающія обвиняемаго.

Для открытія истины не слѣдуетъ пренебрегать никакими уликами. Всѣ поступки, все, что бросаетъ какой-нибудь свѣтъ на поведение подсудимаго, всѣ дѣйствія другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, все, что доходило до свѣдѣнія подсудимаго, могло имѣть на него вліяніе, его дружескія и враждебныя отношенія, его обѣщанія и угрозы, его наружность, тонъ рѣчи, уклончивость, молчаніе на вопросы, все, что можетъ объяснить связь между этими частностями, и, наконецъ, каждое обстоятельство, какъ предшествовавшее и современное преступленію, такъ и послѣдовавшее за нимъ—все это представляетъ косвенныя улики, все это вліяетъ на умъ судьи.

Если доказано, что лицо обвиняемое находилось въ такихъ обстоятельствахъ, которыя обыкновенно являются побудительными причинами къ совершенію этого противозаконнаго дѣянія, что оно до того подчинилось вліянію этихъ обстоятельствъ, что даже выражало намѣреніе совершить извѣстное преступленіе, что оно имѣло необходимыя средства, напр., отмычки или воровскіе ключи и другія преступныя орудія и удобный случай для исполненія своего намѣренія, что оно немедленно по совершеніи преступленія пользовалось его плодами и разными выгодами, отъ него происходящими, не представивъ удовлетворительнаго объясненія, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ пріобрѣтенія—откуда и какимъ образомъ вещь досталась ему, если скрывало вещи, запиралось въ томъ, что онѣ находятся въ его владѣніи и это показаніе оказывается ложнымъ, если оно представляетъ ложныя, невѣроятныя или несообразныя объясненія относительно пріобрѣтенія ихъ, какъ, напр., что нашло ихъ, если оно продало или хотѣло продать ихъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ, если связь подсудимаго съ составомъ преступленія удостовѣряется положительными внѣшними обстоятельствами, какъ, напр., отпечатками его слѣдовъ, открытіемъ около этого времени на мѣстѣ преступленія или въ близкомъ отъ него разстояніи его платья или другихъ вещей и т. п., если въ его образѣ дѣйствій, на немъ самомъ или въ одеждѣ его представляются вѣрные признаки виновности, которые, повидимому, оно должно было объяснить, какъ, напр., стремленіе его уничтожить признаки тождественности съ вышеупомянутыми слѣдами или сговориться съ подсудимыми, или оно усиливается опровергнуть эти улики лживыми и невѣроятными отговорками и не можетъ доказать гдѣ оно находилось во время совершенія преступленія или покушается избѣжать правосудія или совратить его исполнителей съ пути долга дѣйствіями, не совмѣстными съ предположеніемъ объ его невинности, то совокупность всѣхъ или многихъ такихъ обстояеельствъ при отсутствіи фактовъ, ведущихъ къ противоположному заключенію, естественно, разумно и совершенно справедливо можетъ считаться доказательствомъ виновности подсудимаго, доходящимъ до степени нравственной вѣроятности, высшей степени достовѣрности. Мы привыкли думать, что всякою ложью прикрывается не истина.

Заранѣе обдуманному преступленію должны предшествовать приготовленія орудій или средствъ, напр., воровскихъ ключей, или

отмычекъ, потайныхъ фонарей, горючихъ или взрывчатыхъ веществъ, инструментовъ для дѣланія монеты, яда и т. п., причемъ должно быть принято во вниманіе соціальное положеніе и родъ занятій подсудимаго, которые указываютъ, что не должно быть относимо къ приготовленіямъ, напр., у слесаря отмычки, у медика ядъ, особенно, если для объясненія ихъ обвиняемый указалъ на причины, не заслуживающія уваженія. Но сами по себѣ приготовленія не имѣютъ большаго значенія, потому что задуманное могло быть и не совершено.

Поведеніе и слова подсудимаго увеличиваютъ вѣроятность, избличаютъ намѣреніе, расположеніе къ преступленію и дѣйствительное побужденіе, ибо обнаруживаютъ связь между дѣяніемъ и умомъ дѣятеля. Лицамъ, злоумышляющимъ преступленіе, свойственно выражать угрозы. Угроза часто имѣетъ цѣлю не самое преступленіе, но боязнь, ею пробуждаемую, тревогу. Преступныя угрозы нерѣдко осуществляются. Первоначальное намѣреніе состояло въ томъ, чтобы пробудить страхъ; но ненависть воспламѣняется, вызовы слѣдуютъ одинъ за другимъ, и совершается преступленіе, если представляется удобный случай. Угроза сама по себѣ можетъ служить доказательствомъ двухъ уличающихъ обстоятельствъ: 1) существованія уличающихъ мотивовъ и 2) существованія сообразнаго предрасположенія, т. е. постоянныхъ источниковъ того вида преступленія, которое соотвѣтствуетъ этимъ мотивамъ и этому предрасположенію. Лицамъ этимъ свойственно, далѣе, дѣлать темные и тайнственные намеки на составленные ими планы мести, хвастать о своихъ намѣреніяхъ передъ другими или обнаруживать удовольствіе, злорадство по случаю предвидѣннаго ими какого-нибудь важнаго несчастія. Подобныя выраженія или намеки чрезвычайно важны, когда они связываются независимыми уликами.

Прошлое обвиняемаго.

Дурное поведеніе есть слабая, сомнительная улика, изъ которой опасно дѣлать какой-либо выводъ и то только о нравственной способности обвиняемаго къ совершенію преступленія, а не о дѣйствительности совершенія этого преступленія.

Нѣтъ характеристики болѣе грубой, чѣмъ ссылка на справку о судимости и на повальный обыскъ, удержавшійся, кажется, бо-

лѣе въ силу историческихъ традицій. Но, все-таки, нужно сознаться, что вообще всякій фактъ изъ прошлаго опредѣленнаго лица—потерпѣвшаго, свидѣтеля или подсудимаго—его денежныя средства и положеніе въ обществѣ, его поведеніе на судѣ и у Слѣдователя, его безупречное прошлое—могутъ служить матеріаломъ для уясненія характеровъ ихъ.

Свѣдѣнія о прошлой жизни подсудимаго могутъ быть весьма полезны не только въ интересахъ обвиненія, но и защиты въ тѣхъ случаяхъ, когда вся прошлая безупречная жизнь человѣка говоритъ противъ возможности совершенія имъ преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, или придаетъ ему характеръ случайнаго несчастнаго совпаденія обстоятельствъ.

Въ прошломъ подсудимаго очень часто кроется ключъ для разгадки и пониманія того преступленія, за которое онъ попалъ подъ судъ. Оно освѣщаетъ темныя стороны преступнаго дѣла. Оно имѣетъ важное значеніе для оцѣнки доказательствъ вины.

Сужденіе о подозрѣваемомъ лицѣ будетъ тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ больше черты его характера, т. е. привычекъ, образующихся изъ цѣлаго ряда дѣйствій, и предрасположеній, обусловливаемыхъ его впечатлительностію, имѣютъ связь съ разрядомъ преступленія, къ которымъ относится приписываемое ему дѣяніе, и чѣмъ болѣе приведенныхъ происшествій, фактовъ изъ внѣшнихъ дѣйствій, по которымъ можно съ основательностію судить о существованіи соотвѣтственныхъ свойствъ у обвиняемаго. Здѣсь является какъ бы цѣль заключеній о томъ, что свойства характера подсудимаго могутъ проявиться въ рассматриваемомъ преступленіи.

Преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, не можетъ имѣть передъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся въ немъ склонности ко злу. Если спорный поступокъ вѣжется со всѣмъ прошлымъ подсудимаго, то онъ является вполне правдоподобнымъ. Когда же онъ идетъ въ разрѣзъ съ репутаціею и со всею жизнію человѣка, то обвиненіе надо признать мало вѣроятнымъ, если только оно не опирается на вѣскія улики.

Наиболѣе пригодны приговоры по однороднымъ дѣламъ. Если подсудимый обвиняется въ кражѣ пальто изъ передней, а изъ другихъ приговоровъ о немъ будетъ видно, что онъ нищій, который ходитъ по домамъ, и что онъ нѣсколько разъ судился за

кражи, совершенныя при той же обстановкѣ, то изъ этого можно сдѣлать выводъ, что кражи изъ переднихъ составляютъ его спеціальность и что обвиненіе является вполне правдоподобнымъ. Дурное прошлое подсудимаго, какъ и всѣ другія рѣзкія улики, дѣлаютъ свое дѣло, убѣждая судей въ томъ, что „сорную траву надо выкинуть изъ поля вонъ“.

Прежній приговоръ, коимъ подсудимый оправданъ, долженъ быть забытъ и принимать его въ какое-либо соображеніе мы не имѣемъ права. Онъ разрываетъ между подсудимымъ и настоящимъ дѣломъ всякую связь.

Предѣлы изслѣдованія личности обвиняемаго.

Какъ бы ни было велико значеніе оцѣнки личности подсудимаго и тѣхъ мотивовъ, которые вложены имъ въ свое дѣйствіе, не возможно, однако, признать, что вся эта личность полностью по всякому уголовному дѣлу, во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ своей душевной жизни, подлежитъ изслѣдованію уголовного суда. Такое изслѣдованіе прежде всего не достигаетъ своей цѣли—разоблачить вполне личность обвиняемаго и, по возможности, раскрыть причины, побудившія его къ совершенію преступленія. Не слѣдуетъ также забывать, что уголовный судъ не единственное средство для борьбы съ преступностію. Поэтому всякое расширеніе уголовного изслѣдованія за предѣлы крайней необходимости представляется вполне нежелательнымъ. Но въ судебной практикѣ нерѣдко проявляется склонность рыться въ тайникахъ души подсудимаго и выводить на свѣтъ Божій такія стороны его личности, которыя никакой пользы въ оцѣнкѣ даннаго преступнаго дѣянія оказать не могутъ. Слѣдствіе о его репутаціи было бы слѣдствіемъ о всей его жизни и служило бы средствомъ для созданія цѣлой массы предубѣжденій, состоящихъ изъ такихъ увѣреній, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть правильно доказано.

Бываютъ однако случаи, когда и репутація можетъ заслуживать вниманія судьи, можетъ служить указаніемъ противъ одного предполагаемаго преступника болѣе нежели противъ другого, напр., при личной обидѣ, когда преступникъ не извѣстенъ.

Но нельзя при этомъ не замѣтить, что дурная репутація, дурной характеръ лица есть косвенное доказательство, есть улика

растянутая, недоказательная, есть слабое основание для убѣжденія въ томъ, что оно замѣщено въ преступленіи, такъ какъ этотъ признакъ есть общій для него и многихъ другихъ людей. Тѣмъ не менѣе подобныя указанія могутъ имѣть значеніе, когда въ виду всѣхъ прочихъ доказательствъ возможенъ выборъ только между двумя лицами, изъ которыхъ одно обладаетъ извѣстною чертою характера, склонностію къ преступленію, а у другого ея не замѣчается. Дурной характеръ, дурная репутація могутъ быть доказательствомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый указаніемъ на хорошее свое поведеніе, возбуждаетъ вопросъ и обращаетъ его въ обстоятельство дѣла, иначе говоря, дѣлаетъ его предметомъ обсужденія, спора.

Личность подсудимаго должна служить предметомъ изслѣдованія на уголовномъ судѣ; но предѣлы этого изслѣдованія и основанія его вызываютъ различныя отвѣты теоріи, ибо ни одно преступленіе не можетъ быть объяснено въ своемъ значеніи въ качествѣ продукта исключительно индивидуальной психической дѣятельности даннаго субъекта, но представляется результатомъ совмѣстнаго дѣйствія біологическихъ и психическихъ причинъ, равно какъ условій физической, экономической и соціальной жизни. Она настолько должна подлежать этому изслѣдованію, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ дѣйствіи, насколько въ этомъ дѣйствіи выразилась преступная воля виновника его, и притомъ должна быть испытываема на фактахъ, которые указаны въ обвинительномъ актѣ и на которые онъ только и могъ приготовить свою защиту.

Субъективная сторона выразившаяся въ преступномъ дѣйствіи, съ точки зрѣнія законнаго состава преступленія, не подлежитъ изслѣдованію во всѣхъ моментахъ своего развитія. Мотивы и цѣли преступной дѣятельности только по нѣкоторымъ преступнымъ дѣяніямъ входятъ въ качествѣ законныхъ признаковъ въ составъ его, а слѣдовательно только въ исключительныхъ случаяхъ опредѣляютъ его юридическое значеніе. За предѣлами этихъ исключеній мотивы и цѣли, руководившіе преступною волею, не болѣе какъ обстоятельства, могущія служить основаніемъ къ опредѣленію мѣры отвѣтственности и къ выясненію вопроса о томъ, вѣроятно ли предположеніе о томъ, что данное преступленіе совершено подсудимымъ. Если дѣйствіе принадлежитъ къ категоріи преступленій, отмѣченныхъ корыстною цѣлію дѣйствія, каковыми

представляются большинство имущественных преступлений, то всё тѣ личныя свойства подсудимаго, которыя имѣютъ отношенія къ корысти, должны подлежать изслѣдованію на судѣ. Скупъ ли подсудимый или расточителенъ, проявлялъ ли къ жизни скромныя требованія или, наоборотъ, обладалъ обширными по этой части аппетитами — эти и подобные имъ вопросы должны быть изслѣдованы въ настоящемъ и въ прошедшемъ подсудимаго, ибо они имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ характеромъ даннаго преступнаго дѣянія. И наоборотъ, всякая попытка суда выяснить вопросы о томъ, напр., каковы были религіозныя воззрѣнія подсудимаго, былъ ли онъ ревнивый мужъ и т. п. по дѣлу о кражѣ обыкновенно не имѣютъ никакого значенія, также, какъ по дѣлу объ убійствѣ, совершенномъ изъ мести, изслѣдованіе въ настоящемъ и прошломъ корыстныхъ свойствъ его личности представлялось бы совершенно не соотвѣтственнымъ, если только изслѣдованія этихъ сторонъ личности не могутъ имѣть значенія улики по дѣлу.

Въ Уставѣ Военно-Судебномъ (ст. 602) встрѣчается специальный запретъ закона прибѣгать къ распросу свидѣтелей относительно поведенія подсудимаго при производствѣ дѣлъ о нижнихъ чинахъ за неисправимо дурное поведеніе.

Въ обстановкѣ окружающей жизни всегда кроются элементы драмы, въ которой суду приходится сказать послѣднее слово.

Судъ преслѣдуетъ въ своей дѣятельности чисто практическія цѣли. Признавая, въ интересахъ правовой жизни, необходимымъ охранять эти интересы путемъ примѣненія уголовной кары, законодательство возлагаетъ на судъ обязанность по каждому уголовному дѣлу изслѣдовать тѣ обстоятельства, которыя непосредственно касаются законнаго состава даннаго преступленія, обстоятельства, содѣйствующія оцѣнкѣ достовѣрности и опредѣленію степени доказательной силы уликъ и доказательствъ по дѣлу, ибо въ нихъ уголовный судъ находитъ средства дѣйствія для обнаруженія истины, изслѣдовать также вмѣщаетъ ли въ себѣ осуществившаяся въ событіи совершеннаго преступленія воля виновника его тѣ признаки сознанія и волимости, злого побужденія, или мотива, которыми характеризуется преступность этой воли и обуславливается необходимость примѣненія соотвѣтствующей уголовной кары, а равно и обстоятельства, смягчающія или увеличивающія вину, хотя бы они и не входили въ законный составъ преступленія.

Средствомъ изслѣдованія личности подсудимаго по нашему законодательству, между прочимъ, служилъ повальный обыскъ, замѣненный нынѣ дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей. Повальный обыскъ былъ голосомъ народной молвы. Молва же, по самому существу, не опредѣленна; она можетъ только указать на неблагонамѣренность человѣка. Повальный обыскъ можетъ установить только общее подозрѣніе, простую вѣроятности вины. Какъ бы ни было общество грубо и не развито, все-таки, чувство врожденной справедливости будетъ въ немъ вооружаться противъ казни по одному лишь подозрѣнію; совѣсть будетъ протестовать противъ осужденія по одной лишь догадкѣ. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей не согласуется съ принципомъ устности. Кромѣ того, оно создаетъ основанія для слишкомъ широкой постановки предѣловъ въ изслѣдованіи уголовного дѣла на судѣ, выдвигая въ качествѣ объекта изслѣдованія не приписываемое подсудимому преступное дѣйствіе, а личность его въ его прошломъ и настоящемъ, въ его занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни. Оно не представляется единственнымъ къ выясненію этихъ фактовъ, такъ какъ тѣ же факты и притомъ независимо отъ того, было ли произведено дознаніе чрезъ окольныхъ людей, могутъ быть выяснены при помощи свидѣтельскихъ показаній, формулярнаго списка, личныхъ писемъ и приговоровъ судебныхъ мѣстъ. Обыкновенно окольные люди затрудняются давать отзывы о нравственности и образѣ жизни обвиняемаго или изъ опасенія погубить его или по непривычкѣ выражать свои сужденія или изъ боязни мести. Фактически оно не примѣнимо къ условіямъ городской жизни.

Признаки душевнаго волненія подсудимаго и система защиты не всегда свидѣтельствуютъ о виновности.

Многія дѣйствія обвиняемаго, выражающія признаки душевнаго волненія и могущія свидѣтельствовать о сознаніи имъ своей вины или вообще имѣть при соотвѣтствующихъ условіяхъ болшую доказательную силу, составляютъ улики, или презумпціи преступленія, требуютъ, однако, осторожнаго къ нимъ отношенія, ибо они могутъ быть и неубѣдительными, обманчивыми, могутъ ввести въ ошибку, въ заблужденіе. Таковы, напр., молчаніе, медленность, нерѣшительность, заиканіе, озабоченность, смущеніе, безпокойство, испугъ, вздохи, невольныя восклицанія, блѣдность или румянецъ

въ лицѣ, потъ, дрожаніе членовъ, конвульсіи, обмороки, признаки тождественности, кровяныя пятна и другіе признаки на тѣлѣ или одеждѣ, утайки, переодѣванья, бѣгство, уничтоженіе доказательствъ, лживыя показанія, обнаруженіе знанія извѣстнаго преступленія или подозрительнаго значенія обстоятельствъ на видъ совершенно невинныхъ, стремленіе доказать свое alibi, попытки затруднить открытіе истины, какъ, напр., попытки подучить, подкупить или какимъ-нибудь образомъ привлечь на свою сторону обвинителя, свидѣтелей, судей или исполнителей правосудія, попытки къ примѣренію съ потерпѣвшимъ или къ застращиванію его, распусканіе ложныхъ слуховъ, напр., о состояніи здоровья съ намѣреніемъ подготовить другихъ къ внезапной смерти его увѣреніе подсудимаго въ томъ, что самъ онъ выпилъ часть того напитка, который былъ причиною смерти потерпѣвшаго, стремленіе заставить подозрѣвать самоубійство или обратить подозрѣніе на другое лицо, система защиты подсудимаго и т. п.

Здѣсь все зависитъ отъ того, напр., дѣйствительно ли эти обстоятельства можно объяснить знаніемъ обвиняемаго о преступленіи и о всѣхъ подробностяхъ его, или, напр., что предполагаемое своевременное и безопасное бѣгство его было на самомъ дѣлѣ путешествіемъ, цѣль котораго была уже ранѣе извѣстна или вызвана другимъ обстоятельствомъ, или, напр., что ложныя его показанія обусловлены желаніемъ щадить третьихъ лицъ или сохранить касающіяся ихъ тайны.

Не всѣ люди въ одинаковой степени одарены сильнымъ умомъ, физическимъ и нравственнымъ мужествомъ, одинаково безхитростны и могутъ устоять противъ искушенія избавиться при помощи подобныхъ средствъ отъ подозрѣнія и предубѣжденія противъ нихъ и отъ явки въ судъ по постыдному дѣлу.

Люди съ слабымъ характеромъ, съ особымъ складомъ ума отъ сознательнаго предчувствія наказанія, отъ волненія и отчаянія, будучи совершенно невинны, могутъ прибѣгнуть къ ложнымъ показаніямъ, подтасовывать фальшивыя доказательства. Но это не можетъ восполнить положительныхъ доказательствъ виновности подсудимаго, при отсутствіи которыхъ подобныя ложныя объясненія не должны считаться доказательствомъ его виновности. Каждый храбръ по своему. Можно быть отличнымъ солдатомъ, не блѣднѣть передъ опасностію и не колебаться въ виду непріятеля, но не имѣть иной храбрости—бороться съ трудными обстоятель-

ствами жизни. Бываютъ положенія, при которыхъ бояться борьбы противъ мнѣнія партіи, секты, религіознаго, или политическаго фанатизма, особенно въ такихъ дѣлахъ, которыя естественно возбуждаютъ опасенія дѣйствія общественныхъ страстей или могущественныхъ враговъ.

Характеръ обвиняемаго, его подчиненность относительно того, кто его допрашиваетъ, его естественная наклонность къ робости или слабость его умственныхъ способностей также могутъ произвести признаки страха безъ всякой виновности. Причины страха во многихъ случаяхъ могутъ происходить и изъ другихъ самыхъ невинныхъ источниковъ физическихъ или нравственныхъ, напр., вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія тѣла или нервнаго возбужденія, произведеннаго чрезмѣрною робостію, отъ печали оскорбленной души или гнѣва, которые могутъ быть вызваны опасеніемъ вреда, который можетъ быть нанесенъ чести обиженнаго, несмотря на его невинность. Однако слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ преступленія, нѣтъ и страха. Есть, далѣе, люди, которые, вслѣдствіе особаго расположенія къ хитрости, предпочитаютъ всегда извилистые пути прямому и откровенному объясненію истины, употребляютъ странныя средства, которыя могутъ дѣйствовать на чувства.

Въ испуганной и встревоженной душѣ обвиняемаго всегда существуетъ состояніе психологическаго давленія, подъ которымъ онъ избираетъ себѣ систему оправданія, и притомъ безъ всякой вины и желанія со стороны производящихъ слѣдствіе. Трудно ожидать спокойнаго и обдуманнаго выбора со стороны человѣка, котораго обвиняютъ и который знаетъ, что ему склонны не довѣрять. Поэтому судить подсудимаго по его системѣ оправданія было бы несправедливо. Но иногда эта система сливается съ логикою дѣла и какъ изъ той, такъ и изъ другого вытекаютъ одни и тѣже вопросы.

Великую отвѣтственность беретъ на себя тотъ, кто возстановляетъ передъ судомъ душевныя движенія подсудимаго при совершеніи дѣянія, изображеніе которыхъ можетъ быть иногда лишь фантазіей оратора, такъ какъ психологическій анализъ долженъ быть научнымъ.

Что касается до страданій душевныхъ на судѣ, то какъ бы они тяжелы не были, они не могутъ ложиться въ основаніе приговора. Здѣсь все не уловимо и все зависитъ отъ нравственной природы, характера, воспріимчивости и взгляда человѣка на окру-

жающую жизнь. Эти страданія, отрицать которыя было бы не справедливо, не поддаются никакому мѣрилу. Могутъ быть случаи, когда предъ судьями предстанетъ лукавый лицемѣръ и будетъ вызывать ихъ на оправданіе картиною тяжкихъ душевныхъ мукъ и раскаянія; и предстанетъ человѣкъ, хотя и преступный, но въ гордой душѣ котораго, несмотря на дѣйствительныя страданія, никогда не найдетъ мѣста мысль, чтобы выставить ихъ на показъ и ради нихъ униженно просить у судей милости. И что же, какъ распознать того и другого, чтобы не помиловать перваго и не осудить сурово второго? Вообще душевное настроеніе обвиняемаго послѣ совершенія приписываемаго ему преступленія—скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы. Лучше не ступать на нее; на ней нѣтъ ничего безспорнаго. Закономъ для выраженія горя не существуетъ. Горе и радость больше чѣмъ всякія другія душевныя настроенія и порывы не подходятъ подъ какія-либо психологическія правила. Одного горе поражаетъ сразу и „отпускаетъ“ понемногу; другіе его принимаютъ бодро и холодно но хранятъ его въ душѣ какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ и, уходя въ себя, не въ силахъ даже облегчить себя слезами, тогда какъ другой разливается рѣкою слезъ. Слезы и рыданія не могутъ замѣнить очевидныхъ данныхъ. Оно можетъ быть принимаемо не какъ улика, а какъ послѣдняя черта, къ преступленію.

Вообще судебный опытъ показываетъ, что обманныя показанія, даже дѣйствія подсудимаго, предпринимаемыя для самооправданія, не могутъ служить основаніемъ для судебного приговора. Нужно имѣть въ виду, кромѣ того, и степень, развитія подсудимаго.

Доказательная сила душевныхъ свойствъ, какъ причинъ преступленія.

Такъ какъ источникъ преступленія коренится въ волѣ виновнаго, такъ какъ преступленіе вѣдомству человѣческихъ судовъ подлежитъ лишь настолько, насколько оно имѣетъ начало въ порочной волѣ, насколько оно есть дѣйствіе, являющееся слѣдствиемъ злого мотива, то отсюда является необходимость, чтобы преступленіе вытекало изъ чьихъ-либо душевныхъ свойствъ. Данныя, могущія приэтомъ служить основаніемъ для заключенія, представляются въ слѣдующей постепенности: въ характерѣ подозрѣ-

ваемаго лица и въ частности въ способности его къ дѣянію подобнаго рода, въ мотивахъ у него къ совершенію дѣянія и въ рѣшимости совершить таковое. Доказательная сила этихъ признаковъ зависитъ отъ того, что они указываютъ на возможную и даже вѣроятную причину преступленія, что впредь до выясненія иной причины мы склонны признать эти признаки за дѣйствительную причину преступленія и что совершеніе таковаго другимъ лицомъ хотя и возможно, но мало вѣроятно, если не доказано, что это послѣднее имѣло болѣе сильный мотивъ къ преступленію.

Мотивы преступленія.

Подъ именемъ мотива преступленія разумѣется психическое свойство, порождающее желаніе, страсти, тотъ импульсъ, душа преступленія, та сила, которая гонитъ человѣка на путь преступленія и на борьбу съ обществомъ, то благо, котораго преступникъ добивается, тѣ причины, которыя создавали недовольство существующимъ положеніемъ, то удовлетвореніе, котораго преступникъ ищетъ, та связь съ конкретнымъ преступленіемъ, которая дѣлаетъ вѣроятнымъ рѣшимость на него. Его нельзя смѣшивать съ намѣреніемъ, т. е. съ волею, направленною на совершеніе преступленія. Доказательство мотива есть только специальное доказательство характера.

Для того чтобы служить положительнымъ основаніемъ для подозрѣнія, мотивъ долженъ выступить совершенно отчетливо. Далеко не одно и тоже доказать, что подсудимый корыстолюбивъ и могъ предполагать деньги у путешественника, на котораго совершено нападеніе, или же, что онъ находился въ глубокой нищетѣ или крайне нуждается въ деньгахъ по какой-либо иной причинѣ и видѣлъ деньги у путешественника.

Мотивъ, самъ по себѣ, въ отдѣльности взятый, не есть обвиняющее обстоятельство. Если бы представлялся самый удобный случай и самый сильный мотивъ для совершенія извѣстнаго преступленія, то эти два обстоятельства не представляютъ ни малѣйшаго доказательства того, что лицо, на которомъ они сходятся, совершило это преступленіе. Въ обыкновенномъ ходѣ вещей вездѣ, гдѣ есть какая-нибудь собственность, всякій ребенокъ можетъ приобрѣсти ее по наслѣдству послѣ смерти отца. Однако, въ случаѣ смерти отца, никому не приходитъ въ голову мысль приписать

эту смерть его дѣтямъ. Чтобы пробудить такую мысль, надо, по крайней мѣрѣ, какое-нибудь чрезвычайное обстоятельство.

Когда бываетъ нѣсколько подозрѣваемыхъ, обстоятельства, которыя извлекаются изъ особаго мотива, высшаго интереса, характера, репутаціи, положенія, указываютъ, въ случаѣ сомнѣнія, кто изъ подозрѣваемыхъ навлекаетъ на себя наибольшее подозрѣніе. Но надо также постоянно помнить, что эти презумпціи бываютъ чрезвычайно обманчивы, что онѣ тѣмъ слабѣе, чѣмъ большее число лицъ затрогиваютъ, что были совершены величайшія несправедливости вслѣдствіе слишкомъ большаго довѣрія, оказаннаго имъ. Поэтому эти обстоятельства должны быть примѣняемы только на первыхъ порахъ, какъ указанія для направленія и обособленія подозрѣнія. Мотивъ не можетъ быть оцѣненъ иначе, какъ въ связи съ отношеніями между собою участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, съ условіями ихъ взаимной жизни и работы, съ личными свойствами характера преступника, на почвѣ котораго онъ развился. Только зная характеръ лица, проявившійся въ дѣйствіяхъ виновника преступленія, въ его занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни, зная его дурную славу, зная, что онъ показаль уже соотвѣтственное направленіе и т. п., оказывается возможнымъ рассчитывать на разрѣшеніе вопроса о томъ, онъ ли совершилъ приписываемое ему дѣяніе и если совершилъ, то дѣйствительно ли проявилась въ немъ злая, опасная для общества, преступная воля и какою долею злокачественности и энергіи обладала она.

Хотя преобладающія ссремленія ума непремѣнно влекутъ за собою соотвѣтствующія желанія и дѣйствія, но не слѣдуетъ думать, что въ каждомъ дѣлѣ должны быть открыты побужденія, которыя могли бы считаться вполне достаточными на основаніи строгихъ правилъ нравственности, измѣряемыхъ общечеловѣческимъ масштабомъ.

Сущность нравственной испорченности въ томъ и состоитъ, что при ней являются ложныя представленія о предстоящихъ выгодахъ, а потому между желаніями и средствами, употребляемыми для пріобрѣтенія ихъ, нѣтъ правильнаго отношенія.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда и въ самомъ чистомъ умѣ какая-нибудь бѣглая мысль дурного свойства принимается за хорошее вслѣдствіе минутнаго помраченія нравственнаго свѣта.

Могутъ быть такія побужденія, которыя ни одинъ человѣкъ не въ состояніи отгадать. Иногда во время совершенія преступленія

человѣкъ можетъ дойти до такой крайности, которая первоначально не входила въ планы его дѣйствій. Часто человѣкъ не можетъ дать отчета въ томъ, какія обстоятельства имѣли вліяніе на его побужденія. Посему не слѣдуетъ упускать изъ виду ни одного обстоятельства, потому что невозможно знать напередъ, какое значеніе оно можетъ имѣть въ связи съ другими фактами.

Обыкновенно побужденіями къ преступленію являются обиды, самолюбіе, зависть, злоба, желаніе отмстить за дѣйствительное или мнимое зло, желаніе сохранить за собою предметъ, составляющій законную собственность другого лица, крайняя нужда, желаніе сохранить за собою доброе имя или избавиться отъ сообщниковъ преступленія, отъ любовницы, въ особенности, если она беременна, отъ ненавистной жены или мужа, чтобы обладать другимъ, религиозный фанатизмъ и т. п.

На однѣхъ побужденіяхъ судья не можетъ ничего основывать. Индивидуальныя обстоятельства каждаго отдѣльнаго дѣла, а также разумность и добросовѣстность знакомаго съ жизнію судьи, а не какой-либо опредѣленный критерій, должны служить единственною руководною нитью для разграниченія мотивовъ и личныхъ свойствъ виновника преступленія, подлежащими изслѣдованію и тѣмъ, которыя должны стоять за этими предѣлами.

Далѣе видимыхъ побудительныхъ причинъ нельзя итти, потому что проникнуть въ умъ человѣка внѣ нашей власти, ибо дѣятельность ума не видима и не осязаема и открытіе пружинъ человѣческихъ дѣйствій чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ сокровенности или отдаленности, а опытъ показываетъ, что самыя важныя преступленія совершаются нерѣдко вслѣдствіе ничтожныхъ причинъ, а иногда безъ всякаго повода. Причины событій иногда бывають ничтожны, какъ сѣмя; но если это сѣмя, или зерно, упадетъ на плодородную почву, увлажнится дождемъ и согрѣется солнцемъ, то и вырастетъ въ рослый колосъ, въ сосну или въ дубъ.

Отсутствіе мотива ослабляетъ всякую улику. Если нѣтъ видимаго повода и сомнителенъ самый фактъ, то въ дѣлѣ будетъ крупный пробѣлъ, то часто возникаетъ предположеніе въ пользу невиновности.

Если рядомъ съ фактами, обнаруживающими виновность дѣятеля, можетъ быть указана и видимая побудительная причина,

то это обстоятельство будетъ подкрѣплять убѣжденіе. А потому судьи часто по необходимости объясняютъ тайную дѣятельность ума на основаніи внѣшнихъ признаковъ, тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ самыя дѣянія несомнѣнно указываютъ на преступное намѣреніе.

Поэтому вопросъ состоитъ не столько въ томъ, существовали ли достаточныя причины для совершенія преступленія, сколько въ томъ, подтверждается ли достовѣрность преступленія прочими доказательствами.

Рѣшимость.

Рѣшимость имѣетъ разныя степени убѣдительности, смотря потому доказано ли одно лишь общее намѣреніе въ ожиданіи подходящаго случая, или же составленный планъ, предусматривающій всѣ подробности исполненія, открыты ли слова, угрозы и т. п. обнаруженія умысла, какія-нибудь приспособленія, приготовленія и попытки, отнюдь не указывающія на то, именно, преступленіе, которое совершено, или же обнаружены рѣчи, приготовленія и приспособленія болѣе опредѣленнаго содержанія.

В о л я.

Воля въ формѣ произвола не можетъ быть продолженіемъ ассоціаціи идей. У новорожденнаго первоначальнымъ поводомъ къ произволу служить чувство пріятнаго или непріятнаго, и смотря потому, какое изъ нихъ онъ будетъ ощущать, таковы будутъ и движенія. Равнымъ образомъ и у взрослаго удовольствіе или страданіе служатъ также главнымъ мотивомъ произвольныхъ движеній.

Что касается фізіологическаго элемента чувства и движенія, то здѣсь много значить также привычка и упражненіе.

Произволъ составляетъ существенную принадлежность духа. Мы всегда имѣемъ возможность направлять ассоціацію идей на тотъ или другой предметъ, управлять чувствами и движеніями и вмѣшиваться въ самое волненіе, можемъ произвольно вызвать его или остановить.

Нравственная свобода основана на произволѣ, который есть и у животныхъ. Но существенное значеніе здѣсь не въ произволѣ,

а въ томъ, что психическая жизнь животныхъ поглощена исключительно міромъ чувствъ, тогда какъ у человѣка чувство служить только исходною точкою для операций духа, а потому произволъ его управляется нравственными мотивами. Нравственность учить, напр., самоотверженію и даетъ силу жертвовать собою для другихъ.

Такъ какъ душа въ человѣкѣ тѣсно связана съ органическими процессами въ тѣлѣ, которые находятся въ зависимости отъ извѣстныхъ законовъ, то о безусловной нравственной свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Даже самобытныя операции духа подчиняются извѣстнымъ обязательнымъ для всѣхъ законамъ. Исходною точкою для психической жизни служить не абстрактное мышленіе, а чувство, организмъ, жизнь котораго протекаетъ независимо отъ нашей воли. Нравственная свобода опредѣленно вращается только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Абсолютной свободы воли, въ смыслѣ философскомъ, вѣроятно, не было и не будетъ уже и потому, что различные люди свободны въ очень различной мѣрѣ. Требования, адресуемые государствомъ къ индивидуальной волѣ, всегда ограничиваются относительной ея свободой. Государства требуютъ отъ частнаго лица лишь способности производить сравнительную оцѣнку представленій и до извѣстной, установленной обществомъ, нормы чувственными эгоистическими побужденіями въ пользу абстрактныхъ, разумныхъ представленій, соответствующихъ требованіямъ нравственности и государственнымъ законамъ.

Въ юриспруденціи понятіе о способности къ самоопредѣленію чисто эмпирическое. Наука права и лучшія законодательства для сужденія о безотвѣтственности исходятъ изъ того чисто эмпирическаго факта, что въ извѣстномъ, закономъ опредѣленномъ, возрастѣ жизни всякое опредѣленное лицо въ томъ или другомъ государствѣ пріобрѣтаетъ умственную и физическую способность понимать и сознать правовое значеніе дѣянія, къ которому влечетъ его воля (разумѣніе, или способность обсуждать послѣдствія своихъ поступковъ, способность различать добро отъ зла) и способность выбора между дѣятельностію и покоемъ (свобода воли, или нравственная свобода).

Нѣкоторыя условія, ограничивающія и уничтожающія нравственную свободу.

Существующая свобода воли можетъ быть уничтожаема иногда вслѣдствіе внѣшнихъ условій. На нравственную свободу дѣйстви-

ють фізическія болѣзни и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только ограничивають, но и уничтожаютъ ее, хотя такія болѣзни и очень рѣдки. Отсутствие свободы обуславливается и тѣмъ, что индивидъ не въ состояніи, вслѣдствіе болѣзненныхъ мотивовъ, собразовать свои поступки съ нравственными требованіями. Во многихъ случаяхъ неспособность ко вмѣненію при умственномъ разстройствѣ заключается не въ безсознательности и отсутствіи разумнія, а въ вынужденности стремленій, въ отсутствіи выбора, въ принужденіи. Посему разумніе, какъ критерій, приводитъ иногда къ ошибкамъ, къ весьма тяжкимъ послѣдствіямъ.

Меланхолія.

При меланхоліи, какъ душевной болѣзни, т. е. заболѣваніи мозга съ преобладающимъ или исключительнымъ разстройствомъ психическихъ функцій—чувствованія, представленія и стремленія,—выражающейся въ состояніи психическаго (душевнаго) угнетенія, постояннаго психическаго недомоганія, психическаго болѣзненнаго самоощущенія, какъ проявленія разстройства въ питаніи психическихъ центровъ, доходящаго до душевнаго разстройства не только чувствованія, но даже и представленія, задержка процесса представленія, мучительные аффекты скуки, боязливаго ожиданія неизвѣстнаго, но во всякомъ случаѣ ужаснаго будущаго, терзающее сознаніе немощи, повергающее въ ужасъ чувство невозможности освободиться отъ болѣзненнаго состоянія, вызывается аффектъ, порывъ отчаянія, приступъ страха, боязни, внезапно поразившее впечатлѣніе, внезапно появляющаяся въ сознаніи о несуществованіи, напр., самого себя или всего вообще въ мірѣ, или обманъ чувствъ, вынужденное представленіе, сдѣлавшееся невыносимымъ, сознаніе своей немощи и безсилія воли, отвратительнаго застоя мысли можетъ довести до желанія измѣнить во чтобы то ни стало свое положеніе, до желанія провѣрить, напрягши послѣднія свои силы, дѣйствительно ли онъ, больной, не можетъ ничего сдѣлать—и вотъ онъ разрушаетъ свою мебель, поджигаетъ собственный домъ, убиваетъ себя или другое лицо.

Вынужденныя представленія.

Таковой же психологическій процессъ лежитъ въ основаніи дѣянія, совершеннаго вслѣдствіе вынужденнаго, навязаннаго пред-

ставленія. Чувство страха, останавливающее всякое движеніе представленій, дѣлается въ такихъ случаяхъ столь ужаснымъ, что въ сравненіи съ подобнымъ мучительно напряженнымъ сознаниемъ преступное дѣяніе и его дурныя послѣдствія являются меньшимъ зломъ и единственнымъ средствомъ избавиться отъ невыносимости состоянія. Дѣяніе вытекаетъ въ этихъ случаяхъ изъ стремленія къ самосохраненію; оно совершается не ради его самого, не въ слѣдствіе преступнаго мотива, а имѣетъ свою цѣлю единственно самосохраненіе. Объектъ его будетъ случайнымъ лишь средствомъ для достиженія цѣли.

Невыбываемость истеричныхъ.

Неспособность ко вмѣненію при преходящемъ и хроническомъ разстройствѣ умственныхъ способностей истерическихъ лицъ не подлежитъ сомнѣнію. Затрудненія представляютъ лишь случаи простого элементарнаго разстройства. Дурное расположеніе духа, прихоти, капризы истеричныхъ женщинъ, безъ сомнѣнія, не должны быть основаніемъ, оправдывающимъ уголовныя дѣянія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что различныя душевныя способности, душевныя функціи солидарно связаны другъ съ другомъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ заболѣть изолированно, что и истерія представляетъ собою неврозу всей нервной системы, что она во многихъ отношеніяхъ затрудняетъ нормальное проявленіе психической энергіи, въ особенноти, въ сферѣ нравственности и воли, что впечатлительность ко всякому раздраженію дѣйствующему на психическую сторону человѣка, у истеричныхъ значительно увеличена, что они гораздо легче поддаются аффекту, легко подавляющему ихъ слабое я. А потому и не можетъ быть рѣчи объ относительной способности ко вмѣненію, т. е. объ уничтоженіи свободы воли лишь относительно дѣяній, вытекающихъ изъ ложной идеи или душевнаго разстройства, при остающейся способности ко вмѣненію относительно другихъ дѣяній, будто бы, совершающихся внѣ сферы такого разстройства душевной жизни—лишь видимо частное, а въ дѣйствительности имѣетъ характеръ общаго, но лишь не вполне обнаружившагося.

На практикѣ мы никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить мѣру свободы воли оставшуюся у умалишеннаго и признать его

отвѣтственнымъ сообразно съ этою мѣрою. При обсужденіи такихъ случаевъ не слѣдуетъ смѣшивать нравственную способность ко вмѣненію съ юридическою. Уголовному правосудію рѣшительно все равно, будетъ ли дѣяніе, проистекавшее изъ ложной идеи, оправдано съ нравственной точки зрѣнія или нѣтъ, лишь бы было доказано, что мотивомъ этого дѣянія были ложныя идеи, а послѣднія явились симптомомъ душевной болѣзни. Конечно, можно различить разницу между тѣмъ какъ совершаетъ свои поступки душевно больной и здоровый; но это бываетъ не всегда. Не слѣдуетъ забывать, что душевно больной научается опытомъ, что если онъ сдѣлаетъ то или другое, его ожидаетъ за это непріятность. Такая дрессировка, не имѣющая ничего общаго съ способностію здраво-мыслящаго рѣшаться на какой-либо поступокъ или на бездѣйствіе по этическимъ основаніемъ, возможна и относительно ребенка, даже животнаго, изъ чего однако никто не вздумаетъ выводить способность ихъ ко вмѣненію.

Закономъ нѣтъ дѣла до тѣхъ или другихъ формъ психическаго расстройства. Поэтому необходимо доказать, что душевная болѣзнь достигла такой степени, что уничтожила отвѣтственность передъ закономъ. Необходимо, чтобы научное заключеніе выяснило отношеніе найденной душевной болѣзни къ вмѣняемому въ преступленіе поступку и чтобы къ этому присоединено было заключеніе, какъ прямой отвѣтъ на вопросъ судьи.

Судящій по своему усмотрѣнію присяжный не можетъ быть связанъ юридическимъ опредѣленіемъ безумія и слабоумія, но онъ самъ рѣшаетъ, эти ли состоянія или другія исключили способность ко вмѣненію.

Эксцентричность, безнравственность, психическія слабости.

На основаніи какого-либо изолированнаго критерія нельзя установить различія ненормальныхъ душевныхъ состояній отъ извѣстныхъ страстныхъ и вызванныхъ аффектомъ состояній, причудъ, эксцентричностей, недостатковъ характера и безнравственнаго образа жизни здоровыхъ людей.

Не новостъ и то, что лица, испорченныя съ самаго начала жизни (обыкновенно расположенныя наслѣдственностію, вліяніе которой нигдѣ не высказывается такъ ясно, какъ въ области нер-

вной системы, и которая выражается не только въ извѣстныхъ особенностяхъ характера, дарованія, склонностей, но также и въ слабостяхъ, порокахъ и недостаткахъ) дурными примѣрами, неправильнымъ воспитаніемъ, можетъ быть, безвинно дѣлаются порочными, преступными. Здѣсь есть и преступленіе и безуміе. Но судебное понятіе преступленія и безумія взаимно другъ друга исключаютъ, потому что тамъ, гдѣ есть одно, не можетъ быть другого, и потому судебно-медицинское заключеніе должно установить только то или другое. Опытъ учить, что кромѣ душевныхъ болѣзней собственно, какъ ихъ описываютъ въ книгахъ, наблюдають въ домахъ умалишенныхъ и понимаютъ въ общежитіи, совершается множество поступковъ, которые своею странностію причиняють судейской совѣсти мучительныя затрудненія. Въ подобныхъ случаяхъ иногда и наука не рѣшается произнести своего сужденія о томъ, есть ли тутъ душевная болѣзнь или нѣтъ. Но для специалиста болѣзнь эта выдаетъ себя тѣми явленіями, которыя сопровождаютъ начало и развитіе ея. Наибольшія затрудненія представляютъ тѣ болѣе частые случаи, когда индивидуумъ находится въ состояніи психической слабости или тупоумія.

Есть, кромѣ того люди, которые страдаютъ только психическою угнетенностію, безъ безумныхъ представленій, и, повидимому, вполне обладаютъ умственными способностями, но здоровье которыхъ глубоко потрясено, и они гораздо опаснѣе какъ для себя, такъ и для общества, чѣмъ явно помѣшанные. Сюда относятся слабоумные безъ опредѣленной причины, эпилептики, пьяницы, истеричные и ипохондрики съ наслѣдственнымъ расположеніемъ и пр., или эпилептики съ неясно выраженными и припадками и пр. Тѣ и другіе живутъ въ обществѣ людей, не обращая вниманія ихъ на себя. Эти личности, при случаѣ, могутъ придти въ столкновеніи съ судомъ.

С о н ъ.

Всѣ органическіе процессы—сердцебіеніе, дыханіе и т. д.—совершаются и во снѣ. Но этого мало. Во время сна не прекращается и психическая жизнь; мысль живетъ и во снѣ, и доказательствомъ этого служатъ сновидѣнія. Во снѣ мы чувствуемъ, думаемъ и душа наша потрясается аффектами и страстями. Дѣятельнотъ

мысли воевъ иногда даже доходить до высшей степени. Такъ, Вольтеръ, Кондильякъ и др., почерпали во снѣ идеи для многихъ изъ своихъ безсмертныхъ твореній. Иногда мы не помнимъ никакого сновидѣнія; но это не доказываетъ еще, что мы ничего не видимъ, а только, что позабываемъ видѣнное. И въ самомъ дѣлѣ, иногда сновидѣнія проясняются передъ нами уже чрезъ нѣсколько времени. И наяву мы часто забываемъ видѣнные предметы и вспоминаемъ о нихъ только при новомъ столкновеніи съ ними, или же иногда и вовсе не вспоминаемъ. Спрашивается, что же за причина, производящая сновидѣнія и отъ чего происходитъ фантастичность сновидѣнія?—Извѣстно, что только посредствомъ внѣшнихъ чувствъ возстановляется у насъ правильное отношеніе между сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ.. И если одно чувство бываетъ поражено, то другія замѣняютъ его; но когда всѣ чувства бываютъ остановлены, душа совершенно разобщается съ внѣшнимъ міромъ и сосредоточивается сама въ себѣ. Отсюда и происходитъ фантастичность образовъ во снѣ. Здѣсь мысль почерпаетъ свое содерженіе уже по преимуществу изъ прошедшаго времени; а такъ какъ съ внѣшнею средою сознаніе разобщено, то для него не существуетъ ни времени, ни пространства. Бываетъ что и дѣятельность внѣшнихъ чувствъ не прекращается во снѣ, а особенно въ полузабытій; но они не только не уничтожаютъ фантазіи, но, напротивъ, еще болѣе усиливаютъ ее, потому что они передаютъ впечатлѣнія отъ дѣйствительныхъ предметовъ въ фантастической формѣ (иллюзія). Такъ какъ сознаніе во снѣ не имѣетъ твердой опоры, то сны позабываются скоро. Вообще сонъ представляетъ много аналогичнаго съ сумашествіемъ. Здѣсь также фантастичность видѣній, странныя идеи, нелѣпыя комбинаціи ихъ, обманъ чувствъ, отсутствіе пространства и времени. Если человѣкъ совершитъ во время сна преступленіе, то не отвѣчаетъ за него, ибо вмѣняемость основывается на пониманіи себя въ отношеніи къ внѣшнему міру; во снѣ же человѣкъ разобщается со всею внѣшнею средою и произволь не принимаетъ участія въ его представленіяхъ и дѣйствіяхъ. Но, вотъ, онъ пробуждается; всѣ органы принимаютъ свое прежнее положеніе, а вмѣстѣ съ этимъ возстановляются и всѣ прежнія отношенія къ окружающей средѣ. Но бываетъ однако же, что моментъ пробужденія продолжается болѣе или менѣе долгое время, и человѣкъ здѣсь живетъ въ двойственномъ мірѣ: съ одной стороны, его органы чувствъ открыты для

внѣшнихъ впечатлѣній, а съ другой,—внутренній міръ его наполненъ еще образами изъ сновидѣній. Такая аномалія пробужденія называется соннымъ опьяненіемъ (первый моментъ пробужденія, когда до слуха доходятъ изъ вѣя всѣ звуки, но впечатлѣнія отъ нихъ воспринимаются въ формѣ иллюзіи). Въ это время мысль еще живетъ въ мірѣ фантазій, а потому и сознанія еще не бываетъ. А такъ какъ во время сна возможны движенія, то, очевидно, возможна и опасность; напр., если кто нибудь видитъ во снѣ разбойниковъ, то тотчасъ, по пробужденіи, онъ въ каждомъ окружающемъ видитъ своего врага и готовъ его убить. Эта аномалія есть явленіе моментальное; и если при совершеніи преступленія въ этомъ состояніи не будетъ свидѣтелей, то доказать его очень трудно. Тутъ легко можетъ быть обманъ.

Д н е в н и к ъ .

Дневникъ всегда является доказательствомъ, къ которому надо относиться осторожно. Кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ результатомъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнію со стороны взрослого и много пережившаго человѣка, онъ пишется въ юности, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличиванье своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаетъ нѣкоторый оттѣнокъ тихой грусти на размышленія, передаваемыя бумагамъ, и человѣкъ правдивый въ передачѣ фактовъ и сообщеній обманываетъ самъ себя въ передачѣ чувствъ и мнѣній. При томъ и всякій, кто велъ дневникъ, вѣроятно, не станетъ отрицать этого—юноша обыкновенно почти безсознательно отдается представленію о какомъ-то отдаленномъ будущемъ читателѣ, къ которому попадетъ когда-нибудь въ руки дневникъ и который скажетъ: какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія были у него, или какъ бичевалъ онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умѣлъ онъ питать. Поэтому дневникъ можетъ служить скрѣпою и дополненіемъ между другими уликами, но, какъ къ самостоятельному доказательству, къ нему надо относиться осторожно.

Оговоръ.

Оговоръ другихъ обвиняемыхъ пріобрѣтаетъ цѣну только послѣ тщательнаго анализа и оцѣнки всѣхъ уликъ, всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Если подсудимый перекладываетъ съ больной головы на здоровую, оправдывая себя и сваливая вину на другихъ то, конечно, его оговоръ не имѣетъ никакого значенія.

Но съ другой стороны, когда обвиняемый приноситъ повинную, когда онъ чистосердечно рассказывая дѣло, нисколько не поправляетъ своей участи и въ привлеченіи другихъ не имѣетъ непосредственнаго интереса (непріятности, корысть или иные виды), топить одинаково и себя и другихъ, то его объясненіе важнѣе всякаго свидѣтельскаго показанія, ибо онъ долженъ рассказать не только то, что самъ онъ дѣлалъ, но и объяснить, какое участіе принимали въ этомъ дѣлѣ остальные лица, преданныя суду. Крайне важно опредѣлить, есть ли у него какой-либо интересъ топить другихъ, такъ какъ нельзя умолчать объ ихъ участіи, на которое указываютъ другія обстоятельства дѣла.

Нерѣдко обвиняемыхъ, плохо сговорившихся между собою или съ свидѣтелями, выдаетъ незамѣченное ими противорѣчіе.

Вещественныя доказательства.

Подъ именемъ внѣшнихъ и вещественныхъ уликъ разумѣются тѣ, которыя представляются физическими особенностями или свойствами лицъ и вещей, т. е. явленіями, которыя принадлежать къ нашей физической природѣ и, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ нравственной жизни. Это предметы, на которые направлены дѣйствія преступника, или которые служили орудіемъ преступленія, или которые сохранили на себѣ слѣды преступленія и вообще могутъ служить средствомъ обнаруженія виновнаго и раскрытія преступленія (рѣш. Пр. С. $\frac{76}{349}$). Въ частности законъ признаетъ вещественнымъ доказательствомъ поличное, орудіе, коимъ совершено преступленіе, окровавленные или поврежденные предметы, фальшивыя монеты, подложные документы, повѣствованія или иного рода объявленія различныхъ лицъ, если таковыя посредствомъ записи или инымъ образомъ отдѣлены отъ автора и пріобрѣли прочность и матеріальную самостоятельность, и вообще

Все найденное при осмотрѣ мѣста, при обыскѣ или выемкѣ, а также теждественность лицъ, вещей, почерка, времени и др. Они составляютъ звенья, которыя сливаются преступныя дѣйствія съ его невидимымъ нравственнымъ источникомъ. Они, какъ бы, свидѣтели совершившагося, неспособные къ тому же вводить судью умышленно въ обманъ, какъ то въ состояніи дѣлать свидѣтели, и потому имѣютъ много такихъ преимуществъ, какихъ не имѣютъ свидѣтельскія показанія, Они усиливаютъ достовѣрность показанія и при томъ въ безконечной степени.

Но иногда вещественныя доказательства могутъ быть приведены въ ошибочную связь съ искомымъ фактомъ; они могутъ быть подкинута съ цѣлю ввести въ заблужденіе; на мѣстѣ преступления виновный можетъ оставить, напр., кусокъ ножа, украденнаго имъ у своего сосѣда, чтобы вооружить противъ него этого нѣмого свидѣтеля и предупредить обвиненіе противъ себя; они могутъ быть сфабрикованы съ единственною цѣлью сбить съ толку оудей; виновный можетъ, напр., сломать замокъ, сдѣлать себѣ рану, чтобы придать своей баснѣ болѣе вѣроятности; они могутъ быть обращены противъ истины съ большею опасностью для правосудія, чѣмъ подкупленный свидѣтель. Но, когда отчетъ о вещественныхъ доказательствахъ даетъ официальное лицо, опасность обмана низводится до наименьшей степени.

Поличное бываетъ двухъ родовъ: 1) вещи, принадлежащія обвиняемому, которыя найдены на мѣстѣ преступления во время личнаго осмотра, и 2) вещи, принадлежащія потерпѣвшему лицу, которыя найдены въ домѣ обвиняемаго во время обыска или въ его рукахъ при арестѣ. Значеніе поличнаго состоитъ въ томъ, что оно заставляетъ обвиняемаго указать, какимъ путемъ вещь попала въ его руки. Доказательства владѣнія плодами преступления различны и по степени убѣдительности, которая зависитъ отъ свойства предметовъ и числа ихъ, способа и обстоятельствъ владѣнія и т. д.

Слѣдующія обстоятельства увеличиваютъ или уменьшаютъ значеніе поличнаго, какъ улики: находится ли мѣсто или хранилище, гдѣ найдена вещь, въ исключительномъ пользованіи обвиняемаго, какъ, напр., запертой сундукъ въ его жилой квартирѣ, или же къ этому помѣщенію могли имѣть доступъ постороннія лица безвѣдома хозяина, какъ, напр., незапертой крестьянскій дворъ или сарай вдали (саженей, напр., за 50) отъ жилого дома.

Способъ храненія, вещи подсудимымъ, т. е. лежала ли она открыто, такъ что каждый могъ ее видѣть, или же она была спрятана въ такомъ мѣстѣ, куда она случайно попасть не могла, какъ, напр., храненіе золотой вещи въ мѣшкѣ съ рожью или полотна не въ сундукѣ, гдѣ хранится прочее бѣлье, а въ погребѣ въ простой бочкѣ среди съѣстныхъ припасовъ.

Подходить ли вещь къ обстановкѣ обвиняемаго или обладаніе ею представляется само по себѣ необыкновеннымъ, такъ какъ едва ли подлежитъ сомнѣнію виновность, напр., мужика, не торговца золотыми вещами, хранящаго золотыя вещи, или нищаго, хранящаго процентныя бумаги.

Нахожденіе другихъ краденныхъ вещей сразу подрываетъ объясненіе обвиняемаго о томъ, что вещь попала къ нему случайно. Большая разница также и въ томъ, напр., найдены ли всѣ вещи, добытыя преступленіемъ вмѣстѣ или же нѣкоторыя, ибо часть ихъ могла попасть въ невинныя руки, между тѣмъ какъ трудно допустить, чтобы совокупность всѣхъ вещей могла перейти въ третьи руки. Масса вещей указываетъ на повтореніе удачныхъ покупокъ. Тотъ кто слишкомъ счастливъ, обыкновенно помогаетъ своей судьбѣ и всегда почти незаконными средствами.

Черезъ сколько времени послѣ совершенія кражи найдена вещь, такъ какъ чѣмъ болѣе времени прошло послѣ совершенія преступленія, тѣмъ слабѣе подозрѣніе, тѣмъ правдоподобнѣе объясненіе подсудимаго, что онъ приобрѣлъ найденное у него законнымъ образомъ на рынкѣ у неизвѣстнаго торговца.

Способъ приобретенія и цѣна вещей требуютъ тщательной повѣрки, ибо чѣмъ ниже цѣна, чѣмъ своеобразнѣе обстановка, среди которой происходила покупка, тѣмъ болѣе есть основаніе предполагать здѣсь преступленіе. Напр., если процентная бумага куплена на улицѣ у оборванца за пятую часть цѣны, то судья вправѣ заключить, что она куплена завѣдомо краденною. Тотъ, кто приобрѣлъ вещь законнымъ путемъ, знаетъ, что она стоитъ. Но за безцѣнокъ можетъ отдать хорошія вещи только тотъ, кому надо отдѣлаться отъ нихъ во чтобы то ни стало.

Если вещь имѣетъ характерныя примѣты, какъ, напр., номеръ часовъ, то задача Судьи не трудна.

Но когда споръ идетъ о полотнѣ, ржи, мукѣ и т. п., то личное является очень слабою уликою, если путемъ экспертизы и сличенія съ образцами не будетъ установлена самымъ очевид-

нымъ образомъ принадлежность этихъ вещей потерпѣвшему лицу

Если характерные знаки на вещи, напр., этикетки магазиновъ, вензеля потерпѣвшаго лица скрыты, уничтожены, вырѣзаны и счищены съ найденныхъ предметовъ и вмѣсто нихъ поддѣланы другіе (или если подсудимый старается уничтожить кровавыя пятна, или пытается предупредить вскрытіе тѣла посредствомъ поспѣшнаго погребенія его), то это несомнѣнно является уликой противъ обвиняемаго, ибо указываетъ на стремленіе его лишить потерпѣвшаго возможности доказать свое право собственности и вообще на томъ общемъ основаніи, что всякое дѣйствіе разумнаго существа имѣетъ свою причину, и обвиняемый, не умѣющій объяснить причины своихъ дѣйствій, тѣмъ самымъ усиливаетъ предположеніе о своей виновности.

Если обвиняемый и его семья не оказали ни малѣйшаго сопротивленія тѣмъ лицамъ, которыя производили обыскъ, если они ничего не старались скрыть, то такое поведеніе говоритъ въ ихъ пользу. Но если они заперли дверь, чтобы выиграть время, задержать помятыхъ и Слѣдователя, если они при обыскѣ не давали ключей и прятали разные предметы, то имъ несомнѣнно было извѣстно, что эти вещи были краденныя, и о законномъ приобрѣтеніи ими этого имущества говорить невозможно.

Присутствіе у обвиняемаго воровскихъ инструментовъ сразу обрисовываетъ личность подсудимаго. Пользованіе плодами преступленія имѣетъ своимъ основаніемъ то предположеніе, что человѣкъ, внезапно разбогатѣвшій или измѣнившій образъ своей жизни при наличности другихъ доказательствъ его виновности, дѣйствительно, совершилъ приписываемое ему преступленіе. Но одно владѣніе похищенною вещью, хотя бы и вскорѣ послѣ покражи, не подкрѣпленное другими уликами, представляетъ иногда и обманчивый и крайне опасный признакъ.

Отсюда видно, что личное играетъ въ дѣлѣ большую или меньшую роль въ зависимости отъ того, насколько оно по своему характеру, по обстановкѣ, среди которой оно было найдено, и по поведенію обвиняемаго до и послѣ обыска лишаетъ его возможности доказать законность приобрѣтенія вещей, принадлежащихъ потерпѣвшему лицу.

Письменные вещественныя доказательства.

Въ ряду матеріальныхъ вещественныхъ доказательствъ особое мѣсто занимаютъ письменныя доказательства, документы, подѣ

которыми разумѣются письменные знаки, посредствомъ которыхъ выражается актъ мысли человѣка, запечатлѣвается нѣчто уже совершившееся или имѣющее быть совершеннымъ, истинное или ложное—безразлично. Они весьма разнообразны по формѣ, содержанию и происхожденію и оцѣниваются на уголовномъ судѣ совершенно независимо отъ того значенія, которое могутъ имѣть на судѣ гражданскомъ, такъ что документъ, имѣющій доказательную силу на послѣднемъ судѣ, можетъ быть признанъ не имѣющимъ силы на судѣ уголовномъ и наоборотъ. Пользованіе документами, какъ письменными доказательствами, предполагаетъ дѣйствительность ихъ, т. е., что они дѣлствительно исходятъ отъ того лица, которое значится въ документѣ, какъ его авторъ.

По природѣ своей письменныя доказательства не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ системѣ уголовныхъ доказательствъ и въ большинствѣ случаевъ служатъ дополненіемъ другихъ доказательствъ, напр., личного осмотра, показанія обвиняемаго, свидѣтелей или сами требуютъ подкрѣпленія другими доказательствами. Они подходятъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, къ категоріямъ другихъ доказательствъ. Такъ, они могутъ имѣть значеніе 1) бумаги, въ содержаніи или въ происхожденіи которой выразился самый фактъ преступленія; таковы подложные документы, 2) бумагъ, вмѣщающихъ въ себѣ сознаніе подсудимаго или признаніе какихъ-либо фактовъ со стороны другихъ лицъ, имѣющихъ для изслѣдованія дѣла значеніе, и 3) бумагъ, имѣющихъ значеніе уликъ, на основаніи которыхъ можетъ быть сдѣланъ выводъ въ отношеніи преступнаго дѣйствія или виновности лица.

Доказательная сила письменныхъ документовъ зависитъ не отъ одной только достовѣрности ихъ, но также и отъ внутренняго ихъ содержанія, которое можетъ быть опредѣлено только сообразно обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая.

При изслѣдованіи документовъ судья долженъ обратить вниманіе на всѣ мельчайшія обстоятельства. Документъ только тогда можетъ быть признанъ подлиннымъ, когда все находится въ полной гармоніи, т. е. качество бумаги и время выдачи, цвѣтъ бумаги и чернилъ, орфографія и обороты рѣчи, почеркъ, которымъ писанъ текстъ документа, и подписи участвующихъ лицъ. Слѣдуетъ осмотрѣть спорный документъ со всѣхъ сторонъ съ помощію увеличительнаго стекла и наощупь. Такимъ путемъ можно придти къ слѣдующимъ результатамъ: 1) подчистки будутъ видны, если бумагу

поднести къ свѣту; а вытравленіе кислотой можно легко замѣтить, такъ какъ ультрамаринъ, употребленный для окраски бумаги, растворяется подъ вліяніемъ кислоты и оставляетъ бѣлыя пятна.

2) Если нѣкоторыя слова первоначально были написаны карандашемъ, а потомъ вычищены и вписаны чернилами, то на оборотѣ спорной бумаги останутся слѣды отъ нажима графита, которые никакимъ образомъ нельзя удалить.

3) При внимательномъ осмотрѣ бумаги иногда оказывается, что нѣкоторыя буквы дорисованы чернилами. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если какія-либо слова, приписанныя впоследствии, вышли слишкомъ свѣтлыми.

4) Если найдены около буквъ черты, сдѣланныя карандашемъ, то это доказываетъ, что подложныя слова были сначала нарисованы карандашемъ, а потомъ уже написаны.

5) Необходимо въ точности установить, къ какому времени относится бумага, на которой написанъ документъ. На новой гербовой, вексельной и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ почтовой и писчей бумагѣ имѣются водяные знаки, по которымъ можно опредѣлить время, когда бумага приготовлена. Относительно древнихъ актовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на цвѣтъ бумаги и чернилъ. Отъ времени края бумаги желтѣютъ и около буквъ появляются желтые круги. Если на краяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ желтый цвѣтъ исчезъ, то слѣдуетъ заключить, что здѣсь часть бумаги отрѣзана; если желтаго кольца не имѣется около нѣкоторыхъ буквъ, то есть основаніе предполагать, что нѣсколько буквъ были вычищены.

6) Очень важно изслѣдовать складки бумаги, въ особенности, если подпись стоитъ подъ самой складкой.

7) Если документъ склеенъ, то необходимо свѣрить всѣ его части и страницы, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на качество бумаги. Надо установить ея плотность, форматъ, полоски, цвѣтъ и водяные знаки. Необходимо выяснитъ, писаны ли всѣ части однимъ почеркомъ и одинаково ли вліяло время на всѣ части. Въ особенности это важно при осмотрѣ книгъ, которыя ведутся должностными лицами и учрежденіями. Листы, склеенные впоследствии, легко узнать по переплету. Но, кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду мелкіе признаки. Вейнеръ приводитъ характерный примѣръ такого случая: всѣ листы старой книги были проточены червемъ, за исключеніемъ того листа, на которомъ оказался подлогъ.

8) Slѣдуетъ подробно разсмотрѣть штемпеля и печати, находящіеся на документахъ, пригласивъ для этого въ крайнемъ случаѣ рѣщика и гравера.

9) Необходимо

обратить вниманіе на содержаніе документа, на обнаружившееся въ немъ знаніе или, наоборотъ невѣдѣніе опредѣленныхъ обстоятельствъ, на то нѣтъ ли въ немъ ссылки на позднѣйшія сравнительно съ временемъ его составленія выраженія, которыя тамъ встрѣчаются, обороты рѣчи, орфографическія ошибки, на выразившіяся въ немъ мнѣнія, привязанности, склонности, вкусы автора. Такимъ путемъ иногда удается констатировать, что подобный документъ не могъ быть писанъ человѣкомъ столь образованнымъ или развитымъ, какимъ является то или другое изъ дѣйствующихъ лицъ, не могъ заключать въ себѣ выраженія, появившіяся лишь послѣ его составленія. 10) Если документъ выданъ изъ присутственнаго мѣста, то слѣдуетъ свѣрить номеръ, стоящій на немъ съ номеромъ въ исходящей книгѣ и удостовѣриться, тотъ ли документъ тамъ записанъ. 11) Если споръ идетъ о подлогѣ векселя, то необходимо выяснитъ отношенія, социальное положеніе и денеж-средства должника и кредитора. Очень часто бываетъ, что вексель богатаго человѣка находится въ рукахъ бѣднаго, который не могъ дать въ заемъ значительную сумму денегъ. Такіе факты наводятъ на мысль, что долговое обязательство подложно или же получено путемъ мошенничества.

Экспертиза сличенія почерка, каллиграфическая экспертиза, не вооруженная научными способами дѣйствія, въ послѣднее время потеряла свой престижъ. Опытъ указалъ маловажное ея значеніе. Если еще она въ состояніи оказывать нѣкоторую помощь въ случаѣ грубой поддѣлки почерка рукою виновника подлога, то въ случаяхъ другого рода, а именно, при совершеніи подлоговъ посредствомъ особыхъ техническихъ приспособленій, химическихъ процессовъ, фотографическихъ снимковъ и при другихъ, такъ называемыхъ, аутотентическихъ поддѣлкахъ, безсиліе ея представляется очевиднымъ, такъ какъ признаковъ разности почерковъ, несмотря на несомнѣнность подлога, можетъ при этомъ и не обнаружиться. Но, все-таки, нельзя не признать, что этотъ методъ изслѣдованія можетъ привести къ извѣстнымъ результатамъ. Каждый почеркъ представляетъ собою извѣстное оригинальное явленіе. Нѣтъ двухъ почерковъ, которые вполне похожи другъ на друга, какъ нѣтъ двухъ людей одинаковыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ. При экспертизѣ надо сначала опредѣлить характеръ и духъ (привычки) почерка, начавъ это изслѣдованіе съ почерка на безспорныхъ бумагахъ, а затѣмъ на заподозрѣнныхъ

документахъ. Мы знаемъ по адресу на конвертѣ, кто изъ нашихъ знакомыхъ прислалъ намъ письмо. Мы дѣлаемъ это заключеніе по общему впечатлѣнію, а вовсе не потому, что намъ извѣстно, какъ это лицо пишетъ тѣ или другія буквы.

Фотографія представляется незамѣнимымъ средствомъ къ обнаруженію истины. Оставляя изслѣдуемый документъ неповрежденнымъ, она выводитъ на свѣтъ изображеніе того, что находится подъ текстомъ, рукописи, выясняетъ характеристическіе индивидуальныя признаки почерка въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, восстанавливаетъ залитую чернилами рукопись и такимъ образомъ воспроизводитъ такую картину дѣйствительности, которая оставалась бы совершенно незамѣченной для глаза, не вооруженнаго ея могущественными средствами дѣйствія. Она можетъ увеличить подпись до какихъ угодно предѣловъ, вслѣдствіе чего становятся наглядными не только каллиграфу, опытному въ такой работѣ, но и каждому постороннему человѣку, всѣ особенности почерка, опредѣляется способъ поддѣлки и ясно обозначается все, находившееся подъ текстомъ и подписью, опредѣлить составъ чернилъ и бумаги. Благодаря увеличенію нѣтъ возможности скрыть подчистки, такъ какъ поврежденія бумаги выступаютъ съ особенною рельефностію. При помощи фотографіи можно проявить вычищенные слова, которыя для невооруженнаго глаза не видны, можно съ полною наглядностію обнаружить, усилить оттѣнки чернилъ чернаго цвѣта; чернила синеватаго колера получаютъ бѣловатый цвѣтъ, а чернила темнокоричневаго цвѣта становятся совершенно черными.

При изслѣдованіи чрезъ микроскопъ можно замѣтить разницу цвѣта чернилъ, такъ какъ поверхность бумаги не гладкая и взаимное вліяніе тѣней на сильно увеличенной поверхности даетъ возможность опредѣлить цвѣтъ.

Если всѣ буквы и черточки, напр., въ цифрѣ „4“ писаны одновременно, то чернила въ мѣстѣ пересѣченія сольются, а въ противномъ случаѣ образуютъ два слоя, лежащіе одинъ надъ другимъ,

Химія уничтожаетъ документъ, но съ помощію ея можно опредѣлить, было ли вытравлено извѣстное мѣсто химическимъ способомъ.

Хлорная вода, щавельная и соляная кислота оставляютъ на поверхности бумаги желтоватое пятно, которое остается на тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ стояли слова; а отъ тренія синею лакмасовою бумагою на нихъ получается красный цвѣтъ. При судебно-химическомъ изслѣдованіи могутъ быть вызваны на поверхность, или, вѣрнѣе говоря, окрашены, безцвѣтные элементы чернилъ, которые впитываются въ бумагу. Въ ализариновыхъ, напр., чернилахъ есть желѣзо, для проявленія котораго на бумагу ее смазываютъ растворомъ дубильной кислоты, которая, соединясь съ желѣзомъ, привратится въ темныя чернила и появится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли буквы. Если разогрѣть бумагу до такой степени, что она начнетъ желтѣть, то на ней и появятся буквы темнокоричневаго цвѣта, если чернила содержатъ органическіе элементы, которые цвѣта не имѣютъ.

При помощи химіи можно опредѣлить, писанъ ли документъ однѣми чернилами, такъ какъ чрезъ реакціи можно различить четыре сорта чернилъ: ализариновыя, появившіяся съ 1855 года, анелиновыя, изъ кампешеваго дерева, изъ чернильныхъ яблокъ.

Чернила съ теченіемъ времени все больше впитываются въ бумагу, больше усыхаютъ и поэтому легко растворяются въ кислотѣ. Чѣмъ старше документъ, тѣмъ больше онъ окажетъ сопротивленія разрушающей силѣ. Слѣдуетъ поэтому смочить кислотой спорныя и безспорныя мѣста и съ часами въ рукахъ опредѣлить время, когда буквы поблѣднѣютъ. Если весь документъ писанъ въ одинъ день, то всѣ его буквы подъ вліяніемъ кислоты должны исчезнуть одновременно. Иногда этимъ можно удостовѣрить, что документы, напр., торговыя книги писаны въ разное время.

Чтобы узнать, что было написано на томъ мѣстѣ, гдѣ слова зачеркнуты или густо залиты чернилами, надо смочить это пятно соляной или щавельной кислотой и ждать когда верхній слой чернилъ растворится и появится слово, которое было скрыто. Но здѣсь дорогъ каждый моментъ, потому что кислота можетъ растворить и нижній слой.

Письменный документъ, когда подлинность его доказана, представляетъ одного только автора, на которомъ и сосредоточиваются всѣ причины подозрѣнія, происходящія изъ его интереса или умственныхъ способностей.

Документъ, предложенный тѣмъ, кто его составлялъ въ его собственномъ интересѣ, болѣе подозрителенъ.

При требованіи этого документа противною стороною осно-

ванія для подозрѣнія будутъ иныя. Если она его требуетъ, то ясно, что, по ея мнѣнію, онъ долженъ служить противъ того, кто его доставитъ, такъ какъ никто во вредъ самому себѣ не станетъ лгать. Это одинъ изъ видовъ признанія.

Основаніемъ для подозрѣнія служить и непредставленіе его къ дѣлу и отсутствіе ссылки на него при такихъ обстоятельствахъ, когда представленіе его было бы въ порядкѣ вещей, когда сторона должна была бы сдѣлать его извѣстнымъ и воспользоваться имъ, если бы онъ существовалъ.

При увѣренности, что человѣкъ владѣетъ документомъ противной стороны и упорно отказывается представить его, не слѣдуетъ опасаться того, что наказаніе за это будетъ жестокостію, ибо необходимо заставить его подчиниться обязанностямъ, налагаемымъ правосудіемъ. Если онъ страдаетъ, то страдать по своему собственному выбору и не заслуживаетъ никакой жалости. Во всякомъ случаѣ, ему не должна быть предоставлена привиллегія упорствовать въ своемъ поведеніи, несправедливость котораго очевидна.

Документъ въ цѣломъ представляетъ качества значительно высшія или низшія тѣхъ, какихъ можно ожидать отъ лица, которому онъ приписывается, въ отношеніи свѣдѣній, ума и нравственности, насколько можно судить о нихъ по другимъ документамъ того же лица.

Если можетъ быть допрошенъ авторъ документа и допросъ его можетъ быть обставленъ всѣми обыкновенными гарантіями, то нѣтъ причины допускать этотъ документъ вмѣсто свидѣтельства автора, какъ низшую форму этого свидѣтельства. Но когда авторъ находится въ положеніи, исключающемъ возможность устнаго допроса, какъ, напр., въ случаѣ болѣзни, смерти, отдаленности мѣстопробыванія, то документъ долженъ быть принятъ за доказательство, ибо если исключить этотъ документъ, который предполагается благопріятнымъ автору, то можно лишить послѣдняго возможности получить свѣдѣнія, которыя нельзя добыть инымъ путемъ.

Опасность отъ исключенія документа значительно опаснѣе опасности отъ допущенія его, ибо если въ документѣ что-либо искажено, то можетъ быть исправлено при помощи другихъ доказательствъ.

Если подлинность документа оспаривается, то онъ долженъ быть представленъ въ подлинникѣ; въ противномъ же случаѣ, его можетъ замѣнить копія.

Если свидѣтель ссылается, какъ на доказательство, на письмо, которое, по его увѣренію, онъ читалъ, то это свидѣтельство, если нѣтъ причинъ не довѣрять ему, съ перваго взгляда представляется имѣющимъ такую же силу достовѣрности, какъ рассказъ по слуху; но между ними есть различія, которыми не слѣдуетъ пренебрегать: въ первомъ случаѣ къ документу можно обратиться нѣсколько разъ, тогда какъ во второмъ случаѣ оригиналъ появляется на свѣтъ и умираетъ въ ту же минуту. Въ такомъ свидѣтельствѣ заключается два рода опасностей: опасность въ неточности, что бываетъ въ иной степени и съ рассказомъ по слуху, и опасность подлога, когда написавшій для собственной выгоды письмо, оставить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы его могъ прочесть свидѣтель, и уберетъ его съ цѣлію, чтобы послѣдній при случаѣ могъ передать его содержаніе въ качествѣ свидѣтеля.

Подъ случайные письменные документы не подходятъ коммерческія письма и счетныя книги торговыхъ домовъ; онѣ составляются правильно, по однообразной формѣ, съ опредѣленною цѣлію и съ намѣреніемъ имѣть возможность въ случаѣ надобности служить доказательствомъ. Надо замѣтить однако, что имъ не достаетъ существенныхъ качествъ, отличающихъ предустановленныя доказательства; они не совершаются совмѣстно съ заинтересованными сторонами; они не бываютъ дѣломъ правительственнаго чиновника, который, по своему положенію, стоитъ выше подозрѣній въ обманѣ.

Доказательствомъ брака, рожденія, смерти служатъ метрическія книги, отсутствіе которыхъ можетъ быть гибельнымъ для множества лицъ.

Доказательства, заимствованныя изъ другого дѣла, ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что неизвѣстно, было ли оно обставлено всѣми желательными гарантіями. Оно представляетъ опасность, противъ которой надо остерегаться,—это уговоръ. Одна изъ сторонъ въ видахъ создать обманное доказательство могла имѣть фиктивный процессъ со стороны, повидимому, противной, которая возражала только для формы съ цѣлію сообщить ложному доказательству наружный видъ истины.

К о п і я.

Что касается копій, то, строго говоря, никакая копія не можетъ заслуживать такого довѣрія, какъ оригиналъ, потому что

Всякая копія подвержена или умышленнымъ поддѣлкамъ или случайнымъ ошибкамъ. Можетъ случиться, что копія снята съ умышленно искаженнаго и впослѣдствіи уничтоженнаго оригинала, и потому обманъ можетъ пройти незамѣченнымъ. Можетъ случиться, что оригиналъ никогда не существовалъ и представляется мнимая копія въ томъ предположеніи, что подлогъ подъ этою формою обѣщаетъ болѣе успѣха или подвергаетъ меньшей опасности, причемъ въ доказательство дѣйствительности оригинала могутъ быть представлены побочныя доказательства его существованія и всего того, что относится до его совершенія. Мнимая копія вдвойнѣ уменьшаетъ довѣріе: отъ сомнѣнія въ существованіи оригинала и отъ сомнѣнія въ вѣрности копіи, въ томъ, что она списана съ подлиннаго оригинала. Въ копіи можетъ быть пропущена цѣлая строка; отличающія фразы, знаки, запятые, точки часто забываются. Замѣна одного слова другимъ простою перемѣною буквы почти также вѣроятна, какъ простой пропускъ, въ особенности, если буквы имѣютъ сходство и сродство между собою, напр., *motus*, вмѣсто *notus*.

При существованіи оригинала нѣтъ основанія думать объ искаженіи копіи, такъ какъ это искаженіе было бы совершенно бесполезно, если извѣстно, что копія не принимается безъ сличенія съ оригиналомъ.

Если можетъ быть представленъ или если доступенъ оригиналъ, то никакая копія не можетъ быть принимаема безъ особыхъ причинъ. Но оригиналъ можетъ быть истребленъ безъ участія стороны, представившей его, или для сокрытія поддѣлки виновною стороною. Если извѣстно, что со времени истребленія оригинала копія не находилась въ рукахъ виновнаго, то подозрѣніе въ обманѣ исчезаетъ. Если копія списана съ проекта, то невѣроятно, чтобы въ немъ была какая-нибудь форма засвидѣтельствованія и потому таковая не можетъ имѣть мѣста и въ копіи.

Къ копіямъ можно примѣнять то, что сказано о показаніи по слуху. Но копіи имѣетъ преимущество передъ показаніемъ по слуху, ибо она представляетъ менѣе опасности быть неточною случайно, безъ подлога или намѣренія.

Опасность ошибки отъ допущенія этого рода доказательства чрезвычайно слаба, тогда какъ рѣшительное исключеніе его необходимо должно повлечь, въ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшеніе противное справедливости.

Анонимныя сообщенія.

Къ числу доказательствъ письменныхъ, по преимуществу, можно отнести и анонимныя сообщенія. Бываютъ однако примѣры, когда слово можетъ быть сказано наухъ и доноситель исчезаетъ въ толпѣ.

Подъ именемъ анонимнаго доказательства можно понимать всякое сообщеніе или показаніе, авторъ котораго неизвѣстенъ лицу, употребляющему его въ качествѣ доказательства, или когда неизвѣстны ни его имя, ни жительство, ни общественныя связи, ни инныя обстоятельства, по которымъ его можно найти.

Анонимное доказательство не можетъ служить основаніемъ для рѣшенія. Оно можетъ быть разсматриваемо какъ случайное письменное доказательство, чрезвычайно слабое и необѣдительное по своему содержанію, потому что оно лишено всѣхъ тѣхъ гарантій, которыя характеризуютъ истинное доказательство.

Обманъ здѣсь тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что подъ прикрытіемъ анонима искушеніе солгать ничѣмъ не сдерживается непосредственно: ни страхомъ законнаго взысканія, ни страхомъ стыда и униженія передъ общественнымъ мнѣніемъ. Скрываясь во мракѣ, обвинитель не страшится ни разоблаченій соучастника, ни различныхъ случайностей, которыя такъ часто изобличаютъ тайныя преступленія.

Анонимомъ можно воспользоваться иногда какъ указаніемъ, если онъ не имѣетъ другой цѣли, какъ только дать въ руки какой-нибудь сторонѣ вполне доступный источникъ доказательствъ, напр., при кражѣ указать мѣсто храненія украденныхъ вещей или мѣсто нахожденія лица, которое можетъ дать юридическое показаніе, если допросить его на основаніи правилъ судопроизводства. Въ этомъ случаѣ допускается извѣстное неудобство въ надеждѣ получить въ результатъ значительную выгоду.

Невозможно провести для судьи опредѣленную черту между случаями, когда можетъ быть дозволено или запрещено пользоваться анонимными указаніями. Ясно, что для того, чтобы дать ему подобную власть, необходимо войти въ обсужденіе достовѣрности факта, заключающагося въ анонимномъ сообщеніи.

Анонимныя сообщенія не отвергаются вполне потому, что въ этой формѣ можно получить такія указанія, которыя не могутъ

быть получены въ иной формѣ, и что такимъ образомъ поддерживается значеніе такихъ правъ, которыя иначе были бы нарушены, изобличаются несправедливости, противъ которыхъ не было бы спасенія, наказываются преступленія, которыя остались бы безнаказанными, предупреждаются притѣсненія, которыя иначе не были бы предупреждены.

Анонимныя сообщенія являются единственнымъ возможнымъ указаніемъ, когда фактъ бываетъ извѣстенъ небольшому замкнутому кружку лицъ, которыя, по особенности своего положенія, предпочтутъ совсѣмъ молчать, нежели сдѣлать публичное заявленіе, потому что для нихъ побудительные мотивы здѣсь не такъ сильны, какъ сдерживающіе мотивы.

Мотивы, побуждающіе частное лицо выступить въ качествѣ обвинителя, бываютъ одинъ или многіе изъ числа слѣдующихъ: 1) общественный духъ, патріотизмъ, т. е. сочувствіе къ обществу, интересы котораго представляются нарушенными поведеніемъ лица, на котораго посланъ доносъ; 2) благорасположеніе вообще или особенная привязанность къ лицу или къ цѣлому разряду лицъ, которыхъ хотятъ оградить отъ какой-нибудь несправедливости или угнетенія; 3) антипатія безпричинная или вслѣдствіе какой-нибудь причины къ лицу или къ цѣлому разряду лицъ, которыхъ безнаказанность огорчаетъ доносителя; 4) честолюбіе, которое доставляетъ наслажденіе человѣку зрѣлищемъ важныхъ послѣдствій, вызванныхъ по его волѣ и вслѣдствіе его дѣятельности; 4) жажда славы, которая находитъ отдаленное удовлетвореніе въ успѣхѣ доноса, несмотря на покровъ, которымъ авторъ его сначала прикрывается. Самые обыкновенные и самые сильные мотивы суть слѣдующіе: 1) боязнь личной неприязни со стороны тѣхъ, которые будутъ лично оскорблены доносомъ; 2) боязнь вражды партіи, вражды класса людей, соединенныхъ между собою какимъ-нибудь интересомъ или привязанностію, готовыхъ вообще дѣйствовать противъ доносителя; 3) робость или боязнь неуспѣха и потери въ общественномъ мнѣніи или то замѣшательство, то отвращеніе, которое испытываютъ многія лица, когда надо выступить публично, явиться на обширную сцену дѣйствія, каковая робость есть видоизмѣненіе того великаго принципа любви къ репутаціи, которому выше приписано противоположное дѣйствіе; противорѣчіе здѣсь только кажущееся, ибо вслѣдствіе этого мотива одинъ человѣкъ выставляетъ свои дѣйствія на показъ, а другой скрываетъ ихъ; этотъ

Мотивъ особенно вліяетъ на болѣе чувствительнаго и деликатнаго человѣка; а это вліяніе также естественно, какъ и благотѣтельно по своимъ послѣдствіямъ.

Когда анонимъ полученъ частнымъ лицомъ, то его собственный интересъ заставитъ его взвѣсить всѣ обстоятельства, прослѣдить нить и обратиться къ правосудію, если въ томъ окажется надобность.

Для того, чтобы правительственные агенты могли извлечь изъ анонимныхъ сообщеній всю возможную выгоду, необходимо, чтобы они дѣйствовали въ этомъ случаѣ, на сколько то возможно, публично, чтобы всякому было извѣстно это сообщеніе и чтобы всякій могъ оказать содѣйствіе въ этомъ направленіи. Выгоды такихъ сообщеній можно видѣть, напр., въ дѣлахъ о контрабандахъ, о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ. Всѣ контрабандисты составляютъ одну корпорацію страстную, мстительную. Чиновники часто относятся къ открывателямъ контрабанды высокомерно и презрительно, признавая въ нихъ людей по меньшей мѣрѣ назойливыхъ. Наконецъ, и въ судѣ доносчикъ замѣчаетъ со всѣхъ сторонъ нерасположеніе; намѣренія его подвергаются самому злому истолкованію.

Сообщить открыто о злоупотребленіяхъ чиновника или цѣлой корпораціи, въ особенности, если они служатъ доходною статью ея, значитъ пріобрѣсти легіонъ враговъ, прослыть коварнымъ, навлечь на себя иногда недовольство начальника, если онъ смотритъ на себя какъ на покровителя тѣхъ, на кого доносятъ.

Въ Англіи анонимныя извѣщенія часто вносились въ публичные акты и часто служили начальникамъ средствомъ для открытія лихоимства подчиненныхъ. Но при тайной системѣ уголовного судопроизводства и вслѣдствіе того и произвольной, гдѣ среди мрака нельзя было знать, пользовались ли такими извѣщеніями, какъ указаніями или же какъ окончательными доказательствами, осужденіе этихъ доказательствъ въ сочиненіяхъ, которыя трактуютъ объ анонимныхъ обвиненіяхъ, совершенно основательно.

Но не слѣдуетъ отказываться отъ анонимныхъ сообщеній доставляющихъ часто полезныя указанія. Однако же, въ виду заслуженной ими непопулярности, ихъ не слѣдуетъ принимать иначе, какъ съ прибавленіемъ положительнаго увѣдомленія, что исключительное пользованіе ими составляетъ лишь ключъ или нить, чтобы дойти до законныхъ доказательствъ, чтобы

Понудить анонимнаго обвинителя открыть себя, завѣривъ его, что онъ будетъ выслушанъ. Можно прибавить, что всякія общія обвиненія противъ характера извѣстнаго лица, всѣ тѣ, которыя не указываютъ на определенное преступленіе, всѣ тѣ, которыя не удостовѣряются фактами, будутъ отвергаемы съ презрѣніемъ, котораго они заслуживаютъ.

Разница между производствомъ дѣлъ о подлогахъ въ гражданскомъ и въ уголовномъ судѣ.

Производство дѣлъ о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и въ судѣ уголовномъ различно по слѣдующимъ основаніямъ: гражданскій судъ возстановляетъ нарушенное право. Онъ главнымъ образомъ имѣетъ дѣло съ правами на имущество, на вещь, на дѣйствія другихъ лицъ, съ матеріальною стороною человѣческаго быта. Это судъ формальный, очень рѣдко заглядывающій въ область нравственныхъ соображеній. Онъ часто вынужденъ изрѣкать рѣшеніе въ пользу человѣка, нравственная подкладка дѣйствій котораго возмущаетъ чувство, но который „въ своемъ правѣ“. Онъ долженъ иногда отказать въ своей защитѣ, помощи человѣку неосмотрительному, хотя и честному, довѣрчивому, но незнающему.

Уголовный судъ караетъ за нарушенное право. Онъ имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ драгоценнѣйшими благами жизни—съ свободою, съ здоровьемъ, съ самою жизнію. Онъ защищаетъ своими приговорами главнымъ образомъ предметы не матеріальныя—честь, репутацію, доброе имя, общественную нравственность. Онъ входитъ въ оцѣнку цѣлей, намѣреній. Онъ судитъ не о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось право, а о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилась воля, и караетъ эту волю, если она направлена на вредъ, на гибель ближнему.

Цѣль и приемы этихъ судовъ различны. Гражданскій судъ самъ ничего не отыскиваетъ, а холодно и безстрастно присутствуетъ при состязаніи истца и отвѣтчика. Онъ слагаетъ доказательства отвѣтчика и говоритъ первому, доказалъ ли или не доказалъ онъ свой искъ. Если одна изъ цифръ этой задачи не ясна и сомнительна, если одно изъ доказательствъ внушаетъ подозрѣніе, то судъ предлагаетъ сторонѣ выбросить эту цифру изъ счета, взять это доказательство назадъ, и если оно взято, то, съ точки зрѣнія гражданского суда, оно не имѣетъ никакого значе-

нія. Вотъ почему судъ, предлагая истцу взять назадъ документъ, объявленный подложнымъ, штрафуетъ отвѣтчика, если онъ не представитъ доказательствъ подлога, или если документъ окажется, по изслѣдованію, неподложнымъ. Но ему нѣтъ дѣла до того, чья преступная воля выразилась въ подлогѣ. Это дѣло прокурора, который долженъ дать возможность уголовному суду заглянуть въ тѣ дѣйствія, которыя предшествовали появленію документа на судѣ гражданскомъ.

Для суда уголовного преступная воля, направленная на незаконный прібытокъ, выразилась вполне въ составленіи документа. Представленіе его на судѣ есть пользованіе плодами преступленія. Но послѣдствія составленія подложнаго документа могутъ состоять не въ одномъ представленіи ихъ на судѣ, и въ этомъ причина, почему законъ караетъ не за одно представленіе, но и за составленіе документа. Подложный вексель, напр., можно дисконтировать, заставить пройти черезъ рядъ бланконадписателей... Такой вексель можетъ послужить средствомъ обмана, для подрыва кредита и иногда репутаціи того, отъ чьего имени онъ написанъ. Вернувшись къ выпустившему его, онъ можетъ быть уничтоженъ имъ. Но онъ возбудилъ слухъ, что векселедатель весь въ долгу; что онъ, напр., подрядчикъ, не устоитъ въ своемъ дѣлѣ. Это—преступленіе независимо отъ того, какъ взглянуть на дѣло судъ гражданскій.

Слѣды преступленія.

Слѣды преступленія, т. е. такія данныя, которыми удостоверяется присутствіе обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, не слѣдуетъ смѣшивать съ вещными, ибо они составляютъ особую группу доказательствъ, какъ-то: 1) кровь на одеждѣ, вещахъ или въ домѣ обвиняемаго, 2) волосы въ рукахъ убитаго, 3) раны, царапины и другія поврежденія и слѣды борьбы на тѣлѣ и лицѣ обвиняемаго, 4) слѣды земли и краски на тѣлѣ и одеждѣ обвиняемаго, 5) слѣды ногъ и обуви, 6) слѣды грязныхъ и кровавыхъ рукъ на одеждѣ убитаго, на вещахъ и стѣнахъ его квартиры, 7) слѣды инструментовъ на мѣстѣ преступленія, если они вполне подходятъ къ орудіямъ, найденнымъ у обвиняемаго, 8) дробь и пули, найденныя на мѣстѣ преступленія и въ тѣлѣ убитаго. Слѣды ногъ или обуви подсудимаго вблизи мѣста преступленія—крайне

слабая улика, если не будут констатированы характерные признаки слѣда, напр., заплаты и дыры на подошвѣ.

При оцѣнкахъ надо держаться слѣдующихъ правилъ: 1) необходимо, чтобы слѣды были найдены немедленно, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ совершенія преступленія; 2) измѣренія должны быть тщательны и сдѣланы до наложенія сапога на слѣдъ, 3) надо въ точности опредѣлить направленіе слѣда, т. е. выяснить, гдѣ слѣдъ былъ замѣченъ впервые и куда онъ пошелъ, довелъ ли до дома обвиняемаго или прошелъ дальше. Направленіе слѣда имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ его величина и форма, ибо оно лучше всякаго свидѣтеля указываетъ ту сторону, куда долженъ направиться розыскъ; однако нельзя забывать, что крестьянскіе сапоги шьются на одну колодку; 4) наконецъ, при преступленіяхъ, совершаемыхъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, обвиняемый можетъ умышленно бросить тѣнь на другое лицо и его сапогами надѣлать слѣды.

Личный осмотръ.

Личнымъ осмотромъ называются тѣ процессуальныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ Слѣдователь или Судья самъ убѣждается путемъ непосредственнаго наблюденія въ существованіи или несуществованіи извѣстныхъ событій, извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла. Наблюденіе это выражается не только въ обозрѣніи глазами предмета, а также въ воспріятіяхъ его посредствомъ всякаго внѣшняго чувства—слуха, осязанія и т. д. Нашъ законъ понимаетъ подъ именемъ осмотра и освидѣтельствванія, осмотры чрезъ Судебнаго Слѣдователя или Судью въ отличіе отъ осмотровъ и освидѣтельствваній чрезъ свѣдущихъ людей, которые обнимаютъ собою понятіе экспертизы.

Личное наблюденіе составляетъ наилучшее средство достиженія истины, находится въ тѣсной связи съ началомъ непосредственности судебныхъ дѣйствій. То, что можетъ выяснить личный судебный осмотръ, не можетъ быть восполнено, по достовѣрности своей, никакимъ инымъ доказательствомъ.

Цѣль осмотра состоитъ въ томъ во 1), чтобы установить ясную и полную картину, внѣшнюю обстановку, всѣ внѣшніе признаки преступленія и способъ и орудія совершенія его, а слѣдовательно не подвергавшееся при осмотрѣ наблюденію и не подле-

жало таковому, во 2) чтобы сохранить слѣды и улики, изобличающіе подсудимаго, какъ-то, слѣды сапогъ на землѣ, крови на одеждѣ, знаковъ взлома на вещахъ и пр., и во 3), чтобы провѣрить свидѣтелей, выяснитъ, могли ли они съ указаннаго мѣста видѣть и слышать все то, что они говорили.

Наилгъ законъ достовѣрность осмотра гарантировалъ всевозможными мѣрами: осмотръ производится въ присутствіи понятыхъ, процессуальныхъ свидѣтелей, которые присутствіемъ своимъ придаютъ законность акту осмотра, а подписью своею протокола осмотра удостовѣряютъ, что все изложенное въ немъ констатировано внѣшними чувствами ихъ и Слѣдователя и согласно съ дѣйствительною обстановкою преступленія. Осмотръ производится лицами знающими и безпристрастными, заслуживающими особаго довѣрія по своему положенію и образованію, а описаніе, составленное немедленно послѣ осмотра, всегда яснѣе, чѣмъ то, которое дано впослѣдствіи, когда нѣкоторыя подробности уже изгладились.

Кромѣ того, если Слѣдователь и понятые пришли къ тому выводу, что, напр., взломъ совершенъ стамеской опредѣленнаго размѣра, то это должно считаться несомнѣннымъ доказательствомъ, если приэтомъ результаты его согласны съ прочими данными дѣла и обращено вниманіе на самыя существенныя стороны дѣла.

Составленный о результатахъ осмотра протоколъ есть не что иное какъ письменное показаніе безпристрастныхъ должностныхъ лицъ, есть производное доказательство, имѣющее высокую степень достовѣрности.

Наилучшимъ средствомъ воспроизведенія внѣшней обстановки преступленія во всѣхъ подробностяхъ можетъ служить фотографія. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ и тщателенъ осмотръ, какъ бы онъ ни былъ ясно, послѣдовательно, картинно и даже художественно изложенъ, все-таки, описаніе никогда не можетъ дать того нагляднаго представленія, какъ фотографія.

А н а л о г і я.

Аналогія есть особая форма вывода, основанная на предположеніи, что два предмета, подобные въ однихъ пунктахъ, могутъ оказаться подобными и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, при чемъ намъ неизвѣстно, чтобы эти искомые пункты находились съ извѣстнымъ намъ въ отношеніяхъ причинности или сосущество-

ванія. Ея роль въ судебномъ процессѣ временная, упраздняемая открытіемъ доказательствъ по дѣлу; она даетъ намекъ, пріемъ, которымъ можно найти дорогу, указываетъ хотя гадательный, хотя какой-нибудь маршрутъ для изслѣдованія и устанавливаетъ опорные пункты при раскрытіи таинственныхъ событій, указываетъ направленія, въ которыхъ могутъ быть сдѣланы болѣе точныя изслѣдованія, хотя и не можетъ рѣшить вопроса и не служитъ даже болѣе или менѣе твердою почвою для рѣшительнаго заключенія. Совершилось преступное дѣяніе. Опытъ даетъ намъ много сходныхъ событій, въ которыхъ проявляются страсти людей и игра ихъ интересовъ. На основаніи сходства въ однихъ чертахъ мы дѣлаемъ заключеніе о подобіи въ другихъ. Такъ, зная, что личный интересъ наслѣдника во многихъ случаяхъ служитъ мотивомъ для преступленія, мы не можемъ съ точностію судить, по аналогіи, о дѣйствіи личного интереса въ данномъ дѣлѣ, такъ какъ прочія стороны характера даннаго наслѣдника намъ неизвѣстны.

Аналогія не можетъ считаться доказательствомъ и даетъ намъ лишь вѣроятность, которая возвышается по мѣрѣ большаго подобія предметовъ по ихъ существу. Аналогія есть дѣло личныхъ дарованій, талантливости и даровитости ума. Острые и проникающие умы легко открываютъ аналогію между явленіями, тогда какъ умы тупые и маловпечатлительные не поражаются очевидными сходствами явленій.

Отрицательныя доказательства.

Отрицательнымъ доказательствамъ или придается очень мало значенія или не придается никакого значенія, если они представляются противъ положительныхъ показаній лицъ, заслуживающихъ полного довѣрія. Но исключеніе всякаго доказательства было бы исключеніемъ всякой справедливости.

Права и обязанности присяжных заседателей.

Подъ судомъ присяжныхъ разумѣется такая организація суда, въ которой не имѣющіе обязательно юридической подготовки представители общества, не соединяясь съ судьями въ одну коллегію, разрѣшаютъ по внутреннему своему убѣжденію вопросъ о виновности преданнаго ихъ суду подсудимаго и затѣмъ предоставляютъ уже подтвержденіе установленныхъ ими фактовъ подъ соотвѣтствующіе статьи уголовного закона судьямъ профессиональнымъ. По существу своей дѣятельности онъ есть также судъ коронный, и если мы говоримъ о коронныхъ судьяхъ, то единственно въ отношеніи различныхъ способовъ ихъ избранія.

Въ настоящее время совмѣстная дѣятельность суда присяжныхъ и суда короннаго признается высшею и наиболѣе совершенною формою суда. Она сливается тотъ и другой судъ въ одно гармоническое цѣлое, такъ какъ въ нравственной природѣ человека коренится принципъ единства источника судебного приговора.

Судъ присяжныхъ становится міровымъ учрежденіемъ. Въ Европѣ онъ введенъ всюду, за исключеніемъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи, Голландіи и Турціи. Онъ укоренился въ каждой странѣ, куда успѣлъ проникнуть.

Постоянные судьи, специально занимающіеся судебною практикою, лучше понимаютъ смыслъ положительнаго законодательства и являются наиболѣе опытными въ судебныхъ дѣлахъ. Они всю жизнь проводятъ въ томъ, что выслушиваютъ свидѣтелей, рассматриваютъ всякія доказательства, взвѣшиваютъ вѣроятности, вычитаютъ ихъ, оцѣниваютъ ихъ силу, принося въ дѣло свою жизненную опытность, лично имъ извѣстныя исключенія и данныя при примѣненіи общаго правила къ отдѣльному случаю. Провѣ-

щенное знаніе законовъ природы, жизни, слабостей и предрасудковъ людей и опытность въ судебныхъ дѣлахъ, которая дается исключительно судебною практикою и изученіемъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ, знакомство судей съ тою житейскою областю, въ которой разыгралось преступленіе, уменьшаютъ шансы поддаться обманчивымъ уловкамъ и ухищреніямъ, такимъ неопредѣленнымъ подозрительнымъ доказательствамъ, не имѣющимъ отношенія къ убѣжденному предмету, которая наукою и судебною практикою давно уже признаны не имѣющими никакого значенія, или не довѣрятъ такимъ доказательствамъ, которыя не возбуждаютъ никакого сомнѣнія и даютъ возможность, на основаніи обстоятельствъ, повидимому, ничтожныхъ изслѣдовать темныя пути преступленія.

Въ Англіи правительственный судья-техникъ, управляющій ходомъ судоверенія, придерживается самымъ точнымъ образомъ весьма подробной теоріи доказательствъ. Онъ при нѣсколькихъ источникахъ относящихся къ одному и тому же факту, предпочтетъ болѣе достовѣрный, а устранить менѣе достовѣрный; когда есть свидѣтели-очевидцы, онъ не допуститъ свидѣтелей послуху; когда свидѣтель живъ, онъ заставитъ его явиться лично въ судъ и дать показаніе въ присутствіи противной стороны, которая можетъ уличить его во лжи на перекрестномъ допросѣ, въ несообразностяхъ и противорѣчіяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянные судьи, посвящая себя исключительно этой дѣятельности, за своимъ кодексомъ въ своей присутственной палатѣ, какъ и всякіе специалисты, сосредоточиваются большею частію на одной технической сторонѣ своего дѣла и иногда не замѣчаютъ народившіеся новыя явленія жизни, не подходящія подъ старыя юридическія формы.

Судъ присяжныхъ въ оцѣнку доказательствъ вноситъ личный опытъ и умъ, не отягченные техническими и искусственными правилами при рѣшеніи вопросовъ факта, при опредѣленіи значенія приблизительныхъ обобщеній въ конкретномъ случаѣ. Независимо отъ судебныхъ своихъ достоинствъ онъ имѣетъ еще высокое соціальное значеніе: онъ развиваетъ въ обществѣ чувство законности, подымаетъ въ массѣ населенія сознаніе личной отвѣтственности и личнаго достоинства, содѣйствуетъ сближенію положительнаго закона съ народнымъ правосознаніемъ.

Для правильной дѣятельности суда присяжныхъ требуется наличность извѣстныхъ и притомъ многоразличныхъ условій. Судъ

присяжныхъ, дѣйствующій въ странѣ, въ которой чувство законности и естественной справедливости не находятъ въ обществѣ почвы для развитія, въ которой судъ не уединенъ отъ политической борьбы партій, въ которой, благодаря неудовлетворительному составленію списковъ присяжныхъ, привлекаются лица, не удовлетворяющія назначенію присяжныхъ, нельзя ожидать хорошихъ результатовъ отъ дѣятельности суда присяжныхъ, и для такой страны эта организація суда будетъ худою организаціею. Нужно, чтобы судебный персоналъ и адвокатура стояли на высотѣ своего призванія, чтобы слѣдствіе велось безукоризненно зорко, безстрастно и безпристрастно, чтобы судьи вели дѣло съ полнымъ неотомленнымъ вниманіемъ и полнымъ отсутствіемъ предубѣжденія, чтобы свидѣтели были совершенно свободны отъ пристрастія, отъ заблужденій и внушеній, главное нужно, чтобы подсудимые или ихъ защитники не вредили сами настоящему выясненію дѣла.

Отдѣльные случаи ошибочныхъ вердиктовъ присяжныхъ засѣдателей не доказываютъ несостоятельности этого суда. Нѣтъ такой формы организаціи суда, которая въ этомъ отношеніи могла бы стоять внѣ всякихъ упрековъ. Причины оправдательныхъ приговоровъ могутъ зависѣть отъ слабости уликъ, собранныхъ противъ подсудимаго, но еще въ большей степени отъ правовыхъ возрѣвній присяжныхъ, которыя не согласны съ писаннымъ закономъ. Въ убійствѣ конокрадовъ, напр., понятно, что ради одного негоднаго мужика, понесшаго за свою порочную жизнь вполне заслуженное, но слишкомъ жестокое наказаніе, присяжные не рѣшаются послать въ каторжныя работы 10—20 человѣкъ, которые въ пылу негодованія обагрили свои руки въ крови. Въ дѣлахъ о дѣтоубійствѣ присяжные входятъ въ положеніе матери, которая, волнуемая стыдомъ и страхомъ, наложила руку на свое дѣтище, и не рѣшаются наказать бѣдную женщину, которая, быть можетъ, сама была жертвою обмана. По дѣламъ о малоцѣнныхъ кражахъ изъ крайности или на сумму менѣе 50 коп. присяжные оправдываютъ иногда потому, что свою ничтожную вину подсудимый купилъ уже всѣми непріятностями привлеченія къ дѣлу и тасканья по судамъ, иногда потому, что подобныя дѣла, попадая на сессію рядомъ съ серьезными, теряютъ всякое значеніе въ ихъ глазахъ. По дѣламъ о покушеніяхъ на преступленія присяжные оправдываютъ иногда потому, что, по ихъ мнѣнію, пока вреда не наступило, нечего и карать человѣка,

Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей общественный элементъ суда является на служеніе элементу государственному, а слѣдовательно и отвѣтственному. Присяжные засѣдатели суть судьи подзаконные. Право суда лично присяжнымъ засѣдателямъ не принадлежитъ; оно есть право государственное, исходящее отъ Его Величества, коего всѣ служители правосудія суть слуги, какъ осуществленіе общаго для всѣхъ насъ нашей общей національной идеи, идеи государственнаго единенія, идеи глубокаго внутренняго единенія во всемъ многостороннемъ разнообразіи, какъ сама жизнь.

Законъ—это мѣрило справедливости, высшая норма, выработанная народною жизнью, выражающая народную вѣру, народную нравственность, народное міровоззрѣніе и ограничивающая кругъ свободы судей, этотъ мощный двигатель для нравственнаго развитія людей—требуетъ себѣ повиновенія отъ всѣхъ, а потому подзаконность дѣйствій органовъ судебной власти отнюдь нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что только органы этой власти обязаны повиноваться требованіямъ закона; имъ должны повиноваться и органы административной и др. властей.

Безъ подчиненія закону не было бы и свободы, ибо свобода состоитъ не въ разнузданности ума, воли и страстей, какъ ее понимаютъ иные, не въ гордости, эгоизмѣ, властолюбіи, въ заявленіяхъ своихъ правъ и въ отрицаніи своихъ обязанностей, не въ практическихъ корыстныхъ разсчетахъ, не въ паробщеніи интересовъ другихъ, не въ подчиненіи потокамъ событій, господствующимъ увлеченіямъ и настроенію общества, не въ угожденіи какой-либо партіи или секты, не въ томъ, чтобы ничему не подчиняться и считать свою личную совѣсть за мѣрило справедливости, но въ разумномъ подчиненіи закону долга, всеобщему, объективному закону свободы, объективному требованію, безъ подчиненія которому идея суда присяжныхъ, какъ ее понимаетъ законъ, отрицается.

Юридическія нормы, изданныя верховною властію, не прикосновенны и противопоставляются произволу. Право не есть что-либо различное отъ соціальной (¹) жизни.

(¹) Соціалогія имѣетъ своею задачею объяснить причины и указать на ходъ и послѣдствія взаимнаго воздѣйствія различныхъ элементовъ культуры на ростъ общественной солидарности.

Оно относится къ ней, какъ форма къ содержанію. Права, какъ и религія, господствуютъ надъ страстями и облагораживаютъ ихъ. Девизъ судьи—правовыя нормы, законъ, который у насъ эмблематически изображается въ видѣ столба съ короною наверху и съ надписью подъ нею „законъ“. Эта эмблема указываетъ тотъ прямой путь, по которому надо идти, по которому ходила и древняя Русь, міровоззрѣніе которой вылилось въ народномъ эпосѣ и въ особенности въ пѣсняхъ о любимѣйшемъ героѣ народнаго эпоса Ильѣ Муромцѣ. Подъѣзжалъ онъ, говоритъ о немъ былина, къ тремъ дороженькамъ. При дорожкахъ бѣлый камушекъ, а на камушкѣ написано: вправо ѣхать-быть богатому, влѣво ѣхать-быть женатому, прямо ѣхать-быть убитому. И поѣхалъ И. Муромецъ прямоѣжею дороженькой; какъ подѣхалъ къ лѣсу темному... а навстрѣчу 45 съ однимъ разбойникомъ... и стрѣляетъ въ дубъ онъ дерево, расщепилея дубъ... тутъ разбойники попадали... а очнувшись, стали кланяться... тутъ назадъ Илья ворочался, подѣзжалъ къ камню бѣлому, надпись старую вычеркивалъ, надпись новую надписывалъ: „ложно было здѣсь написано... ѣздилъ я прямой дороженькой и остался цѣль-цѣлехонекъ“. И поѣхалъ онъ дороженькой, что сулила быть женатому!.. Тутъ навстрѣчу выходила королевична.. повела его въ спальню теплую... подошелъ Илья къ постелюшкѣ... а кровать то подложная... И опять онъ сдѣлалъ надпись новую: „ѣздилъ я дорогой лѣвою, а остался безъ супружества“. Въ другой былинѣ о Василиѣ Буслаевичѣ рассказывается: и едутъ они прямымъ путемъ-дороженькой. Камень тамъ они увидѣли въ вышину съ вершкомъ три сажени; а на камнѣ надпись писана: кто станетъ черезъ камень перескакивать, тотъ сломастъ буйну голову. Перескакивалъ, черезъ камень Васильюшка, ударялся въ земь головушкой и кончину тутъ почувствовалъ.

Только тѣ дѣйствія органовъ судебной власти находятъ оправданіе своему существованію, которыя основываются на законѣ.

Довѣріе къ присяжнымъ засѣдателямъ зиждется на идеѣ закона; они осуществляютъ судебную власть не внѣ закона, а въ предѣлахъ имъ дарованныхъ, довѣренныхъ. Нарушеніе этихъ предѣловъ есть нарушеніе довѣрія, есть присвоеніе власти, отмѣренной имъ закономъ, есть зло государственнаго значенія. Облекаясь званіемъ судей, присяжные засѣдатели не должны идти на переборъ закону, не должны переступать

его волю, чтобы не потерять благотѣльных цѣлей учрежденія института присяжныхъ засѣдателей, но должны стремиться къ поддержанію его авторитета, должны избрать его руководящимъ принципомъ своей дѣятельности, должны сообразовать свои дѣйствія съ его требованіями и взглядами, въ немъ и въ указаніяхъ свободной, не стѣсненной предустановленными доказательствами, судейской совѣсти должны черпать свои убѣжденія и потому не должны присвоивать себѣ не принадлежащихъ имъ правъ рѣшать участь подсудимаго по своему усмотрѣнію, по своему произволу, дабы судъ ихъ не обратился въ самосудъ, дабы избавить себя отъ многихъ невольныхъ ошибокъ, служащихъ матеріаломъ для противниковъ суда присяжныхъ. Присяжные, становясь судьями, отрекаются отъ личнаго произвола, безоотчетныхъ рѣшеній вопреки закона и очевидности. Самые разумные законы становятся безсильными, если нѣтъ честныхъ исполнителей законовъ, если они не находятъ поддержки въ общественномъ мнѣніи. Каждый судья обязанъ гласно дать отчетъ—почему онъ осудилъ, почему оправдалъ, и долженъ нести отвѣтъ за неправду суда, а не умыть руки передъ дверью, скрывшей отъ всѣхъ анонимныхъ судей, выразившихъ метафизическое понятіе „мнѣніе всѣхъ“, т. е. безличнаго общества, замѣнившее теологическое понятіе божества, проявлявшаго свое правосудіе въ ордаліяхъ.

Виновность или невинность должна быть опредѣлена только съ точки зрѣнія законодательства русскаго, а не еврейскаго, французскаго и т. д. или не съ точки зрѣнія о преступномъ и непроступномъ какихъ-либо ученыхъ школъ, или академій или своей собственной.

Обсуждая вопросъ о виновности подсудимаго, присяжные засѣдатели не должны вовсе касаться вопроса о возможныхъ послѣдствіяхъ ихъ приговора, о томъ наказаніи, которое понесетъ подсудимый въ случаѣ признанія его виновнымъ, не должны присвоивать себѣ правъ, принадлежащихъ коронному суду.

Правосудіе можетъ идти правильно только въ томъ случаѣ, если отдѣльные органы его не будутъ выходить изъ предѣловъ предоставленной каждому изъ нихъ власти, не станутъ вторгаться въ сферу имъ чуждую, но ограничатся исполненіемъ въ точности только того, что возложено на нихъ закономъ. Присяжные засѣда-

тели не должны оставлять безъ вниманія того, что законъ оставилъ дѣятельность коронныхъ судей цѣлымъ рядомъ правилъ, гарантирующихъ правильность примѣненія наказанія къ каждому отдѣльному случаю.

Правосудіе заключается въ сообразности судебного рѣшенія съ закономъ. Законъ не можетъ желать, чтобы, признавъ извѣстное дѣяніе дѣломъ подсудимаго, дѣйствовавшаго сознательно, присяжные засѣдатели говорили, что онъ, все-таки, не виновенъ тамъ, гдѣ онъ лишь заслуживаетъ, быть можетъ, снисхожденія. Судъ не можетъ не вѣнчать подсудимому содѣяннаго имъ въ вину по своему усмотрѣнію, а не по законнымъ причинамъ невѣнчанія (р. Уг. Кас. Д. ⁶⁸ г. ³⁸¹). Такой приговоръ заключалъ бы въ себѣ логическое противорѣчіе, былъ бы нарушеніемъ клятвеннаго обѣщанія, даннаго присяжными засѣдателями, и обманулъ бы ожиданія отъ нихъ общества. Законъ ждетъ отъ присяжныхъ суда, а не благотворительности; онъ не даетъ имъ права милованія, права отпускать людямъ грѣхи ихъ. Законъ говоритъ присяжнымъ: какъ судьи, какъ граждане, назовите зло зломъ и преступленіе преступленіемъ; но сказавъ это по совѣсти и предъ лицомъ родины, которая ввѣряетъ вамъ священное дѣло правосудія, поищите, по человѣчеству, нѣтъ ли обстоятельствъ въ дѣлѣ, въ личности, въ положеніи человѣка, по которымъ къ нему надо отнестись съ снисхожденіемъ, и если найдете, то, пусть, рядомъ съ голосомъ строгой правды, прозвучать и кроткіе звуки христіанскаго милосердія. „Мнѣ, говоритъ Хомяковъ, нуженъ братъ, любящій брата, нужна мнѣ правда на судъ“.

Иногда говорятъ, что присяжные засѣдатели призваны къ дѣлу какъ врачи. Но слѣдуетъ помнить, что они, по своей обязанности, не врачи-санитары, устраняющіе возможность страданія въ будущемъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій въ настоящемъ, а врачи—хирурги, долженствующіе опредѣлять есть ли болѣзнь, предусмотрѣнная закономъ, и есть ли основаніе примѣнить къ ней суровое лѣкарство, указанное въ томъ же законѣ.

Неумолимые законы правосудія, судебная справедливость не могутъ ни въ какомъ случаѣ подчиняться какимъ бы то ни было постороннимъ соображеніямъ. Поэтому присяжные засѣдатели,

рѣшая вопросы, не должны останавливаться на соображеніяхъ, не относящихся къ прямой, ясной и высоконравственной ихъ обязанности предъ государствомъ и обществомъ и вѣдаться въ область неопредѣленную и гадательную, не должны вступать на путь теоретическихъ умозрѣній и юридическихъ тонкостей, чуждыхъ призванію судей совѣсти, не должны останавливаться, напр., на мнѣніи иностранцевъ о способности ихъ къ отправленію правосудія, или на требованіяхъ общественной пользы, или обсуждать, достаточно ли подсудимый наказанъ должновременнымъ заключеніемъ или испытаннымъ на судѣ душевнымъ страданіемъ, такъ какъ должны произнести приговоръ о томъ-виновенъ ли подсудимый и не имѣютъ права говорить „не виновенъ“ потому только, что подсудимый, по ихъ мнѣнію, довольно испыталъ неудобствъ и стѣсненій. Если, напр., законъ, по мнѣнію присяжныхъ засѣдателей, не правиленъ, если и дѣйствительно законъ относится къ нѣкоторымъ преступленіямъ строго, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе и не соотвѣтствуетъ преступленію, то, все-таки, не дѣло присяжныхъ засѣдателей исправлять этотъ недостатокъ закона, стремиться своимъ приговоромъ побудить законодателя измѣнить законъ. Они не могутъ дополнять волю законодателя, напр., по нравственнымъ или религіознымъ соображеніямъ, хотя бы и уважительнымъ, но законодателю чуждымъ, такимъ требованіемъ, о которомъ онъ самъ упомянулъ бы, если бы считалъ необходимымъ. Они только судьи, а не законодатели ни прямые, ни косвенные. Недостатки закона не могутъ быть устраняемы судебною властію, которая обязана ясный и опредѣленный законъ, несмотря на всѣ его несовершенства, примѣнять по точному его смыслу и разуму (р. Уг. К. Д. ^{71 г.}₁₇₃₅).

Если суровыя наказанія ожесточаютъ сердца, то и послабленія, сдѣлки съ совѣстью, безнаказанность виновныхъ развращаютъ духъ народа и заставляютъ смотрѣть на судей какъ на проповѣдниковъ преступленія.

Если на законы благотворно вліяютъ судебные процессы, то, конечно, не приговорами въ нихъ постановленными, а фактами въ нихъ раскрытыми.

Нельзя отрицать, что есть, однако, исключительные случаи, гдѣ и приговоры присяжныхъ, повторяясь однообразно въ теченіе долгаго времени, могутъ служить для законодателя указаніемъ на

то, что представители общественной совѣсти не видятъ вины въ дѣяніи, которое признается съ формальной точки зрѣнія, нарушеніемъ закона, который устарѣлъ, вслѣдствіе того, что экономическія и административныя условія, его вызвавшія, исчезли или измѣнились. Но таковы проступки не противъ правъ извѣстныхъ лицъ или общества, а противъ цѣлой системы правилъ, которыя уже опережены жизнію, напр., противъ паспортной системы. Но законодатель никогда не можетъ черпать для себя указаній въ такихъ приговорахъ, которые относятся не къ проступкамъ противъ временной системы, а къ преступленіямъ, нарушающимъ вѣчныя понятія, давнымъ давно выраженные словами „не убій, не укради“.

Достоинство судьи состоитъ въ мудрости его приговоровъ. Въ каждой самостоятельной профессіи образовывается одна характеристическая, преобладающая въ ней черта: военному больше всего нужна неустрашимость, духовному лицу благочестіе, профессору ученность; натуралисту наблюдательность, художнику чувство красоты, судебному дѣятелю безпристрастіе.

Въ храмѣ правосудія правда, безпристрастіе, уваженіе къ личности и къ собственности должны находить себѣ вѣрное убѣжище. Съ правосудія не должна спадать повязка: оно должно быть равно для всѣхъ. Оно не должно различать ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ, ни знатныхъ, ни низкихъ, ни маленькихъ, ни высокопоставленныхъ, ни тѣхъ, кто все имѣя, чтобы не поддаться соблазну, не устоялъ передъ нимъ, ни тѣхъ, кого на бѣду толкнула нищета, безрасвѣтное невѣжество. Передъ судомъ есть только обвиняемые, ожидающіе отъ него справедливаго приговора.

Приговоръ присяжныхъ засѣдателей несомнѣнно имѣетъ общественное и воспитательное значеніе. Передъ нимъ должна преклониться вся страна, потому что нѣтъ общества, которое могло бы существовать безъ уваженія къ правосудію.

Всякій судебный приговоръ долженъ прежде всего удовлетворить нравственному чувству людей и въ томъ числѣ и самого обвиняемаго. Тамъ, гдѣ дѣйствительно совершилось преступленіе, не слѣдуетъ страшиться правды, тамъ мужественный, глубоко-

обдуманый, спокойный, безъ колебаній и сомнѣній, обвинительный приговоръ, несмотря на свою тяжесть, завершаетъ собою для подсудимаго и для пострадавшаго отъ преступленія житейскую драму, сглаживая чувства личной злобы и негодованія и успокаивая смущенную общественную среду спокойнымъ, хотя и суровымъ словомъ правосудія, которое должно заставить почувствовать свое грозное и спасительное бытіе, чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, не играли, не рисковали издѣваться надъ нимъ. Справедливый обвинительный приговоръ даетъ окружающимъ возможность сказать пострадавшимъ отъ преступленія: въ жизни много зла, но бываетъ и справедливость, и человѣкъ, который причинилъ вамъ столько несчастій, уже искупилъ свою вину. Приговоръ присяжныхъ засѣдателей долженъ быть правдивъ, какъ бы тяжело ни было въ инныя минуты сказать слово правды. Въ немъ не должна находить себѣ мѣста та жестокая чувствительность, которая, къ сожалѣнію, часто служить лишь проявленіемъ разслабленной души и благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаетъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью, увлеченіемъ. Увлекаясь чувствительностью въ отношеніи къ виновному, не надо становиться жестокимъ къ потерпѣвшему, къ пострадавшему, и къ нравственному и къ матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что законъ есть мертвая буква, что его можно попирать безнаказанно.

Каждый изъ насъ обязанъ исполнить свой долгъ въ той сферѣ, въ которую онъ поставленъ. Долгъ наполняетъ, обнимаетъ всю жизнь во всѣхъ ея періодахъ. Онъ начинается въ семьѣ, гдѣ являются обязанности дѣтей къ родителямъ, родителей къ дѣтямъ, супруговъ другъ къ другу, хозяина къ прислугѣ. Въ же дома слагаются обязательныя отношенія человѣка къ человѣку въ качествѣ друзей, сосѣдей и т. п. Долгъ есть принципъ, основанный на чувствѣ справедливости, вдохновляемой любовью, которая есть совершеннѣйшая форма добродѣтели... Въ исполненіи долга слышится голосъ совѣсти... Только въ исполненіи долга есть истина и истинное величіе человѣка. Самое чистое удовольствіе есть то, которое порождается сознаніемъ исполненнаго долга. Въ исполненіи долга нѣтъ вы-

сокой дѣятельности. Его долженъ исполнить каждый, кто желаетъ сохранить къ себѣ довѣріе и избѣжать нравственной несостоятельности. Воздадите, говоритъ апостолъ Павелъ, убо всѣмъ должная.

Только подъ этими условіями законъ облачаетъ присяжныхъ засѣдателей страшными правами, общество передаетъ въ ихъ руки самые дорогіе свои интересы, горемычныя семьи ищутъ у нихъ защиты, а подсудимые, убѣжденные въ своей невинности, вручаютъ имъ свою жизнь безъ содраганія, зная, что горе постигнетъ лишь неправаго.

Цѣлуя самые дорогіе символы (знаки), оставшіеся послѣ Спасителя,—крестъ (орудіе, которое ведетъ къ спасенію) и Евангеліе (которое благовѣствуетъ о спасеніи, есть способъ спасенія), совершая исключительный актъ присяги, поднимая руку вверхъ, присяжные засѣдатели клянутся, призываютъ Бога во свидѣтели истины, во свидѣтели того, что они не будутъ оправдывать виновнаго и осуждать невиннаго. Это цѣлованіе будетъ Іудинимъ цѣлованіемъ, если присягающій съ намѣреніемъ не исполнить своего обѣщанія.

Руководящее напутствіе Предсѣдателя.

По особому свойству судебныхъ дѣлъ разсмотрѣніе ихъ ввѣряется во всѣхъ культурныхъ государствахъ людямъ, имѣющимъ специальное юридическое образованіе, соединяющимъ съ теоретическими познаніями и свѣдѣнія, приобретаемая практикою. Почти во всѣхъ государствахъ, признана польза объясненій Предсѣдателя, которыя особенно необходимы у насъ при недостаточной подготовкѣ нашихъ присяжныхъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ важныхъ обязанностей. Рѣчи крайне важны. Безъ помощи рѣчей сторонъ и Предсѣдателя присяжные не въ состояніи ясно поставить вопросы о темныхъ мѣстахъ дѣла, нерѣдко чувствуютъ себя потерянными въ обстоятельствахъ дѣла.

Нигдѣ такъ ясно не выступаетъ важная роль заключительнаго слова Предсѣдателя, нигдѣ это слово не отличается большею своеобразностію, какъ въ Англіи, гдѣ судъ и процедура есть плодъ народнаго генія и продуктъ условій соціально-государственной жизни. Оно есть мнѣніе юриста о техническихъ вопросахъ дѣла, можетъ быть его мнѣніемъ и опирается на правила о судебныхъ

доказательствахъ. Въ первой части заключительнаго слова англійскій судья долженъ изложить краткій очеркъ дѣла и доказательствъ, сводъ доказательствъ и заключеніе о дѣйствительности ихъ, о связи виновнаго съ соучастниками. Во второй и главной части онъ долженъ изложить дѣйствующій законъ о доказательствахъ, поученіе объ общихъ началахъ права, правила для оцѣнки силы доказательствъ, а также юридическую квалификацію дѣла.

Разсужденія о силѣ доказательствъ имѣютъ мѣсто настолько насколько эта сила опредѣляется въ законѣ или косвенно вытекаетъ изъ тѣхъ или другихъ постановленій о способѣ добыванія и эксплуатаціи доказательствъ. Онъ долженъ выяснитъ присяжнымъ, что между презумпціями, допускающими и не допускающими опроверженія, есть такія, которыя должны быть приняты присяжными, если нѣтъ опровергающаго доказательства и если это не противно ихъ убѣжденію. Такъ, если по общему или статутному праву документъ, подлинность котораго доказана, считается полнымъ доказательствомъ содержащихся въ немъ фактовъ, то судья долженъ объяснить присяжнымъ, что они не могутъ не признать обстоятельствъ, изложенныхъ въ документѣ. Если одно свидѣтельское показаніе считается по закону недостаточнымъ доказательствомъ, какъ, напр., по дѣламъ о высокой измѣнѣ и клятвопреступленіи, судья долженъ объяснить присяжнымъ содержаніе этого правила. Также точно, если противъ лица, обвиняющагося въ преступленіи, имѣется только оговоръ соучастника, ничѣмъ и не въ одномъ существенномъ пунктѣ неподтвержденный, судья обязанъ предостеречь присяжныхъ, что не безопасно осуждать человѣка на основаніи одного только этого доказательства, хотя они и имѣютъ на то законное право. Помимо этого, судья высказываетъ мнѣніе и о силѣ доказательствъ изъ собственнаго опыта или изъ рѣчей какихъ-либо авторитетовъ судебной практики; но подобныя соображенія нисколько не обязательны для присяжныхъ.

Напротивъ, въ американской практикѣ высказываніе судьей мнѣнія о силѣ доказательствъ по дѣлу считается злоупотребленіемъ.

Общегерманскій Уставъ о заключительномъ словѣ Предсѣдателя постановляетъ слѣдующее: „Предсѣдатель, не входя въ оцѣнку доказательствъ, даетъ присяжнымъ наставленіе о правовыхъ точкахъ зрѣнія, которыя они должны принять во вниманіе

при разрѣшеніи возложенной на нихъ задачи, т. е. только юридическое наставленіе.

Во Франціи старшина присяжныхъ прочитывалъ имъ слѣдующую инструкцію: законъ не требуетъ отъ присяжныхъ отчета въ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для ихъ убѣжденія; онъ имъ не предписываетъ правилъ въ руководство; законъ предписываетъ имъ, чтобы они, духовно сосредоточившись, изслѣдовали въ глубинѣ своей совѣсти вопросъ—имѣете ли вы внутреннее убѣжденіе. Но во Франціи съ 1881 года, а также въ Бельгіи и Голландіи заключительнаго слова Предсѣдательствующаго не существуетъ.

Оставить присяжныхъ засѣдателей безъ всякаго совѣта по вопросу объ условіяхъ достовѣрности доказательствъ значитъ оставить ихъ безъ всякаго предостереженія и не придавать уже никакого значенія ни опыту судей, ни работъ науки.

Руководящее напутствіе Предсѣдателя должно во 1) выяснить присяжнымъ засѣдателямъ коренныя начала права и процесса, коренныя признаки и свойства рассматриваемаго преступленія, во 2) напомнить имъ существенныя обстоятельства дѣла, подходящія подъ эти признаки или идущія съ ними въ разрѣзъ, обратить ихъ вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя могутъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе предложенныхъ имъ вопросовъ, освободивъ при этомъ эти обстоятельства и эти признаки отъ невѣрной окраски и отъ односторонняго освѣщенія, указавъ, что понятія и сужденія о предметѣ, когда на него смотрять съ одной и, сверхъ того, не съ надлежащей точки зрѣнія, всегда не ясны, часто ложны и не удовлетворяютъ ни уму, ни сердцу, отъ болѣе или менѣе натянутыхъ доводовъ сторонъ, нерѣдко неправильнаго изложенія ими обстоятельствъ дѣла и опредѣленія законнаго ихъ значенія и въ 3) указать тѣ общія начала, внѣшнія правила и приемы, которыхъ слѣдуетъ держаться при оцѣнкѣ силы доказательствъ, и, въ частности, признаки достовѣрности, почерпаемые изъ закона, дабы они знали, что и при системѣ внутренняго убѣжденія законодатель различаетъ болѣе или менѣе достовѣрныя доказательства (конечно, *in abstracto*), напр., значеніе присяжнаго и безприсяжнаго показанія.

Напутственное слово Предсѣдателя должно облегчить задачу присяжныхъ, освѣтить передъ ними извороты, куда подъ часъ

убѣгаетъ истина, указать имъ путь сужденія, предостерегая ихъ отъ закоулковъ и переулковъ, уклоняющихъ ихъ отъ истинной цѣли, отъ увлеченія сомнительными доказательствами, истекающими не изъ добрыхъ, а изъ нечистыхъ источниковъ судебной достовѣрности, указать, что судьи не должны раздѣлять предразсудковъ, которые надо искоренять, съ которыми надо воевать, замѣняя ихъ здоровымъ созерцаніемъ. Оно въ дѣлахъ сложныхъ, гдѣ виновность подсудимаго слагается изъ цѣлаго ряда взаимно обусловленныхъ обязанностей, устраняетъ то, что можетъ быть названо извращеніемъ уголовной перспективы, благодаря которой путемъ искусственныхъ построений дѣйствительно виновные отодвигаются постепенно съ перваго плана на такое отдаленіе, что преступныя черты ихъ дѣятельности становятся трудно распознаваемыми, должно устранить изъ судебного производства все, что можетъ ввести въ заблужденіе судью. Слово Предсѣдателя приходитъ на помощь лишенному защитника, неумѣлому, подавленному непривычною обстановкою подсудимому и за него указываетъ тѣ обстоятельства, выясненныя судебнымъ слѣдствіемъ, которыя должны быть положены на чашу вѣсовъ оправданія.

Оно должно разъяснить въ разсматриваемомъ случаѣ, что обвиненіе должно быть самостоятельно доказано, хотя на судѣ и не можетъ быть достигнута математическая точность, потому что судебный споръ не есть ученый диспутъ, что обвиненіе должно имѣть свои собственныя силы, а не питаться безсиліемъ подсудимаго, промахами неопытной, легкомысленной, безтактной защиты, что оно должно имѣть твердыя, устойчивыя начала, должно опровергнуть несообразности, устранить физическую и нравственную невозможность событія, что презумпція о невиновности подсудимаго также должна быть положительнымъ образомъ доказана, что къ оправдательнымъ доказательствамъ не слѣдуетъ относить тѣхъ сомнѣній, которыя подкапываютъ зданіе обвиненія, что эти доказательства должны быть хотя настолько сильны, чтобы возбудить разумное сомнѣніе, что защитникъ выступаетъ не только какъ частный представитель подсудимаго, но и въ качествѣ общественнаго дѣателя, что онъ обязанъ содѣйствовать суду, а не препятствовать, что слова его должны служить къ достиженію высокихъ цѣлей его званія, что онъ долженъ стремиться къ благородной цѣли—добыть чистый матеріалъ и зажечь изъ него свѣтъ правды, что онъ измѣнить достоинству своего званія, если будетъ стре-

миться къ такъ называемому „обѣлѣнію“, или освобожденію виновнаго отъ наказанія во чтобы то ни стало, чрезъ подсказываніе, напр., ему отвѣтовъ. Какъ судъ есть опора и охрана личности, какъ судья долженъ быть чуждъ всякаго ихъ умаленія или угнетенія и пріобрѣтаетъ добрый гласъ народа правильнымъ управленіемъ правосудія, доступностію и доброжелательностію, учтивостію и вѣжливостію, спокойствіемъ и сдержанностію, но не апатіею и безразличіемъ, умѣренностію и достоинствомъ, но не послабленіемъ, такъ и защитникъ долженъ воздерживаться отъ всѣхъ нелегальныхъ приемовъ веденія дѣла. Каждому уважающему себя дѣятелю должно быть присуще сознаніе, что обвиняемый еще не подсудимый, подсудимый еще не осужденный, а осужденный тотъ же человѣкъ и при томъ уже начавшій искупленіе своей вины, что потерпѣвшій довѣрчиво приходитъ къ судебной власти просить защиты, что свидѣтель, оторванный отъ личныхъ своихъ занятій, своимъ показаніемъ оказываетъ суду посильное содѣйствіе въ поискахъ за истиной.

Насколько законна защита, настолько несправедливо и унижительно для адвоката нападеніе.

Хотя правосудіе только и живетъ разоблаченіями, однако это неизбежное зло, эту тягостную обязанность — подвергать допросу, выслушивать признанія и разоблаченія — слѣдуетъ низвести до наименьшаго предѣла, различая случаи, гдѣ разоблаченіе должно требоваться и гдѣ не должно имѣть мѣста. Оно должно требоваться, какія бы ни были послѣдствія для допрашиваемыхъ сторонъ, если оно необходимо для того, чтобы уяснить дѣло правосудію и привести его къ правильному рѣшенію. Но если разоблаченія даже и не будутъ излишними, однако стѣсняютъ стороны или свидѣтелей или нарушаютъ общественные интересы лицъ постороннихъ дѣлу, то ихъ надо устранять, за исключеніемъ случаевъ безусловной необходимости. Если ошибка, оставаясь неизвѣстною, никому не вредитъ, то, очевидно, что свидѣтельство не можетъ быть допущено. Но этого еще недостаточно. Можно представить себѣ случаи, гдѣ отвѣтчикъ могъ бы совершенно оправдаться, еслибы могъ потребовать отъ свидѣтеля разоблаченія такого факта, который погубилъ бы, напр., репутацію женщины или обнаружилъ бы кровосмѣшеніе, прелюбодѣянiе и т. п., тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть допущено даже въ ущербъ отвѣтника, если дѣло идетъ о незначительномъ интересѣ.

Не заслуживаютъ оправданія стороны, которыя нерѣдко храмъ правосудія превращаютъ въ арену гладіаторовъ, останавливаясь на такихъ вопросахъ, которые не имѣютъ другой цѣли, кромѣ стремленія разрушить взаимно репутацію другъ друга.

Еще менѣе заслуживаютъ оправданія адвокаты, которые за недостаткомъ средствъ опровергнуть показаніе, заставляя выслушивать толпу, большею частію не имѣющихъ значенія, свидѣтелей, показанія которыхъ проходятъ большею частію почти безъ возраженій, загромождаютъ существенные факты фактами излишними, стараются при помощи плохо доказанныхъ фактовъ и рискованныхъ выводовъ, неопредѣленныхъ подозрѣній повредить репутаціи свидѣтеля, съ напыщеннымъ гнѣвомъ и продажною ненавистью усиливаются поднять на—смѣхъ честнаго гражданина, который исполнилъ свой долгъ, пускаются въ раскрытіе фактовъ ихъ частной жизни, чтобы найти въ жизни свидѣтеля или противной имъ стороны неизвѣстныя имъ слабости, чтобы дискредитировать ихъ, и извращаютъ умъ и краснорѣчіе, чтобы спасти виновнаго, а чаще, чтобы добиться скоропроходящей извѣстности, воспроизвести на слушателей или на общество впечатлѣніе краснорѣчиваго и талантливаго оратора.

Униженіе до остротъ, ядовитое краснорѣчіе, игра словами, фейрверкъ фразъ, драматичность производства, разгулъ слова, безцеремонность спора и недобросовѣстность его, когда за недостаткомъ довода его замѣняютъ ловкимъ словомъ, недостатокъ доказательства замѣняютъ подозрѣніемъ, высказываемымъ убѣдительнымъ и рѣшительнымъ тономъ, обращеніе не къ логикѣ, а къ страстямъ, напр., стремленіе расшевелить чувство, разжалобить или утратить хотя бы намеками на наказаніе или возмутить жестокостью преступленія (хотя это и неизбѣжное зло) и вообще широкій просторъ страстямъ не есть средство убѣждать. Все это возбуждаетъ лишь страсти и потому не допускается закономъ.

Не въ бесполезной и непроходимой путаницѣ, не въ обремененіи памяти судей и присяжныхъ нелѣпостями, не этимъ низкимъ успѣхомъ слѣдуетъ гордиться. Истинное краснорѣчіе заключается не въ этомъ, а въ томъ, чтобы сказать все, что нужно и ничего болѣе. Доказываніе на судѣ должно быть просто и экономно на слова, подобно рѣшенію арифметической задачи.

Оскорбительное отношеніе защитника къ лицамъ и проявленное имъ на судѣ неуваженіе къ другимъ можетъ тяжело ото-

зваться на подсудимомъ, возбудивъ нерасположеніе къ защитнику его, ибо присяжные и публика понимаютъ дѣло и строги къ безсовѣстному истцу, который осмѣливается нарушать (напр., въ дѣлахъ по личнымъ искамъ) спокойствіе семьи и бросать тѣнь на репутацію человѣка. Въ этомъ случаѣ несправедливое имѣетъ характеръ покушенія на воровство.

Эти скандалезныя пренія должны быть предупреждены благо-разуміемъ судьи. Если судьи будутъ справедливы безъ жестокости, непреклонны безъ вражды, то эти злоупотребленія исчезнутъ безъ стѣсненія защиты.

Предсѣдательствующему слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ властно управляетъ ходомъ засѣданія и, охраняя въ немъ порядокъ, направляетъ дѣло единственно къ раскрытію правды и торжеству закона, а потому несетъ наибольшую отвѣтственность за все происшедшее на судѣ.

Менѣе всего надо бояться дискреціонной власти, которая ввѣряется судьямъ подъ непремѣннымъ условіемъ мотивировать каждый разъ примѣненіе ея, когда къ ней прибѣгаютъ. Эта узда достаточна, потому что возлагаетъ на нихъ полную отвѣтственность.

Нашъ Предсѣдатель, не имѣя дискреціонной власти, имѣетъ неограниченную власть управлять ходомъ судебного слѣдствія, его внѣшнюю, обрядовую, формальную сторону и хотя не долженъ быть главнымъ допросчикомъ на судебномъ слѣдствіи, но до извѣстной степени является здѣсь Слѣдователемъ въ собираніи представленныхъ доказательствъ.

Онъ обязанъ не допускать на судебномъ слѣдствіи и въ рѣчахъ разбирательства дѣла безъ надлежащаго достоинства, спокойствія и правильности, составляющихъ залогъ правосудія, ничего несовмѣстнаго съ правильнымъ ходомъ правосудія, извращающаго таковой, грубаго затемнѣнія дѣла посторонними, не относящимися къ данному дѣлу обстоятельствами, крайнихъ излишествъ, пустословія, развитія положеній, не совмѣстныхъ съ общими началами правосудія (р. Пр. С. ⁸⁵/₁₇ г.), явно противорѣчащихъ задачамъ правосудія, направленнымъ не къ изысканію истины на судѣ, а къ извращенію передъ присяжными засѣдателями понятій о дозволенномъ и воспрещенномъ какъ закономъ уголовнымъ, такъ и нравственнымъ, и къ насажденію въ ихъ умахъ смутнаго представленія о присущихъ имъ правахъ и обязанностяхъ (р. Пр. С. ⁸⁴/₄ г.) и могущихъ ставить ихъ въ такія усло-

вія, благодаря коимъ они не могутъ съ надлежащею безпристрастностію, съ спокойнымъ равновѣсіемъ духа, безъ предубѣжденія приступити къ оцѣнкѣ доказательствъ, выражений, оскорбительныхъ для отдѣльныхъ лицъ, учреждений и установленій, должнаго уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, обвиняя, напр., судебную власть въ служебной неумѣлости и недобросовѣстности (р. Пр. С. $\frac{94}{32}$ г.), и неправильнаго объясненія значенія дѣйствій ея (напр.: слѣдственная власть неумѣлою рукою прикоснулась къ дѣлу... или: обвинительный актъ представляетъ собою юридическій безпорядокъ, какъ бы, служившій продолженіемъ бывшихъ безпорядковъ... банка), существеннаго нарушенія защиты указанныхъ закономъ предѣловъ для преній сторонъ (р. Пр. С. $\frac{95}{17}$ г.), вопросовъ, уличающихъ или клонящихся къ уличенію свидѣтелей въ какихъ-либо неблагоприятныхъ дѣйствіяхъ (р. Пр. С. $\frac{95}{17}$ г.).

Если сторона ограничивается повтореніемъ прежде высказанныхъ аргументовъ, несмотря на предупрежденіе Предсѣдателя избѣгать повтореній, то онъ можетъ остановить ее и лишить права слова, объявивъ пренія прекращенными (р. Пр. С. $\frac{97}{586}$ г.).

Но установить безусловное правило здѣсь невозможно.

Напутственное слово Предсѣдателя должно выяснитъ также, что хотя изъ судебныхъ рѣчей и не могутъ быть устранены приблизительныя обобщенія, однако аналогіи въ видѣ примѣровъ другихъ событій не умѣстны на судѣ уже и потому, что стороны имѣютъ право говорить только объ обстоятельствахъ дѣла, имѣвшихъ мѣсто на судебномъ слѣдствіи передъ рѣшающими судьями.

Оно должно выяснитъ также, что защита можетъ анализировать обстоятельства дѣла, но не имѣетъ права ссылаться на свое убѣжденіе, на свою совѣсть, на свой опытъ, ставить себя авторитетомъ, ибо ея искреннее убѣжденіе можетъ выразиться въ точномъ анализѣ доказательствъ, въ мощномъ словѣ, объективно, а также и то, что когда стороны стремятся раскрыть нравственную оболочку дѣла, внутреннюю его сторону, раскрывая массу обстоятельствъ жизни, обстановку и дѣятельность подсудимаго, то присяжные засѣдатели должны судить достойное коры дѣйствіе, преступленіе, а не достойную порицанія бытовую обстановку, не нравственную оболочку дѣла, на которой не слѣдуетъ даже особенно останавливаться, о которой слѣдуетъ забыть, если преступленіе не

доказано, что необходимо смотрѣть на ядро дѣла, которое не имѣетъ ничего общаго съ оболочкою или имѣетъ съ нею отдаленную связь.

Характеръ предсѣдательскаго наставленія выясняется отчасти проектомъ инструкціи, которую предполагалось внести въ Уставъ по которую замѣнили 801 и 803 ст. ст. Уст. Уг. Суд. Эта инструкція излагаетъ правовыя условія достовѣрности доказательствъ, т. е. юридическіе признаки, по которымъ мы можемъ признать данное обстоятельство удовлетворительнымъ въ судебномъ отношеніи. Напр., освидѣтельствованіе и осмотры, не требующіе техническихъ знаній, почитаются достовѣрными, когда они произведены установленными властями и съ соблюденіемъ предписанныхъ на то правилъ (4 ст.); показанія свидѣтелей не принимаются въ уваженіе а), когда показаніе основано лишь на догадкахъ, предположеніяхъ или на слухахъ отъ другихъ, б) когда свидѣтели имѣютъ такіе тѣлесные или умственные недостатки, при которыхъ они не могутъ имѣть яснаго представленія о предметѣ свидѣтельства, в) когда оно вынуждено насиліемъ, угрозами, обѣщаніями, ухищреніями и т. п. мѣрами, г) когда оно не согласно съ обстоятельствами дѣла (9 ст.); уликою почитается всякое обстоятельство, изъ котораго можно вывести заключеніе или о событіи преступленія или о винѣ подозрѣваемаго лица (14 ст.).

Разъясненіе Предсѣдателемъ основныхъ началъ касательно доказательствъ есть средство для того, чтобы рѣшеніе по дѣлу не было постановлено ни подъ вліяніемъ совершеннаго невѣдѣнія основныхъ началъ доказательствъ, ни подъ гнетомъ точныхъ правилъ, стѣснительныхъ для оцѣнки конкретнаго случая.

Судебные Уставы, не преподавъ Предсѣдателю правилъ для оцѣнки силы и значенія доказательствъ, тѣмъ самымъ указали, что эта оцѣнка предоставляется его добросовѣстности, опыту, знанію и благоусмотрѣнію. Поставивъ слово Предсѣдателя передъ самымъ совѣщаніемъ присяжныхъ засѣдателей, они придали ему особую нравственную силу. Они указали лишь, что общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ Предсѣдатель даетъ не въ видѣ непреложныхъ истинъ, а лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, что эти основанія лишь помогаютъ сдѣлать оцѣнку доказательствъ и не должны быть смѣшиваемы съ самими доказательствами.

Правила о силѣ доказательствъ отнюдь не связываютъ присяжныхъ и должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимаго, на основаніи выработанныхъ жизнію нравственныхъ началъ, по внутреннему убѣжденію, которое должно быть основано на всемъ видѣнномъ и слышанномъ на судѣ, на всѣхъ въ совокупности обстоятельствахъ дѣла, провѣренныхъ на судѣ, а не на какихъ-либо другихъ соображеніяхъ, не на фактахъ, извѣстныхъ имъ самимъ (р. У. К. Д. ^{71 г.}₁₁₈₇), и не на слухахъ, полученныхъ объ обстоятельствахъ дѣла и о личности подсудимаго какимъ-либо другимъ путемъ, потому что эти слухи, нерѣдко плодъ досужей фантазіи, не были и не могли быть провѣрены на судѣ. Впрочемъ, присяжные засѣдатели, избранные изъ той среды, къ которой принадлежитъ подсудимый, могутъ пользоваться и ближайшею извѣстностію его поведенія и наклонностей, мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни, но лишь настолько, насколько эти свѣдѣнія разъясняютъ такіа обстоятельства въ дѣлѣ, которыя на первый взглядъ могутъ показаться темными и не имѣющими связи съ преступленіемъ.

Судебные Уставы не предписываютъ Предсѣдателю заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы избѣжать обнаруженія какого-либо мнѣнія по дѣлу. Неественно и не всегда желательно требовать съ его стороны нечеловѣческой объективности. Говоря объ условіяхъ достовѣрности доказательствъ (по мнѣнію Владимірова-доказательствъ вообще, извѣстнаго рода, а не по данному дѣлу), оцѣнивая ихъ юридическое значеніе, онъ, если не желаетъ впасть въ слишкомъ общія мѣста, не можетъ не высказать своего мнѣнія.

Положеніе Предсѣдателя напоминаетъ положеніе историка. Всякое истинно историческое сочиненіе субъективно, ибо не тотъ историкъ, кто нанизываетъ факты одинъ на другой, а тотъ, кто умѣетъ показать и ихъ внутреннюю связь, которая покоится на личныхъ субъективныхъ выводахъ. Требовать отъ историка объективности значитъ не понимать сущности человѣческаго познанія. Какъ отраженіе въ зеркалѣ зависитъ отъ качества зеркала, такъ и отраженіе прошедшаго въ историческомъ трудѣ зависитъ отъ личности историка.

Воспрещеніе выражать свое мнѣніе не есть безусловное. Нужно только, чтобы это мнѣніе не имѣло характера пристрастія, односторонности, увлеченія и страсти.

Правильно понимающій свои обязанности Предсѣдатель не только можетъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ, обусловленныхъ составомъ присяжныхъ, неравенствомъ силъ сторонъ или способъ установки на судъ того или другого доказательства, обязанъ высказать присяжнымъ засѣдателямъ свое мнѣніе объ относительной силѣ доказательствъ по дѣлу.

Правительствующій Сенатъ всегда, напр., въ рѣшеніяхъ ^{67 г. 70 г. 72 г.}_{492, 718, 350.} признавалъ за Предсѣдателемъ право входить въ предѣлахъ, данныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, въ оцѣнку мнѣній экспертовъ (указывать на такія обстоятельства, которыя подкрѣпляютъ или опровергаютъ ихъ заключеніе), а также сущности и значенія свидѣтельскихъ показаній и оковыхъ людей, указывая условія достовѣрности этихъ показаній. Въ рѣшеніи 1874 года № 439 Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ личнаго мнѣнія Предсѣдателя, говорящаго, что ни судебнымъ, ни предварительнымъ слѣдствіемъ не обнаружена причина смерти лица. Рѣшеніе 1872 года № 152 разрѣшаетъ сторонамъ въ подкрѣпленіе своего взгляда на значеніе доказательства ссылаться на ученія изслѣдованія, на ученые авторитеты по всѣмъ вопросамъ, касающимся достовѣрности фактовъ, значенія уликъ въ процессѣ какъ вообще, такъ и разныхъ видовъ преступленій, выставить тѣ условія, при наличности которыхъ доказательства могутъ почитаться достовѣрными и убѣдительными. Изъ этого рѣшенія вытекаетъ, что и Предсѣдатель можетъ приводить научныя мнѣнія для объясненія закона съ исторической и догматической точекъ зрѣнія.

Напутствуя присяжныхъ засѣдателей, Предсѣдатель вышелъ бы изъ своей роли, если бы обнаружилъ явно свое мнѣніе о виновности или невиновности говоря имъ: „этотъ человѣкъ виновенъ или не виновенъ“; но онъ имѣетъ право и основаніе сказать имъ: „для сравненія чаши вѣсовъ защиты и обвиненія вамъ даны гири, доказательства, на которыхъ стороны обозначали, съ своей точки зрѣнія, ихъ тяжесть. Разсмотримъ каждую гирю и, руководствуясь знаніемъ и безпристрастіемъ, повѣримъ ея дѣйствительный вѣсъ“.

Онъ можетъ сказать имъ: вы оцѣните правдоподобность такого факта, который далеко не представляется невѣроятнымъ и даже весьма возможнымъ при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находилась „А“ къ „П“. Если вы признаете, что деньги могли быть даны, то встрѣтитесь съ двумя выводами: или деньги могли быть возвращены просто, также какъ взяты, если только были

взяты, или за нихъ могли быть выданы, какъ объясняетъ подсудимая, векселя. Векселя, подписанные не „П“, могли быть вручены или сумашедшимъ или мстителемъ. Третье предположеніе, въѣ этихъ двухъ, едвали возможно, по крайней мѣрѣ, ни подсудимая, ни ея защитникъ, ни обвинитель не представили никакого намека на возможность третьяго предположенія. Если „П“ былъ возбужденъ душевно, то выдача векселей, какъ и всякая безумная выходка, становится возможною. Надо сопоставить характеръ и свойства потерпѣвшаго П. съ этою щекотливою и даже опасною практически и глубоко постыдною нравственною ролью, которую онъ готовилъ себѣ въ будущемъ.

Точно также необходимо, чтобы по отношенію къ новымъ, выработаннымъ экономическою и общественною жизнію явленіямъ, Предсѣдатель указывалъ присяжнымъ не только на свойство и признаки преступнаго дѣянія, но независимо, конечно, отъ вины или невинности подсудимаго, и на общественное значеніе этого дѣянія, на борьбу съ какимъ зломъ выступаетъ въ ихъ лицѣ правосудіе, зломъ, которое отражается прямо или рикошетомъ на общественныхъ группахъ согражданъ, учрежденіяхъ, на цѣлыхъ отрасляхъ общественнаго труда, такъ какъ каждое преступное дѣяніе имѣетъ двоякое значеніе—по отношенію къ личности обвиняемаго и по отношенію къ обществу. Но надо замѣтить, что исполнить въ точности все то, что законъ возлагаетъ на Предсѣдателя, весьма трудно.

Весьма нерѣдко теоретическіе выводы и положенія не должны быть вводимы въ разъясненія, потому что они могутъ рѣзко противорѣчить съ условіями дѣйствительности, и поэтому только тогда слѣдуетъ ихъ развивать, когда представляется къ тому необходимость, когда ясно, что это разъясненіе, дѣйствительно, можетъ, помочь присяжнымъ въ открытіи истины.

Объемъ руководящаго напутствія, заключительнаго слова Предсѣдателя (въ Англіи—*charge*, во Франціи—резюме, краткое изложеніе дѣла), не поддается регламентации, по крайней мѣрѣ, прямой и обусловливается характеромъ, природою случая.

Въ сложныхъ процессахъ небезполезнымъ оказывается иногда связанное, мощное, ясное и краткое изложеніе существенныхъ данныхъ судебного слѣдствія, существенныхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ даже и тѣхъ, которыя хотя и имѣли мѣсто на судебномъ слѣдствіи,

но были упущены сторонами, доводовъ за и противъ подсудимаго въ ихъ естественномъ порядкѣ, изложеніе которыхъ въ дѣлахъ заурядныхъ, не представляющихъ особаго интереса ни по личности обвиняемаго, ни по характеру уликъ, когда послѣднія просты и малочисленны, есть излишняя формальность. Предсѣдатель долженъ сосредоточить свое вниманіе преимущественно на спорныхъ обстоятельствахъ дѣла, въ отношеніи которыхъ имѣющіяся по дѣлу доказательства возбуждаютъ наибольшія сомнѣнія и отъ отношенія къ которымъ совѣсти присяжныхъ зависитъ исходъ дѣла. Если между сторонами происходили споры относительно фактической стороны судебного слѣдствія (напр., возбуждены сторонами сомнѣнія о томъ—показывалъ ли и какъ показывалъ свидѣтель о какихъ-либо обстоятельствахъ дѣла), то на Предсѣдатель лежитъ обязанность возстановить истину и изложить спорное обстоятельство въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось на судѣ. Онъ долженъ объяснить также, что присяжные засѣдатели обязаны разсмотрѣть всѣ подробности, всѣ оттѣнки дѣянія подсудимаго, какимъ оно выяснилось на судѣ, и опредѣлить подходятъ ли они подъ указанные имъ законные признаки того преступленія, въ которомъ подсудимый обвиняется, напр., по дѣлу объ убійствѣ, было ли намѣреніе лишить жизни или только нанести побои и раны, задумано ли оно заранее: или же совершено подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія или неосторожно или случайно. Приэтомъ слѣдуетъ помнить, что человѣкъ дѣйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ и чтобы правильно оцѣнить его дѣйствія, необходимо знать условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, обстановку, въ средѣ которой совершено преступленіе.

Надо тщательно взвѣсить имѣющіяся по дѣлу какъ улики къ обвиненію, такъ и основанія къ оправданію, и, положа руку на сердце, задумываясь надъ тайной, созерцая иногда гнетущія несообразности и мракъ, окружающій дѣло, высказать свое мнѣніе обдуманно, безпристрастно, свободно, самостоятельно, не подчиняясь ни вліянію чужого мнѣнія, ни своимъ первымъ безотчетнымъ впечатлѣніямъ, дабы исполнить свой долгъ и выйти изъ суда съ величайшею принадлежностію судьи—съ спокойною совѣстью, съ этимъ нелицепріятнымъ внутреннимъ судьей, съ чистымъ сердцемъ, передъ которымъ страсти ничтожны, а постороннія вліянія безсильны, и которое отступаетъ, если сомнѣвается.

Если судебное слѣдствіе недостаточно выяснило какое-либо

обстоятельство въ дѣлѣ, несмотря на то, что были приняты все мѣры къ разъясненію его, если одно обстоятельство опровергается другимъ, то все это должно быть отвергнуто присяжными засѣдателями, какъ недостоверное; если же и послѣ этого остальные обстоятельства дѣла окажутся неубѣдительными, если ихъ можно истолковать въ ту или другую сторону, то, конечно, полного и несомнѣннаго убѣжденія составить не можетъ, и тогда обязательно оправдать, потому что нѣтъ достовѣрности, если дѣло физически или нравственно могло быть иначе, потому что фактъ считается недоказаннымъ, если онъ и не доказанъ и не опровергнутъ, ибо лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго, такъ какъ правосудіе преслѣдуетъ не сомнительныхъ, а дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія и отъ осужденія невиннаго интересы его страдаютъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ отъ оправданія виновнаго. Осудить можно лишь потому, что въ дѣлѣ ясно, а не потому, что темно и не доказано, а ничего средняго между осужденіемъ и оправданіемъ законъ не допускаетъ, такъ какъ при рѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго одного подзрѣнія не достаточно, а необходимо полное убѣжденіе, исключющее всякое разумное сомнѣніе; недостаточно одного только перевѣса въ пользу спорнаго факта, одного только наклона чаши вѣсовъ.

Судья долженъ быть гораздо болѣе насторожѣнъ противъ несправедливаго осужденія, нежели противъ несправедливаго оправданія. Слишкомъ легкое оправданіе пробуждаетъ сожалѣніе и безпокойство только между тѣми, которые размышляютъ, тогда какъ осужденіе обвиняемаго, который впослѣдствіи признанъ невиновнымъ, распространяетъ всеобщій ужасъ; всякая безопасность исчезаетъ: становится неизвѣстно, гдѣ искать спасенія если, невиновность не ограждаетъ. Но иногда на дѣлѣ опасность, происходящая отъ оправданія виновнаго, можетъ быть сильнѣе той, какая происходитъ отъ осужденія невиннаго; но она не настолько всеми сознается. Если оправдать вора, то почти вѣрнымъ послѣдствіемъ этого будетъ совершеніе новыхъ кражъ. Если обвинить въ воровствѣ невиннаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и другіе невиновные будутъ осуждены по той же причинѣ.

Но съ другой стороны надо имѣть въ виду, что зло отъ несправедливаго наказанія за воровство значительно превышаетъ зло, которое предстояло бы переносить отъ возобновленныхъ оправданными ворами кражъ.

Такимъ образомъ, тревога отъ наказанія сильнѣе, нежели отъ преступленія, и вслѣдствіе этого опасность быть наказаннымъ, будучи невиннымъ, будетъ казаться всегда большимъ зломъ, нежели опасность пострадать отъ оправданныхъ преступниковъ. По этому хотя бы въ умѣ судьи сложилась презумпція противъ обвиняемаго, онъ не долженъ колебаться дѣйствовать на основаніи презумпціи его невинности и при сомнѣніи смотрѣть на ошибку отъ оправданія, какъ наиболѣе извинительную или менѣе противную благу общества, нежели какъ на ошибку отъ осужденія. Подчиняясь голосу челоуѣколюбія, онъ только слѣдуетъ внушенію разсудка. Но это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ правилъ, которыми наиболѣе злоупотребляли. Надо недовѣрчиво относиться къ сантиментальнымъ преувеличиваніямъ, стремящимся оставлять преступленіе ненаказаннымъ подъ предлогомъ утвердить безопасность невинныхъ. Сначала говорили, что лучше спасти нѣсколько виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго; другіе обозначали ихъ числомъ десять, иные уменьшали на сто, иные же, наконецъ, говорили, чтобы обвиняемый не былъ осужденъ, пока виновность его не будетъ доказана математически или безусловно. На основаніи этого правила, чтобы не наказывать невиннаго, слѣдуетъ никого не наказывать.

Въ дѣлѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, одно такое обстоятельство, которое было бы не совмѣстно ни съ однимъ изъ предположеній, какія только могутъ быть сдѣланы касательно невинности подсудимаго, со всякою возможною гипотезою о невинности его, напр., что смерть послѣдовала не отъ посторонняго насилія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что иногда и не бываетъ видимыхъ явленій, которыя могутъ объяснить, напр., причины смерти. Природа есть глубокомысленная книга, разумѣть которую намъ дано не всегда. У нея есть свои секреты, свои непроницаемыя тайны.

Единогласіе, единодушіе присяжныхъ засѣдателей служить вѣрною порукою въ томъ, что обсуждаемое рѣшается не произвольно, что справедливость приговора не возбуждаетъ сомнѣній, что приговоръ постановленъ какъ бы цѣлымъ обществомъ.

При искреннемъ желаніи убѣдиться недоумѣніе въ рѣшеніи

нравственныхъ вопросовъ уступаетъ мѣсто соглашенію. Рѣшительная неуступчивость въ мнѣніи можетъ быть плодомъ только крайняго оупѣнія или же полнаго равнодушія къ важнѣйшимъ въ мірѣ вопросамъ и есть признакъ неспособности быть судьей. Но, съ другой стороны, оно желательно притомъ только условіи, когда оно можетъ выразить дѣствительно одинаковость мнѣній, убѣжденій, а не есть вынужденное, не основано на насиліи противъ убѣжденія, а вытекаетъ изъ внутренняго убѣжденія.

Право старшины присяжныхъ засѣдателей ни чуть не болѣе правъ остальныхъ присяжныхъ. Онъ только управляетъ ходомъ ихъ совѣщаній и принимаетъ участіе въ общемъ разсужденіяхъ; но онъ не долженъ навязывать присяжнымъ свое мнѣніе и вообще проявлять на нихъ какое-либо вліяніе. Въ случаѣ отказа его отъ написанія ихъ отвѣтовъ судъ, не устраняя его изъ состава присутствія присяжныхъ, предоставляетъ имъ избрать изъ своей среды другого старшину.

Существенныя опечатки.

страница:	строка:	напечатано:	должно быть:
2	9 снизу	элементовъ стоящихъ,	элементовъ, стоящихъ
3	17 сверху	по этому	поэтому
3	2 снизу	различною	различію
4	6 снизу	миренію	жизнію
5	17 сверху	иное,	иное
6	14 сверху	вліяніе	вліяніе“
8	15 сверху	ничто	не что
8	17 сверху	непроизвольнымъ	не произвольнымъ
10	18, 19 сверху	невсегда	Не всегда
12	17 снизу	када	кади
13	7 сверху	отъ,	отъ
13	15, 16 сверху	оно	онъ
13	10 снизу	дни	одни
13	18 снизу	историка:	историка,
14	2 сверху	правилами,	правилами:
15	14 сверху	ооредѣляется	опредѣляется
15	5 снизу	прилаживаніи,	прилаживаніи
16	8 сверху	этого	изъ этого
17	3 сверху	указывающихъ,	указывающихъ
17	17 сверху	связи	связи,
20	6 снизу	онѣ	они
21	7 сверху	доказательствъ	доказательствъ, отличающихся отъ презумпцій
23	15 снизу	ограниченна	ограниченна,
26	16 снизу	противоложнаго	противоположнаго
27	6 сверху	только:	только,
34	7 сверху	органы,	органы, 2)
35	19 и 20 сверху	уствъ	устройствъ
30	2 снизу	субъектидизмомъ	субъективизмомъ
39	1 сверху	недозволенные	недозволенные
39	17 снизу	переходятъ	переходятъ
39	18 сверху	положеніе	положеніе
42	20 сверху	молодыхъ	модныхъ
52	17 снизу	обвиняеинаго	обвиняемаго
55	15 снизу	въ одномъ,	въ одномъ
54	2 снизу	земли	землѣ
56	13 снизу	ошибки	
56	1 снизу	устроенное	устроенные
57	2 сверху	произведетъ она	произведутъ они
57	15 сверху	источникъ,	источникъ
58	10 снизу	313	315
58	9 снизу	ни	не
58	7 снизу	не	ни
59	20 снизу	источникамъ	источникахъ
64	12 снизу	разумне	разумное

страница:	строка:	напечатано:	должно быть:
67	4 снизу	на сторожѣ	насторожѣ
72	7 сверху	заблужденія	заблужденія
72	15 сверху	различіе,	различіе
74	1 сверху	107	707
77	3 снизу	нонимать	понимать
95	10 снизу	поглашающими	поглашающими
97	6 снизу	нововведеніе	нововведеніе,
98	3 сверху	оригинальности	оригинальности,
98	9 сверху	пре,,	пре-
98	10 сверху	вліяніемъ—	вліяніемъ,
102	3 снизу	рѣдко	рѣзко
103	11 сверху	министруціи	менструаціи
103	18 сверху	свидѣтей	свидѣтелей
104	1 сверху	эксцентричныхъ	эксцентричныхъ
106	7 снизу	протолахъ	протоколахъ
108	14 снизу	недобросовѣстность,	недобросовѣстность
109	17 сверху	показать	показать
110	1 сверху	пользуюсь	пользуясь
110	10 и 11 сверху	руководящихъ	руководящихъ
111	3 снизу	опреоблѣить	опредѣлить
112	15 сверху	свидѣтелямъ	свидѣтелемъ
119	13 снизу	суживается	сѣуживается
121	1 сверху	матеріальныя	(матеріальныя
124	1 снизу	раздросанныя	разбросанныя
126	3 сверху	эти	эти
126	7 сверху	возбуждаются	возбуждается
140	7 сверху	вѣроятности	вѣроятность
150	5 снизу	жизни—	жизни, которое
152	10 снизу	и припадками	припадками
153	1 сверху	во всѣ	во снѣ
164	14 сверху	страдать	страдаетъ
169	5 сверху	заставить	заставить
172	13 снизу	освидѣтельствованія,	освидѣтельствованія
175	6 сверху	подтвержденіе	подведеніе
176	8 сверху	убѣжденному	обсуждаемому
176	8 сверху	которая	которыя
194	19 снизу	Неественно	Неестественно
195	3 и 4 сверху	способовъ	способомъ
196	7 снизу	charge	charge
197	18 снизу	заранѣе:	заранѣе
198	12 снизу	спасенія если,	спасенія, если
200	6 снизу	общемъ	общихъ
1	въ цензурѣ	1891	1901

